

TALLINNA ÜLIKOOL
HUMANITAARTEADUSTE DISSERTATSIOONID

ТАЛЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИССЕРТАЦИИ ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

TALLINNA ÜLIKOOL

Инна Адамсон

**МОДАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ДЕЗИДЕРАТИВНОСТИ:
ОТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ К СЕМАНТИЧЕСКОЙ
ТИПОЛОГИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ
(на материале русского языка)**

 TLÜ KIRJASTUS

TALLINN 2006

TALLINNA ÜLIKOOL
HUMANITAARTEADUSTE DISSERTATSIOONID

ТАЛЛИНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ДИССЕРТАЦИИ ПО ГУМАНИТАРНЫМ НАУКАМ

Инна Адамсон

**МОДАЛЬНЫЙ СМЫСЛ ДЕЗИДЕРАТИВНОСТИ: ОТ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ К
СЕМАНТИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ВЫСКАЗЫВАНИЙ (на материале русского языка)**

Отделение славянской филологии Таллинского университета

Диссертация допущена к защите на соискание ученой степени доктора философии в области русского языка 3 июля 2006 года Ученым советом по гуманитарным наукам Таллинского университета.

Оппоненты: доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Российской Академии Наук (РАН)
Н.А. Фатеева, руководитель Центра междисциплинарных исследований при РАН
доктор филологии, заведующая кафедрой славянского Даугавпилсского университета Г.Н.
Питкевич

Научный руководитель: профессор С.Н. Туровская

Защита состоится 22 декабря 2006 года в Таллинском университете по адресу: Таллинн, Уус-Садама, 5, аудитория – У-328, в 14.00 часов.

ISSN 1736-5031 (публикация online, PDF)
ISBN-10 9985-58-455-4 (публикация online, PDF)
ISBN-13 978-9985-58-455-2 (публикация online, PDF)

ISSN 1736-3667 (аналитический обзор online, PDF)
ISBN-10 9985-58-456-2 (аналитический обзор online, PDF)
ISBN-13 978-9985-58-456-9 (аналитический обзор online, PDF)

Авторское право: Инна Адамсон, 2006
Авторское право: Таллинский университет, 2006

Издательство Таллинского университета
Нарвское шоссе, 29
10120 Таллинн
Эстония
www.kirjastus.tlu.ee

СОДЕРЖАНИЕ

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ.....	5
ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ.....	6
ВВЕДЕНИЕ.....	7
ГЛАВА 1. Из истории вопроса: природа желания с точки зрения гуманитарных наук: философии, логики, психологии.....	11
ГЛАВА 2. В поисках дезидеративного значения.....	25
ГЛАВА 3. Модальность дезидеративности: план выражения и план содержания.....	44
ГЛАВА 4. Семантическая типология высказываний с модальным смыслом дезидеративности.....	75
ГЛАВА 5. Фразеологические единицы с семантическим компонентом 'желание' как периферия семантической зоны дезидеративности.....	103
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	120
DESIDERATIIVSUS KUI MODAALNE TÄHEND VENE KEELES: SEMANTILINE VÄLI JA LAUSUNGITE SEMANTILINE TÜPOLOOGIA. Kokkuvõte.....	123
ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В РАБОТЕ.....	125
ELULOOKIRJELDUS.....	129
БИОГРАФИЯ.....	130

СПИСОК ОПУБЛИКОВАННЫХ РАБОТ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

- I. АДАМСОН И. 2066. О лексических средствах выражения дезидеративного значения в русском языке. – Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры. Пловдив: Издательство Пловдивского университета (Болгария) (7 стр.) (Принято к печати).
- II. АДАМСОН И. 2006а. Модальный вектор семы желания. – Мир текста: время, пространство, субъект. Таллинн: TLÜ Kirjastus. С. 91–110.
- III. АДАМСОН И. 2005а. О некоторых особенностях дезидеративного значения в русском и эстонском языках. – Valoda dažādu kultūru kontekstā. Daugavpils: Saule. С. 211–217.
- IV. АДАМСОН И. 2005б. К постановке вопроса о семантической зоне дезидеративности в русском языке – Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов. V. Таллинн: TPÜ Kirjastus. С. 155–160.
- V. АДАМСОН И. 2004. Фразеологизм и прагматическая ситуация. – Русский язык исторические судьбы и современность. Труды и материалы. Москва: Издательство МГУ. С. 200.
- VI. АДАМСОН И. 2003а. Некоторые наблюдения над семантическими составляющими концепта «воля» в русском и эстонском языках. – Русское слово в мировой культуре. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. Санкт-Петербург, 2003. С. 183–189.
- VII. АДАМСОН И. 2003б. Фразеологизмы со значением стремления к осуществлению цели в русском и эстонском языках. – Studia Slavica. Сборник научных трудов молодых филологов III. Таллинн: TPÜ Kirjastus. С. 253–259.
- VIII. АДАМСОН И. 2001. Фразеологизмы с компонентом значения волитивности в контексте. – Valodas lingvistiskie aspekti. Valoda-2001, Humanitārās fakultātes XI Zinātniskie lasījumi. Daugavpils: Saule. С. 174–178.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

АГ-80 –	Академическая грамматика русского языка: РУССКАЯ ГРАММАТИКА. 1980/Ред. коллегия Н. Ю. Шведова, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко и др. АН СССР, Институт русского языка. Москва: Наука
БАС-1 –	Словарь современного русского литературного языка в 17-ти тт. (1950–1965)
ЛСГ –	Лексико-семантические группы глаголов
МАС –	Словарь русского языка в 4-х тт. под редакцией А. П. Евгеньевой
НОСС –	Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 1999, 2000. Под ред. Ю. Д. Апресяна Вып. 1 и 2. Москва
НСВ –	Несовершенный вид глагола
СВ –	Совершенный вид глагола
СлРЯ XI–XVII –	Словарь русского языка XI–XVII вв. 1975–2002. 20 выпусков. Москва.
СУ –	Толковый словарь русского языка в 4-х тт. под редакцией Д. Н. Ушакова (1935–1940)
ФЕ –	Фразеологическая единица

ВВЕДЕНИЕ

Объектом рассмотрения этой работы являются высказывания, эксплицирующие действенное желание субъекта.

В фокусе представляемой работы проблема лингвистически релевантного описания семантических составляющих концепта желания в русском языке.

Как отмечается во многих работах по модальности, концепт желания – один из самых сложных как в русском языке, так и во многих других языках. В философии, логике, психологии на протяжении длительного времени пытались дать определение желанию. Естественно, невозможно охватить все богатство гуманитарной мысли о природе желания. Поэтому в работе разбираются только принципиальные моменты, раскрывающие модальный смысл желания.

В лингвистической литературе существует два термина для обозначения высказываний с семантикой желания – **дезидеративность** и **оптативность**. Как будет показано далее, в центре внимания работы теоретические проблемы исследования дезидеративного значения.

О желании человека можно узнать только опосредованным образом: он сам выражает свои желания либо вербально, либо своим поведением.

Основное внимание в данной работе уделяется способам выражения желания, исходящего, прежде всего, от самого модального субъекта, то есть того лица, которое является носителем желания. Наиболее ярко модальный смысл – устремленность к осуществлению намерения – проявляется в 1-ом лице ед.ч. (*я хочу*), когда смысл направлен от Я-субъекта. В этом заключается и природа интенционального смысла, которая подразумевает и неотъемлемое его свойство – векторность, т.е. возможность выделить векторные характеристики исследуемого объекта.

Обозначение желания другого лица – либо непосредственного адресата, либо третьего лица, не участвующего в акте коммуникации, – в сущности, лишено модального смысла. Формы *ты хочешь, она/он хочет* или *вы хотите, они хотят* совсем не обязательно передают истинное желание лица, так как часто являются оценкой поведения человека (как вербального, так и невербального) со стороны третьего лица. Желание же, эксплицируемое от 1-го лица (если, конечно, оно правдиво), является показателем его внутреннего психологического состояния.

Вопросы природы желания затрагивались, прежде всего, представителями других научных направлений, в частности, философами, психологами, психоаналитиками, а также психиатрами, так как такое явление как желание есть неотъемлемая часть человеческой природы, его психической и биологической жизни¹.

Выбор такого нетривиального объекта исследования как модальность, которая всегда параллельно изучалась различными гуманитарными областями знания, требует избирательного подхода. Необходимо четко отграничить известные и не подлежащие сомнению универсальные факты от фактов, требующих дальнейшего изучения и соответствующей верификации. Обозначенные задачи требуют анализа и большого количества фактического материала, так как направления человеческого желания бесконечно разнообразны.

¹ См., напр., [Ясперс 1997], [Маслоу 1999] и др.

В данной работе внимание будет сосредоточено на анализе утвердительных высказываний со смыслом желания. По мнению диссертанта, состав семантических составляющих смысла *не хочу/не желаю* принципиально другой, не сводящийся к семантике отрицательной частицы *не*.

В работе также не рассматриваются случаи выражения желания с помощью сослагательного наклонения и императива, поскольку эти аспекты уже хорошо описаны в лингвистической литературе.

Выбор объекта исследования обусловлен отсутствием работ, в которых был бы представлен целостный взгляд на семантику желания с точки зрения проявления действенной воли. В то же время нельзя сказать, чтобы этот вопрос не затрагивался учеными. Существует ряд исследований, где авторы стремятся целиком или частично изучить языковые средства выражения желания, но внимание в этих работах сосредоточено больше на синтаксических средствах, выражающих семантику желания, часто проявляющуюся в ситуации, не соотносимой с реальной активностью субъекта.

В центре внимания этой работы активный субъект-деятель, а проявление желания субъекта включено в контекст деятельности.

Таким образом, актуальность работы видится в восполнении пробела, существующего в русистике, а именно в области целостного описания модальных предикатов. В частности, работа посвящена целостному описанию функционирования предикатов дезидеративности в русском языке.

Для достижения этой цели диссертант собирается реализовать ряд промежуточных задач: представление обзора основной лингвистической литературы о природе дезидеративного и оптативного значений, перечня основных языковых средств выражения дезидеративного значения, описания возможной семантической типологии высказываний с модальным смыслом дезидеративности.

Особенности семантики желания, исходящего от говорящего, представляется целесообразным рассмотреть следующим образом: дать теоретическое обоснование данной темы, проанализировать лексикографическую картину предикатов желания, методом компонентного анализа представить список предикатов с семантическим компонентом 'желание' в русском языке, а также проследить, какую функцию выполняют предикаты желания в текстах различного типа.

Таким образом, автор работы собирается предложить широкий взгляд на природу феномена дезидеративности и представить лингвистически релевантный подход к изучению данного феномена. Разумеется, данная работа не претендует на исчерпывающее изложение этой проблемы, а нацелена главным образом на задачу теоретического характера: показать как можно полнее лингвистическое функционирование модального смысла дезидеративности.

Под методологией диссертационного исследования понимается совокупность тех релевантных лингвистических методов и методик, которые применяются в работе, исходя из специфики объекта исследования – высказываний с модальным смыслом дезидеративности. Основной метод работы – сочетание двух подходов, пассивного и активного, в целостном грамматическом описании. Другими словами, в работе сочетаются принципы исследования *от формы к содержанию* и *от содержания к форме*. Так, учитывается опыт дескриптивных грамматик, направленных на пони-

мание², а также результаты, выработанные в трех Академических грамматиках: 1952, 1970, 1980. Точно так же можно охарактеризовать (как дескрипцию) данные толковых словарей (см. «Словарь современного русского литературного языка» в 17-ти тт. (1950–1965) (БАС-1), «Словарь русского языка» в 4-х тт. под редакцией А. П. Евгеньевой (МАС), «Толковый словарь русского языка» в 4-х тт. под редакцией Д. Н. Ушакова, «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля и нек. др.). По отношению к носителю языка такая позиция, как известно, направлена на понимание и называется грамматикой пассивного типа. Соответственно, грамматики, основанные на принципе *от системы к тексту*, принято называть активными.

В целях реализации подхода *от формы к содержанию* методом компонентного анализа был определен круг толкования предиката *хотеть* – базовой единицы, указывающей на семантику желания и не подлежащей дальнейшему разложению на семантические компоненты³. На основании сплошной выборки данных толковых и другого типа словарей был составлен список предикатов, эксплицирующих семантику желания⁴. Кроме перечисленных, использовался метод трансформационного анализа и лингвистический эксперимент.

На основе контекстуального употребления предикатов с семантическим компонентом 'желание' был выявлен ряд его релевантных дифференциальных признаков.

Выделение дифференциальных признаков верифицировалось анализом содержания тех философских концепций, в которых подробно рассматривалось желание как онтологическая категория. Кроме того, выделенные семантические дифференциальные признаки сопоставлялись с содержанием авторитетных лингвистических работ, где изучение дезидеративного значения являлось главной темой исследования. В результате этой работы были выделены семантические дифференциальные признаки, являющиеся отличительной смысловой чертой модальных высказываний дезидеративности: потенциальность, обращенность в будущее, т.е. наличие телеологической связи, интенциональность, прикрепленность к Я-субъекту, наличие склонности к действию.

Таким образом, была подготовлена почва для реализации второго принципа – *от содержания к форме*: был выделен набор функций и смыслов, которые могут быть положены в основу типологии высказываний с дезидеративным смыслом.

Материалом исследования послужили данные толковых, синонимических, фразеологических, идеографических, этимологических словарей русского языка, а также данные двуязычных словарей.

Использовались примеры из лингвистических работ, анализировались фрагменты текстов русской художественной литературы (классической и современной), фрагменты публицистического дискурса, языковые конструкции, высказывания, стилизованные под разговорную речь. Было проанализировано около 2700 микро- и макроконтестов, из них в работе представлено 547 примеров.

² Термин 'дескриптивный' по отношению к существующим академическим грамматикам и толковым словарям заимствован из работы Ю. Н. Караулова «Активная грамматика и ассоциативная вербальная сеть», где этот подход был обобщенно охарактеризован как оппозиция «текст – система», что соответствует сосюровскому противопоставлению «речь – язык» [Караулов 1999: 9–10].

³ См. работу Ю. Д. Апресяна, где *хотеть* относится к семантическим примитивам [Апресян 1995б: 355, 438].

⁴ См. 3-ю главу настоящего исследования.

Международные конгрессы, конференции и семинары, на которых были апробированы промежуточные результаты диссертации:

31.10.2006–03.11.2006 Международный конгресс МАПРЯЛ «Инновации в исследованиях русского языка, литературы и культуры», Пловдивский университет (Болгария);

23.08.2005–25.08.2005 Международный семинар «Взаимодействие и интерференция языков и языковых единиц», Тартуский университет;

18.02.2005–20.02.2005 Международная конференция молодых филологов, Таллинский университет;

27.01.2005–28.01.2005 Международная конференция «XV Научные чтения» (“XV Scientific Readings”), Даугавпилсский университет (Латвия);

6.05.2004–7.05.2004 Международная конференция 31-ые лингвистические чтения „FINEST Linguistics”, Таллинский педагогический университет, Институт эстонского языка;

18.03.2004–21.03.2004 Международный конгресс «Русский язык: исторические судьбы и современность», Московский государственный университет (Россия).

20.02.2004–22.02.2004 Международная конференция молодых филологов Таллинский педагогический университет;

25.04.2003–27.04.2003 Международный семинар «Мир текста: время, пространство, субъект-1», Таллинский педагогический университет;

21.02.2003–23.02.2003 Международная конференция молодых филологов Таллинский педагогический университет.

ГЛАВА 1. ИЗ ИСТОРИИ ВОПРОСА: ПРИРОДА ЖЕЛАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК: ФИЛОСОФИИ, ЛОГИКИ, ПСИХОЛОГИИ

Желание представляет собой преимущественно добровольное тяготение субъекта к чему-либо. Это явление, которое является одной из движущих сил, определяющих поступки и действия человека, это и то, что отвечает за осуществление намерений, стремлений. Желание может проявляться как производное состояние от долженствования и необходимости. Например, человек берет на себя определенный круг обязанностей (когда ему нужно или он должен/обязан сделать что-либо), цепочка действий при их исполнении может заключать в себе мотив «хочу», например, желание узнать какую-либо информацию, желание поскорее решить какую-либо проблему и т.д.

Стремления и намерения субъекта вербально могут совпадать с желаниями или ими мотивироваться (Ср. конструкцию: *Я хочу открыть окно* = желание + намерение + стремление). Желание часто мотивируется физиологическими потребностями, инстинктами, которые контролируются (или не контролируются) сознанием, при этом мотивация, как правило, не эксплицируется: Ср.: (1) *Я хочу есть*. (2) *Я так хочу есть, целый день не ел*. В примере (2) актуализируется не столько желание как действие, сколько его интенсивность, поэтому мотивация подчеркивает интенсивность.

Думается, что желания производные, не физиологические, имеют в своей основе все же физиологическую (или психофизиологическую) основу. Если, как было показано выше, физиологические желания не мотивируются, то мотивация производных желаний всегда присутствует (имплицитно или эксплицитно).

Желания мотивируются: а) стремлением к удовольствию; б) к удовлетворению потребностей; в) к наслаждению. Можно сказать, что достижение желаемого всегда предельно.

Согласно наблюдениям, желание осуществления некоторого действия может давать импульс для других действий модального субъекта.

Определенная часть желаний изначально присуща человеку, т.е. является неотъемлемой частью жизни, бытия. Есть желания, которые могут порождаться различными причинами, обусловленными информацией о чем-то, что расценивается получателем как позитивное, приносящее благо. Приведем простой пример. Если кто-либо заболел насморком, но не знает о новейшем средстве от этой болезни, соответственно, не может *стремиться* или *хотеть* приобрести это средство. Если же информация о нем получена, то желание приобретения потенциально может возникнуть. Свою роль играет и фактор доступности/недоступности объекта желаний/стремлений. От этого фактора зависит, станет ли воля субъекта действенной или же останется всего лишь «скрытым» состоянием желания.

Человеку изначально присущ ряд физиологических потребностей, к удовлетворению которых он стремится по мере их возникновения. Например, потребность во сне, еде и т.д. может реализовываться в высказываниях: (*я*) *хочу есть/пить/спать*. Желание пить квалифицируется как *жажда*, желание есть – как *голод* или *аппетит* и т.д. Лексические единицы подобного рода, как известно, способны реализоваться в переносном, метафорическом значении: *жажда знаний, жажда наживы, жажда жизни, информационный голод* и т.д.

Рассмотрим некоторые ситуации, в которых можно эмпирически обнаружить или пронаблюдать проявление феномена желания.

Желание часто сопряжено с выполнением действий, служащих либо для достижения определенных целей, либо как эмоциональная реакция на окружающее.

Действия могут обуславливаться физическими или материальными возможностями, способностями, а также профессиональными навыками субъекта. Ср.: *Хочу пробиться в финал чемпионата мира по фигурному катанию*, или *Хочу к осени завершить отделку фасада дома*.

Такое понятие как 'душа' также может рассматриваться как «носитель» желания. Ср., напр., *душа просит* – 'кто-либо очень *хочет* чего-либо, сильно *стремится* к чему-либо'.

Состояние желания присутствует и тогда, когда говорят об *ожидании*, *терпении*, *надежде*, *голоде*. При *ожидании* обычно испытывают устремленность к данному объекту (конкретному или абстрактному). *Терпение* можно уподобить состоянию ожидания благоприятного исхода, возможной переменой к лучшему. *Надежда* – довольно отчетливая устремленность к желаемому: *Надеюсь, что он жив* – 'Хочу думать, что он жив'.

Такое понятие как 'любовь' можно расценивать как тяготение к желаемому объекту, виду деятельности и т.п. Ср.: *Люблю играть на скрипке*. – 'Есть устойчивое желание играть на скрипке'. Это сопоставимо также с предикатом *нравиться*. Ср.: *Мне нравится играть на скрипке*.

Для более полной характеристики феномена, находящегося в фокусе этой работы, обратимся к подходам, касающимся содержания концепта желания в ряде гуманитарных дисциплин.

Философская наука выработала целую традицию осмысления желания как онтологического феномена. Естественно, невозможно в рамках одной работы охватить все богатство философской мысли. Основное внимание уделяется тем классическим трудам по философии, в которых реализуется подход «от человека к миру», а не «от мира к человеку», и из которых можно извлечь информацию, важную для лингвистики. Прежде всего, обратимся к тем философским концепциям, которые рассматривали конкретное языковое выражение *Я хочу*. Обычно это такие рассуждения, которые касаются причин, прямо или косвенно побуждающих субъект выражать желание. Небольшой экскурс в философские рассуждения необходим и для более глубокого понимания рассматриваемого феномена, поскольку как бы ни различались языковые средства выражения желания в различных языках, универсальные характеристики концепта остаются незыблемыми. В то же время анализ содержания философских концепций дает возможность проследить сходство и различие взглядов на природу желания, что в толковании концепта желания актуально и по сей день.

Кроме того, в связи с задачами данной работы необходимо проследить динамику такого экстралингвистического параметра, как соотношение действенности воли и просто устремленности, тяготения к чему-либо.

О природе желания размышляли, в частности, такие философы как Аристотель, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Р. Декарт, Дж. Локк, Э. Кенни и др.

Аристотель в «Никомаховой этике» размышляет над сущностью и природой желания. В этой связи он касается вопроса о сознательном выборе и высказывает предположение о том, что сознательный выбор не является тем же, что «влечение, яростный порыв, желание или определенное мнение» [Аристотель 1984, т. 4: 99].

Желание, по мнению Аристотеля, близко сознательному выбору, но не тождественно ему. Это объясняется тем, что желать можно и невозможного, тогда как «сознательный выбор не бывает связан с невозможным» [Там же: 100]. Поэтому Аристотель выделяет желание, осуществление которого не зависит от человека, выражающего это желание⁵.

В частности, Аристотель отмечает, что желание направлено на цель, а она, в свою очередь, связана с выбором, который ассоциируется у Аристотеля с сознанием, а именно с тем, что может зависеть от человека. В то же время, желать можно и того, что выбору неподвластно, например, если «мы желаем быть здоровыми и мы желаем быть счастливыми», то мы «так и говорим: [«желаю быть здоровым или счастливым»]⁶, «но выражение «мы избираем быть здоровыми или счастливыми» нескладно». Таким образом, Аристотель делает вывод о том, что выбор «обращен на то, что зависит от нас» [Там же: 100].

Затем Аристотель указывает на направленность желания на благо. Притом он разделяет «благо вообще» и «кажущееся благом». Неверный выбор предмета желания может являться злом или указывать на отсутствие «естественного предмета желания». Желание направлено на то, что в данный момент является желанным [Там же: 104].

Декарт, рассматривая природу желания в трактате «Страсти души», видит в желании одну из «простых и первичных» страстей человека, наряду с удивлением, любовью, ненавистью, радостью и печалью [Декарт 1989б: 511]. Он указывает на свойство желания быть направленным в будущее [Там же: 508]. Само же желание он определяет как «возбуждение души, вызванное духами, которые настраивают душу желать в будущем того, что представляется ей подходящим» [Там же: 518]. Также как и Аристотель, он отмечает направленность желания на благо. Но он дополняет это «школьное», как он сам его называет, утверждение такой характеристикой: «Стремление к благу всегда есть вместе с тем и стремление избежать зла, которое ему противоположно» [Там же].

Декарт рассматривает и виды желания. Он пишет, что «в желании столько отдельных видов, сколько есть различных предметов, к которым стремятся» [Там же: 518–519]. Он отмечает, что «видов желания столько же, сколько есть видов любви или ненависти» [Там же: 519]. Самыми сильными, по его мнению, являются такие желания, которые «порождаются удовольствием или отвращением», что он обозначает как «два движения в душе, побуждающие ее стремиться к двум различным целям». Отметим важное для данной работы свойство желания иметь некоторую цель, т.е. желание рассматривается как телеологический феномен.

Виды желаний, порождаемых отвращением, Декарт называет еще и «бегством» от нежелательного, в частности, от некоторого ужаса.

В системе Декарта желания порождаются и удовольствиями. Разновидность устремленности к объекту зависит от свойства этого объекта. В связи с этим утверждением Декарт приводит такой пример: «Красота цветов побуждает нас только смотреть на них, а красота плодов – их есть» [Там же]. Самым главным Декарт называет желание, вызванное «воображаемым совершенством в человеке, который может стать вторым «я». <...> Это желание <...> называют любовью». Сам же философ причисляет любовь к страстям [Там же: 520].

⁵ Ср.: «Бывает и такое желание, которое никоим образом не может осуществиться благодаря самому [данному человеку], например желание, чтобы в состязании победил определенный актер или атлет» [Аристотель 1984, т. 4: 100].

⁶ Квадратные скобки даются по цитируемому источнику.

Декарт отмечает свойство желания стимулировать активность человека, как чувственную, так и физическую (подробнее см. [Там же: 524, 526, 528]). Он также выделяет ситуации, когда желания могут зависеть как от самого человека, так и от других людей. По его мнению, это два разных вида желания [Там же: 542–545].

Декарт иногда объединяет некоторое состояние желания одним понятием, например, «любопытство» он определяет как «желание знать» [Там же: 519].

Волю или «воление» Декарт связывает с мышлением, о чем он пишет в «Первоначалах философии» [Декарт 1989а: 341]. Под мышлением философ понимает «все то, что совершается в нас осознанно, поскольку мы это понимаем». Примечательно, что с процессом мышления он соотносит и состояние, передаваемое глаголом *хотеть* [Там же: 316].

Итак, получается, что Декарт связывает волю с разумом, а желание со страстями.

Особое внимание природе желания уделял и Гоббс. В трактате «Человеческая природа» тесно связываются между собой влечения, склонности и желания. Так же как и Декарт, Гоббс причисляет желания к страстям (см., напр., [Гоббс 1989: 567]). Собственно желание он определяет через понятие воли: «Воля к совершению действия есть желание» [Там же]. Причинами желаний Гоббс считает «предположения о возможных благодетельных <...> последствиях...». Т.е. он, можно сказать, традиционно, связывает желание с направленностью на благо. Действия, по Гоббсу, также проистекают из желаний. Соответственно, воля направлена на цель или цели, которые могут быть весьма разнообразными, зависеть от различных интересов и т.д. (см. подробнее [Там же: 568]). Он, в частности, пишет: «...Пока мы живем, мы имеем желания, а желания предполагают цели» [Там же: 536]. Гоббс выводит соотношение желания и намерения. Последнее он характеризует как «...Последнее желание <...> в процессе обдумывания решения» [Там же].

По мнению Гоббса, желания в ряду других страстей, например, таких как опасение, надежда и другие, нельзя назвать произвольными, по той причине, что «они не порождены волей, а сами составляют эту волю. Воля же не является произвольной» [Там же: 567].

У Гоббса можно обнаружить и взаимосвязь влечения и потребности [Там же: 549].

Состояние крайнего неудовольствия, испытываемого при отсутствии или недостижимости желаемого, характеризуется Гоббсом при помощи примера, объясняющего плач, в частности, детский плач, который демонстрирует слабость, невозможность или крайнюю сложность овладения предметом желания [Там же: 548].

Таким образом, Гоббс видит в желании не только пассивное состояние устремленности и влечения, но и то, что побуждает человека к активной деятельности.

Кроме того, то, что нами обозначается как потребность или необходимость, Гоббс характеризует как способность. Например, он указывает: «Способность питаться, двигаться, размножаться...» [Там же: 510]. Это также тесно сопряжено с тем, что называют желанием. Способность, таким образом, соотносима с ситуацией возможности осуществления желаемого. Т.е. получается, что Гоббс подразумевает соотношение желания и возможности (см. подробнее [Там же: 540–542]).

Спиноза причислял желания к аффектам (см. [Спиноза 2001: 185])⁷. Он придерживается мнения, что аффекты принадлежат свойству души⁸. Желание (или пожелание),

⁷ Все аффекты, – пишет Спиноза, – относятся к пожеланию, радости или печали [Спиноза 2001: 185].

согласно Спинозе, – «есть сама сущность человека, поскольку она рассматривается как определенная к какому-нибудь действию каким-нибудь данным ее состоянием» [Спиноза 2001: 187].

Спиноза утверждает, что *воля* – это стремление, относящееся «к одной душе». Стремление же, относящееся «и к душе и к телу одновременно» он называет позывом (*appetitus*) и далее он характеризует последний так же, как и желание, т.е. это «есть не что иное, как сама сущность человека» [Спиноза 2001: 132]. Далее он пишет о разнице, существующей между *позывом* и *пожеланием* (или желанием). Итак, *пожелание* (*cupiditas*) «есть позыв, соединенный с его сознанием». Из этого следует, что человек стремится, хочет, желает чего-либо, не собственно потому, что считает это хорошим, а потому, что имеет желание или позыв к чему-либо [Там же]. Цепь рассуждений над сущностью позыва, воли, пожелания или влечения приводит к следующему выводу: «Все стремления человеческой природы, которые мы обозначаем названиями позыва, воли, пожелания или влечения, соединить в одно». Далее Спиноза пишет, что «под именем пожелания я разумею всякие стремления людей, их порывы, позывы и желания, которые, в зависимости от различного устройства одного и того же человека, могут быть различны и нередко бывают противоположны друг другу, так что человек влечется в различные стороны и не знает, куда ему следовать» [Там же: 188]. Таким образом, указывается на определенную непредсказуемость желаний, но и, кроме того, утверждается подконтрольность желания сознанию.

Локк связывает желание с одним из видов «деятельности души» [Локк 1985: 177].

Он также связывает желание с идеей наслаждения и устремленностью к состоянию счастья [Там же: 327].

Локк характеризует желание следующим образом: «Беспокойство, испытываемое человеком при отсутствии вещи, владение которой вызывает идею наслаждения, мы называем желанием, которое бывает больше или меньше в зависимости от того, является ли это беспокойство более или менее сильным» [Там же: 282]. Из этого следует, что человек устремлен на деятельность.

Локк выделяет степень проявления состояния желания и считает, что «самая низшая степень желания – хотение, когда беспокойство от отсутствия вещи настолько слабо, что человек не испытывает ничего, кроме слабого желания вещи, и не прибегает к действительному или энергичному применению средств к ее достижению» [Там же]. Конец или ослабление состояния желания связывается с мыслью о невозможности или недостижимости того, что Локк называет благом.

Локк разделяет понятия воли и желания. Воля связывается с действенным началом, а также с актом обдумывания, а желание – это то, что причисляется им к страстям и, следовательно, оно противопоставлено воле. Это утверждение он, в частности, иллюстрирует так: «Я хочу действия, которое тянет в одну сторону, в то время как мое желание тянет в другую, прямо противоположную». Состояние, передаваемое глаголом *хотеть*, обладает действенным волевым началом [Там же: 301]⁹.

⁸ Спиноза писал: «Сущность души есть ничто иное, как идея тела, действительно существующего, которая слагается из многих идей...» (подробнее см. [Спиноза 2001: 128–130]).

⁹ Дж. Локк отмечает: «Кто обратит свою мысль вовнутрь, на то, что происходит в его уме, когда он *хочет*, тот увидит, что воля, или сила *хотения*, имеет дело только с нашими собственными действиями...» [Локк 1985: 301].

Выше было отмечено, что желанию присуще и сопутствующее состояние беспокойства. Человек стремится преодолеть это состояние и прилагает для этого определенные усилия. Далее Локк пишет, что «устранение беспокойства есть первый шаг к счастью» [Там же: 305].

Итак, получается, что, согласно Локку, желание характеризуется следующими признаками: отсутствие желаемого может породить беспокойство; если же желаемое оказывается недостижимым, то прекращается или ослабевает само состояние желания; желание направлено на благо; желание может иметь различную степень проявления (сильное и слабое желание); состояние желания связывается с осмыслением, последующим действием, которое может как осуществиться, так и не осуществиться. Реализация желаемого связывается с идеей счастья.

Взгляды на природу желания в XX веке во многом определяются, во-первых, некоторыми универсальными свойствами этого концепта, во-вторых – предшествующей философской традицией.

Для иллюстрации этого положения следует остановиться на позиции Э. Кенни [Kenny, 2003]. Сосредоточим свое внимание на тех моментах, которые наиболее актуальны для лингвистических исследований, в частности, для задач данной работы. Речь пойдет об общих характеристиках желания как объекта философии.

Рассматривая желание как философское понятие, Э. Кенни, прежде всего, ссылается на взгляды Аристотеля, Фомы Аквинского, Декарта и Юма, которые в своих философских сочинениях включали желание в «страсти души». Но, по мнению Кенни, размышление над такими страстями души как тоска и томление, принадлежит скорее не эмоциональному, а нейтральному контексту, в котором и употребляется конструкция «Я хочу...». Другими словами, «Я хочу...» еще не является собственно выражением какой-либо эмоции, однако оценка желания всегда являлась существенной в любой трактовке, касающейся определения эмоций. Связь эмоций и поведения человека может быть обусловлена тем, что обозначается как желание. Эмоции отличаются друг от друга в зависимости от ситуации, т.е. от того обстоятельства, которое заставляет человека хотеть сделать что-либо. Например, чувство опасности вызывает желание избежать или предотвратить то, чего опасаются; гнев связан с желанием наказать кого-либо или отомстить кому-либо за что-либо. Любовь связана с желанием ласки и заботы о любимом. Стыд связан с желанием скрыть то, что вызывает это состояние [Kenny 2003: 70].¹⁰

¹⁰ В данном случае диссертант счел возможным привести английский текст, поскольку данный отрывок является основополагающим в концепции Э. Кенни, кроме того, различия в «страстях души» между русским и английским языком также показательны. В остальных случаях имеется ссылка на конкретные страницы оригинального издания. Ввиду ограниченности рамок работы, дальнейшее приведение английского текста показалось громоздким. Итак, см. подробнее: „Aristotle, Aquinas, Descartes, and Hume all included desire among the passions of the soul. No doubt they were thinking of feelings of yearning or longing rather than of the often quite unemotional contexts in which we say 'I want...'. Desire in the sense of wanting <...> and *desiderium*, is hardly an emotion: nevertheless, an account of it is essential to any treatment of the emotions. For the connection between emotions and behaviour is made by desire: one emotion differs from another because of the different sort of things it makes one want to do. Fear involves wanting to avoid or avert what is feared; anger is connected with the desire to punish or take vengeance on its object. Love, of one kind, is linked with the desire to fondle and caress the loved one, and shame with the desire to conceal whatever it is that makes one ashamed. These connections are not contingent: a man who was unaware of them would not possess the concept of the emotions in question” [Kenny 2003: 70].

Кенни приводит распространенное мнение о том, что желание – это специфическая неопределимая чувственная субстанция, не поддающаяся анализу, природа которой может быть определена нами только через обращение к личному опыту. Кроме того, философ видит в проявлении желаний людей возможность предсказания дальнейших действий (см. подробнее [Там же: 70]).

Кенни, вслед за Б. Расселом, относит состояние желания к таким, которые сопровождаются чувством дискомфорта. Дискомфорт стимулирует деятельность по прекращению имеющегося положения дел (см. подробнее [Kenny 2003: 72]). Рассел говорит, прежде всего, о «бессознательных» человеческих желаниях. К примеру, о таких как голод. Он отмечает, это такое желание, для которого характерно действие «в отношении пищи» прежде, чем говорится *Я хочу есть*. «Идея пищи» не должна присутствовать в течение всего цикла поведения, характерного для состояния голода. Сказать, что человек хочет есть, для Рассела, – утверждать причинные отношения между внутренним впечатлением («внутренним чувством») и образцом поведения («действий в отношении пищи») (см. подробнее [Kenny 2003: 73]).

Примечательно, что у Кенни встречается интерпретация желания, базирующаяся на рассмотрении его языкового выражения. Он, в частности, пишет, что глагол *want* (Ср. рус. *хотеть*) требует прямого дополнения или инфинитива. Он указывает также на возможный круг объектов, который может обозначаться такими грамматическими формами. Кенни приводит такие ситуации, когда можно хотеть: яблоко, напиток, праздника, мира и свободы; можно также хотеть чихнуть, петь, увидеть Неаполь и умереть и т.д. Далее он поясняет: когда мы говорим '*я хочу яблоко*', это часто означает, что '*я хочу съесть яблоко*'; '*я хочу стул*' – '*я хочу, сесть на стул*' и т.д. Далее следует рассуждение о том, что существования желаемого объекта еще не означает достижения желаемого (см. об этом подробнее [Kenny 2003: 78]).

Кенни размышляет над различными свойствами желания с позиций философии.

Как и ряд ученых различных направлений, Кенни рассматривает соотношение желания и цели. Он говорит о том, что человек может хотеть чего-то даже не зная, для чего он это хочет. Но, кроме того, он анализирует и случаи осознания цели (см. об этом подробнее [Kenny 2003: 80–83]).

Понятие желания, по мнению Кенни, естественно ведет к теме удовольствия. Он замечает, что эти два понятия связаны между собой и передаются, например, таким трюизмом как '*люди хотят делать то, что они любят делать то, и любят делать то, что они хотят сделать*'. Далее он отмечает, что понятие удовольствия сложнее понятия желания (см. об этом подробнее [Kenny 2003: 89]).

Итак, в классической философии выделяются следующие свойства желания.

Желать можно как возможного, так и невозможного. Желание направлено на цель, и, вместе с тем, соотносится с операцией выбора, что уже «отвечает» за волю, волевое начало. Воля связывается с разумом, а желание – со страстями. Желание направлено на благо. Желание есть свойство души. Желание может иметь свойство аффекта. К желанию относятся понятия добра и зла, связанные с религиозными взглядами, которые и определяют данные явления. В свою очередь эти взгляды отвечают за общественные нормы поведения, морально-нравственные установки. Желание соотносится с надеждами, боязнью (страхом). Оно может иметь виды, например, такие, как жадность, стремление к почетному положению, половое влечение. Желание связывается и с идеей наслаждения. Ему может приписываться чувственная природа, тоска, эмоциональное состояние. В этой связи, например, чувства опасения и различные страхи стимулируют возникновение желаний. Познание желаний осуществляется при обращении к личному опыту.

Можно обозначить также разницу в восприятии природы желания в разные эпохи и в различных философских учениях. Например, античность выделяла в качестве свойств желания цель, выбор, благо, этическую оценку (полезно, справедливо, приятно). Христианство же больше начинает связывать желания со страстями, душой, и концентрировать внимание на характеристике желаний в отношении добра и зла.

Желание имеет и логическую интерпретацию. В частности, такая интерпретация исчерпывающе прослеживается в работах А. А. Ивина. Он обращается к желанию как к операции оценки. Исследователь определяет «желаемое» как «оптативное добро». Он выводит определения, согласно которым, «желание р есть то же самое, что и нежелание не-р». Направленность желаний в будущее обосновывается таким тезисом: «Желать можно лишь тех вещей, которые отсутствуют, и невозможно желать то, что уже имеется» [Ивин 1970: 123]. А. А. Ивин указывает, что такой взгляд на природу желания имел место уже в античности. Ученый ссылается на рассуждение, встречающееся «в одном из диалогов» Платона и Сократа (см. подробнее [Там же: 123]). Далее видим, что желание связывается с операцией выбора, трактуемой при помощи терминов предпочтения изменения [Там же: 124]. Такой подход используется как Г. фон Вригтом и М. Деннисом¹¹. Формализованно желание интерпретируется так: «р-ом предпочитается q» или «р предпочтительней, чем q». Изменение же означает переход из одного состояния в другое. При этом А. А. Ивин пишет: «термин «изменение» понимается нами таким образом, что он охватывает как собственно изменение, так и сохранение некоторого состояния» (подробнее см. [Там же: 124]). Таким образом, упрощенно эти выкладки можно представить так: желание связывается с двумя моментами: а) операцией выбора, б) переходом из одного состояния в другое.

Так как желание, прежде всего, принадлежит внутреннему миру человека, оно характеризуется посредством понятий 'состояние', 'эмоция', 'импульс', 'стремление' и т.д. И, как было отмечено выше, оно связывается с особенностями поведения. Это естественно подводит к тому, что рассматриваемый феномен имеет интерпретацию и в психологии.

В «Психологическом словаре» желание определяется как «одна из форм мотивационного состояния». Это понятие связывается «с потребностями, влечениями, переживаниями». Отмечается также, что трактовки желания еще не до конца проработаны теоретически. Выделяются два определения желания. Первое называет желание одной из форм психического переживания. За это переживание отвечает «представление во внутреннем мире человека его потребностей, исходящих из его Я, в котором отражается борьба мотивов, выбор и отвержение целей» [Психологический 1997: 106–107]. Таким образом, на основании этого определения можно выделить такие свойства желания как потребность, мотивы, постановку цели. И все это присуще «внутреннему миру человека», точнее его «Я».

Второе определение желания подразумевает так называемую «новую форму проявления потребности». В этом случае речь идет об осознанном желании, когда «конкретизирован предмет влечения и возможные пути удовлетворения потребности». Т.е. отмечается соотношение желания и осознания возможности для его реализации. Далее указывается на свойство желания «меняться в процессе психического развития». Это подразумевает более сильную связь «с осознанными целями и задачами». Отмечается и такой аспект, когда желание сталкивается с невозможностью удовлетворения или реализации. В этом случае «у человека возникает состояние фрустрации» [Там же]. Последнее сопровождается «отрицательными переживаниями», например, такими как

¹¹ А. А. Ивин ссылается на следующие источники: Wright G. H. von. The varieties of goodness. New York and London, 1963 [Pg. 103–104]; Dennis M. The beneficial and the harmful. "Analysis", 1967, v. 27, No. 2.

разочарование, тревога, отчаяние и т.д. В связи с этим еще отмечается возможность формирования «агрессивности и повышенной возбудимости» в случае частых фрустраций [Там же: 406].

В языкознании понятия желания и воли в ряде случаев осмысляются как смежные. В психологической интерпретации при определении желания понятие *воля* не встречается. В «Психологическом словаре» она определяется, как «способность человека действовать в направлении сознательно поставленной цели», при этом подразумевается преодоление «внутренних препятствий», таких как, например, желаний и стремлений. Особый акцент при определении воли ставится на роли сознания, которое выполняет функцию «сознательной регуляции деятельности». Далее встречается такая характеристика: «...Волевое поведение предполагает наличие тех психических процессов, посредством которых человек усиливает мотивационные тенденции, идущие от сознательно поставленной цели, и подавляет противоположные». «Создание намерения» связывается с ситуацией, когда «человек намечает способы достижения поставленной цели» [Там же: 54–55].

Таким образом, если желание предполагает не всегда осознанное стремление, влечение и т.д., то *воля*, согласно психологической трактовке, характеризуется именно сознательным стремлением к цели, и не просто стремлением, а деятельностью, направленной на реализацию чего-либо, что тесно связано с «борьбой мотивов», операцией выбора и принятием решения в пользу определенного объекта.

В словарной статье, определяющей стремление, находим характеристику желания и смежных с ним явлений, как «динамических психологических образований», что указывает на возможные изменения, трансформации и т.д., которые могут быть присущи желаниям [Там же: 371].

От общих определений перейдем к некоторым трактовкам природы желания, имеющихся в литературе по психологии.

В частности, обратимся к концепциям А.-Г. Маслоу, у которого проблема желания играет значительную роль и видится нам существенной для разработки нашего вопроса. Он характеризует феномен желания таким образом: «Желание непрекращающееся и неизбежное является характерной особенностью человека, оно сопровождает его на протяжении всей жизни» [Маслоу 1999: 65]. Маслоу в связи с этим прежде всего интересуется вопросом мотивов, которые движут человеком. Возможный ответ он видит в содержании мыслей и желаний человека. Для этого Маслоу предлагает «восстановить в памяти» в ретроспективном плане хотя бы те мысли и желания, которые руководят человеком на протяжении одного дня. Предполагается, что «большинство ваших желаний было связано с приобретением одежды или нового автомобиля, с потребностью в дружеском участии, в компании, похвале, престиже и тому подобных вещах». Такого рода желания автор относит к разряду так называемых «вторичных, или культуральных, в отличие от «истинных», или первичных потребностей, которые мы называем физиологическими нуждами...» [Маслоу 1999: 60]. При этом ученый замечает, что на самом деле потребности человека невозможно изолировать одну от другой, поскольку «подавляющее большинство из них (*потребностей – И.А.*) не имеет локальной соматической основы» [Маслоу 1999: 60–61].

Этот тезис Маслоу можно применить и в отношении языкового материала. В частности, слова *голод*, *жажда* приобрели переносное значение: *информационный голод*, *жажда знаний* и т.п.

Кроме того, важно учитывать взаимосвязь или взаимозависимость желаний в плане, который справедливо иллюстрируется психологом: «Если человек хочет заработать денег, это вовсе не означает, что его радует шорох и звон монет» [Маслоу 1999: 61]. Это, собственно, означает также, что, рассматривая тот или иной предикат со значением желания, необходимо иметь в виду гораздо более глубокую семантическую характеристику. Иными словами, когда мы говорим '*хочу заработать денег*', мы, скорее всего, преследуем какую-либо цель, зависящую от материальной состоятельности. Собственно, Маслоу и указывает далее на тесную взаимосвязь желания и цели. Это он иллюстрирует следующим образом: «В свою очередь, автомобиль он хочет купить для того, чтобы не чувствовать себя «хуже» соседа, который недавно купил новый автомобиль, т.е. для того, чтобы сохранить самоуважение, уважение и любовь окружающих». Ученый делает вывод: «За каждым из них (*желаний – И.А.*) стоит какое-то другое, более фундаментальное желание, которое правильнее было бы назвать целью или ценностью» [Маслоу 1999: 62]. И далее: «Отдельно взятое желание интересно нам не само по себе, а только в связи с конечной целью, проявляющейся в нем, в связи с его потаенным смыслом, подоплекой, вскрываемыми только посредством глубинного анализа» [Там же].

Далее он, так же, как и философы, выделяет осознанный и неосознанный характер желаний.

Природа феномена желания представляется ему динамической, поскольку удовлетворение одного желания влечет за собой «другое, затем третье, четвертое, и так до бесконечности» [Там же]. Он говорит также о так называемой «иерархии желаний», когда «одно желание препотентно другому» [Там же]. Объясняется это тем, что если человек будет постоянно находиться в состоянии голода, угрозы и т.д., у него не возникнет желания заниматься творческой деятельностью, например, «написать ноктюрн, доказать теорему, украсить свой дом, красиво одеться» [Там же].

Предельность желаний Маслоу видит в моменте удовлетворения «страсти» и это поясняет он таким образом: «Энергией обладает лишь неудовлетворенное желание, неудовлетворенная потребность». Например, «удовлетворенная потребность в еде, утоленный голод уже не играет никакой роли в текущей динамике поведения индивидуума» [Маслоу 1999: 81].

Интересно мнение Маслоу по поводу проявления желаний человека в зависимости от принадлежности его к той или иной культуре: «В нашем распоряжении имеется достаточно антропологических данных, указывающих на то, что люди гораздо меньше отличаются друг от друга в своих фундаментальных потребностях, нежели в повседневных, осознаваемых желаниях. В пользу этого утверждения говорит тот факт, что представители разных культур прибегают к разным, порой совершенно противоположным способам удовлетворения одной и той же потребности, например, потребности в самоуважении» [Маслоу 1999: 63]. Далее поясняется, что «для удовлетворения этой потребности человеку нужно в одной культуре стать удачливым охотником, в другой – хорошим врачом» и т.д.

И далее: «Цель гораздо более универсальна, чем средства достижения этой цели, потому что средства обязательно подвержены влияниям конкретных особенностей культуры, традиций и стереотипов» [Там же].

При объяснении природы желания, в том числе и в языкознании, отмечается его связь с волей и намерением. В связи с чем рассмотрим один из подходов к этому вопросу.

К. Левин в работе «Динамическая теория действия» отмечает: «Психологи обычно видят «сущность» волевого процесса в ярко выраженных переживаниях типа решения, намерения и т.п.». При этом он подчеркивает, что, определяя таким образом волевой процесс, психологи исходят как из «*феноменологических* точек зрения», так и «из вопроса о конечных *«элементах переживаний»*» (см. подробнее [Левин 2001: 122]). Воля у Левина связывается с управляемостью, например, с тем, что называют самообладанием, когда естественные влечения находятся под контролем самого индивида (см. подробнее [Там же: 123–124]). Далее автор отмечает: «Центральным феноменом собственно психологии воли считается <...> акт намерения». Психолог задается вопросом: «Как на основании акта намерения позднее осуществляется соответствующее ему действие <...>» [Там же: 125].

Для намерения («деятельности намерения»), отмечает Левин, характерно следующее: «Строго определенный соответствующий случай и определенный способ выполнения действия» (подробнее см. [Там же: 127]).

Внимание психолога концентрируется на теории преднамеренных действий. Далее видим такое замечание: «Силы, действующие при акте намерения, обнаруживают далеко идущее типическое сходство с теми психическими силами, которые обычно обозначаются как потребности и которые берут свое начало во влечениях или в центральных волевых устремлениях (типа желания получить определенную профессию)» [Там же: 138]. Намерение, по мнению Левина, характеризуется состоянием «внутреннего напряжения». В связи с потребностями, которые обычно называются физиологическими (Левин называет их инстинктивными), также имеют дело «с внутренним напряжением» или «нажимом», побуждающим «к известным действиям – действиям по удовлетворению потребностей». В связи с этим психолог приводит пример состояния голода [Там же].

Левин анализирует ряд ситуаций и приходит к заключению, что «преднамеренное действие как таковое не является основным случаем волевого поведения...» [Там же: 157]. Действия, которые человек обязан выполнять, например, по долгу службы, не всегда намеренные, но в то же время и не неуправляемые или импульсивные. Также приводится пример диалога или разговора, когда «ответу на вопрос или вообще реплике в ответ на реплику очень редко предшествует особый акт намерения». Намерение в разговоре будет проявляться в том случае, если говорящий «хочет солгать или что-нибудь скрыть» (подробнее см. [Там же]). Примечательно, что в этом случае психолог указывает на ситуацию с помощью модального предиката, т.е. *хотеть*, точнее, *хочет* у него – знак намерения (правда, имплицитного).

Значительный интерес представляет и подход, рассматриваемый в психопатологии. Остановимся кратко на подходе К. Ясперса. Он указывает на инстинктивную природу желаний, наряду со «всеми нашими действиями, страданиями, удовольствиями» и т.д. [Ясперс 1997: 386]. Ученый детально рассматривает типы инстинктивных влечений и характеризует их природу. Собственно влечения Ясперс характеризует как «переживаемые нами инстинкты». Он выделяет три типа влечений: «соматические потребности: голод, жажда, потребность в сне» и т.д., «формы творческой деятельности», т.е. такие влечения, «для удовлетворения которых необходимо целенаправленное усилие (потребность в знании, в художественном творчестве)», и «мотивированные действия, то есть импульсы, цель которых осознана и достигается путем преднамеренного использования подходящих средств» [Там же]. Автор далее оговаривается, что «такое расчленение влечения» на самом деле условно, т.е. «обладает несомненной целост-

ностью». В частности, он иллюстрирует это примером полового влечения, которое «содержит в себе все перечисленные категории; это инстинкт, проявляющий себя как врожденная, не осознаваемая функция оплодотворения; это соматическая потребность; это творческая деятельность эроса и мотивированные действия, направленные на реализацию идей» [Там же]. Итак, Ясперс связывает влечения и с целью, собственно, как и ряд других исследователей, занимавшихся этой темой.

Ясперс задается вопросом: «Заключается ли мотив влечения в достижении удовольствия». При этом он отмечает, что берет в расчет только «физическое удовольствие». Ученый приходит к выводу, что влечения «находятся по ту сторону удовольствия и неудовольствия», поскольку он допускает возможность того, что «содержание влечения» может «представлять собой цель, достижение которой связано с неудовольствием...» [Ясперс 1997: 387].

Если Маслоу указывал на бессмысленность классификации желаний из-за их бесчисленного многообразия, то и Ясперс высказывает примерно такую же точку зрения. Он, в частности, пишет: «Перечисление различных влечений будет столь же бесконечным, как и содержание различных чувств» [Ясперс 1997: 388]. Ученый уточняет: «Содержание влечения многообразно, как сама жизнь» [Там же]. Несмотря на это, Ясперс все же не отрицает возможности классификации влечений при условии, что «классификация могла отразить фундаментальные свойства влечений» [Там же]. В частности, ссылаясь на множество предпринятых ранее попыток классификации, Ясперс предлагает различать несколько групп влечений. К 1-й группе он относит «соматические, чувственные влечения: половое влечение, голод, жажда; потребность во сне, влечение к деятельности; удовлетворение, получаемое от сосания, от принятия пищи, от дефекации и мочеиспускания». Здесь ученый добавляет, что исследования влечений подобного рода «может быть осуществлено только с физиологических позиций» [Ясперс 1997: 388]. 2-ую группу составляют «витальные влечения», для которых характерно «отсутствие локализации на соматическом уровне». Они имеют три подвида: (а) «витальные влечения, имеющие значение для наличного бытия в целом». Это означает, что такого рода влечение может состоять в «воле к власти», «влечению к коллективу», а также храбрость, страх, любовь и некоторые другие; (б) влечения души. Сюда ученый относит такие явления как любопытство, влечение к покою, удобствам; влечение к путешествиям, заботе о младших, волю к обладанию; (в) творческие влечения. Сюда относятся стремления к самовыражению, труду и творчеству и т.д. [Там же: 389]. К 3-ей группе Ясперс относит «духовные влечения». То есть это то, что присуще «ценностям» такого рода, как религиозные, эстетические, этические «или относящихся к воззрениям субъекта на истину». Интересно замечание, что «общим фактором для группы в целом служит влечение к сохранению себя в вечности» (см. об этом подробнее [Там же]).

Ясперс указывает далее, что классификация в определенном смысле является условностью, поскольку в действительности все оказывается взаимосвязанным. Это он аргументирует тем, что если рассматривать «приведенную классификацию как иерархию влечений», то можно увидеть, что «влечения каждой последующей группы могут осуществляться только в присутствии влечений предыдущей группы, но не наоборот» [Там же: 390]. И далее поясняется, что «влечения человека не могут быть чисто духовными. Чувственно-соматический оттенок присутствует в любом влечении, но было бы ошибкой полагать, что все высокие влечения представляют собой лишь завуалированные формы каких-то основных разновидностей» [Там же: 390].

Отдельное внимание Ясперс уделяет и так называемым «аномальным влечениям», поскольку они «...бесконечно разнообразны». Он также приводит классификацию такого рода влечений. Подробное описание этой типологии не входит в задачу данной работы, но все же необходимо сказать несколько слов о том, что может характеризоваться как аномальное влечение. Например, «отдача себя Богу как источнику чувственного наслаждения» или «волчий аппетит у некоторых невротиков» и др. [Там же: 392–393].

В группу аномальных явлений попадают влечения, превратившиеся в «болезненную страсть» (Suchtigkeit). «Страсть имеет своим источником аномальное невыносимое состояние, которое предположительно должно быть снято после удовлетворения этой страсти». В конкретных проявлениях это может относиться к работе, коллекционированию, жажде власти, жажде приобретений и т.д. (см. подробнее [Там же: 394]). В этом контексте приводится и «настоятельная жажда опьянения», как алкогольного, так и наркотического (см. подробнее [Там же]).

Ясперс описывает и возможности трансформации влечений, а также то, какие психические процессы им соответствуют. В этом контексте рассматриваются случаи, когда «реальная окружающая среда человека часто не способствует удовлетворению влечений или прямо тормозит его». При этом, по мнению ученого, это «хотя бы иногда происходит с любым человеком». И далее видим: «Любое удовлетворение инстинктивной потребности доставляет удовольствие, тогда как любая помеха на этом пути вызывает неудовольствие». В случае, когда «настоящее удовлетворение невозможно, успех достигается, так сказать, обманным путем» [Там же: 395]. Эту область ученый называет неисчерпаемой, но при этом выводит ряд возможных случаев «иллюзорного удовлетворения». В частности, когда «конкретная действительность» исключается «из нашего сознания». Объясняется это так: «Мы верим в то, что реально только желанное для нас, тогда как все, чего мы не желаем, находится по ту сторону действительности» (см. об этом подробнее [Там же: 395]). Другая возможность заключается в следующем: «Неудовлетворенное влечение переносится на другой объект, выступающий в качестве символа». При этом, «когда появляется возможность реального удовлетворения инстинктивного влечения, ложное воодушевление исчезает» и т.д. [Там же].

Итак, Ясперс устанавливает связь между желанием и инстинктом, а также желанием и влечением. В этой связи он выделяет явления удовольствия, наслаждения, цели, мотива, поиска. Не оставляет ученый без внимания и явления, больше тяготеющие к аномалии, чем к норме, например, страсть, опьянение, психоз.

Подведем некоторые итоги относительно взглядов на природу желания в различных научных направлениях¹².

Итак, в философской традиции выделяется в концепте желания такое свойство, как потенциальность (философы говорят о наличии реальной возможности при реализации желания или о желании несбыточного).

Кроме того, описывается такое свойство, как направленность в будущее, связанная с ментальным субъектом; еще Аристотель говорил о сознательном выборе. Сознательный выбор, как известно, подразумевает мотивационный механизм, который в человеческом мире имеет телеологический характер. Кроме того, в желании присутствует

¹² Учитывались лишь те моменты, которые актуальны для выявления дифференциальных семантических признаков высказываний с модальным смыслом дезидеративности, поэтому дополнительные ссылки на конкретных авторов или на различные школы и направления философии или психологии в данном случае не приводятся. Для более детального ознакомления см. выше.

устремленность к цели, которая стимулирует активность человека, т.е. желание может быть связано с волевым началом, а последнее, соответственно, с осознанным выбором.

Все философы, логики, психологи отмечают такую отличительную черту концепта желания, как устремленность на благо, удовольствие, наслаждение, счастье. Желание может проявляться в виде страсти. Его «носителем» может быть душа. Желание может проявлять себя как чувственное влечение. Желаемое связывается с возможностью или невозможностью осуществления. И, наконец, желания бесконечно многообразны.

В психологии объяснения философов верифицированы на экспериментальном материале: в желании обнаруживается мотив к деятельности, что связано с целеполаганием. Различаются желания осознанные и неосознанные. Кроме того, психология характеризует желание как динамический процесс. Различаются первичные (физиологические) и вторичные (творческие) желания. Забегая несколько вперед, отметим, что психологи отграничивают волю и желание более резко, не только по сравнению с философами, но и с лингвистами.

Итак, воля связывается с осознанным выбором цели деятельности, операциями принятия решения, а желание ближе к инстинктам, влечениям, не всегда контролируемым сознанием. Хотя примерно такое же резкое отграничение делает, в частности, и Декарт. Психология, а также и психопатология, рассматривают и так называемые аномальные влечения, или «болезненные страсти», желания невротиков и т.д. Так же как и философия, психология отмечает стремление человека к благополучию, к удовольствию. И, наконец, так же как и в философии, но со своих позиций, в психологии отмечается бесконечное разнообразие желаний.

Логику интересует в желании прежде всего связь с операцией выбора. Т.е. в кругу ее интересов находится желание как намерение, когда наблюдается связь с волевым действенным началом, а также с операцией осознания цели и принятия решения в отношении последующих действий.

ГЛАВА 2. В ПОИСКАХ ДЕЗИДЕРАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ

В лингвистике для обозначения случаев экспликации желания существует своя терминология. Случаи выражения желания в языке называют оптативностью и дезидеративностью.

Термин дезидератив употребляется в лингвистике для обозначения одного из наклонений ряда языков (например, санскрита, чукотско-камчатских языков, а также языков североамериканских индейцев и др.). Он служит для грамматического обозначения желания как намерения, его еще называют желательным наклонением глагола. Эти формы в смысловом плане могут соответствовать русскому 'я хочу'. А. Мейе и Ж. Вандриес, в частности, включают дезидератив в одно из пяти наклонений, встречающихся в индоевропейских языках. Они определяют его как форму, служащую для выражения желания и намерения, которая отличается от оптатива, обозначающего желание как не всегда осознанное стремление [Мейе 1914: 154–155], [Языкознание 1998: 321].

Термин дезидератив употребляется также и для обозначения одного из способов выражения вербальными средствами желания говорящего и определяется «как отношение субъекта к своему действию» [Корди 1990: 171]. Важно отметить, что указанное определение имеет ссылку на работу Е. Куриловича „The inflectional categories of Indo-European” [Kuryłowicz 1964].

Другим способом обозначения языкового выражения желания считается оптатив, который, по мнению Е. Куриловича, обозначает желание, исходящее от говорящего или является желанием говорящего. Для различения оптатива и дезидератива Е. Курилович предлагает отграничивать говорящего и деятеля. Получается, что дезидератив – желание деятеля, а оптатив – желание говорящего¹³ [Kuryłowicz 1964: 27].

Соотношение оптатива и дезидератива объясняется еще и так: «Optative – говорящий хочет, чтобы ситуация Р имела место («хорошо бы», «о если бы»); ср. дезидератив, где субъектом желания является субъект самой ситуации» [Плунгян 2004]. Ср.: *Хоть бы автобус поскорее пришел!* – высказывание, квалифицируемое как оптативное, потому что ситуация не зависит от воли говорящего. В перефразированном виде это может выглядеть так: «Я (очень) хочу, чтобы автобус пришел поскорее, но от меня это не зависит». Ср. также: *Я хочу сесть на этот автобус* (= 'У меня есть намерение сесть именно на этот автобус'). Такое высказывание можно квалифицировать как дезидеративное, поскольку здесь эксплицируется воля субъекта – осуществить благоприятный для себя выбор.

С одной стороны, в рассматриваемых исследованиях речь идет о желании, обладающем оптативным смыслом, но, с другой, – говорится и о дезидеративности, с таким уточнением: дезидеративность «должна рассматриваться как одна из категорий внутренней модальной рамки, то есть в оппозиции к значению возможности и необходимости» [Корди 1990: 171].

Е. Курилович отмечает, что оптатив – желание, исходящее от говорящего или, как указывает Е. Е. Корди, – желание говорящего [Корди 1990: 170–172]. И далее: «желание.. обращено на действие или состояние говорящего, который в оптативном высказывании выражает свои собственные потребности, надежды или мечты» [Корди 1990: 177]. К средствам выражения оптативности в русском языке относят типы предложений,

¹³ „...Optative expresses the desire of the speaker <...> the so-called desiderative denotes the wish or desire of the agent...” [Kuryłowicz 1964: 27].

служащих для выражения желания говорящего, при этом способ передачи оптативного значения – формы с частицей *бы*, то есть сослагательное наклонение, инфинитивные предложения с частицей *бы*, предложения, вводимые частицами *хоть бы*, *вот бы*, *только бы* и т.д. [Корди 1990: 174]. Согласно тому же источнику, глаголы *желать*, *хотеть*, *хотеться*, а также предикативное наречие *желательно*, относятся к полю оптативности. При этом отмечается, что «глаголы *желать*, *хотеть* выражают значения, эквивалентные оптативу, при употреблении форм 1-го лица настоящего времени изъявительного наклонения или форм сослагательного наклонения, относящихся к 1-му лицу. Безличный глагол *хотеться* – при употреблении в тех же формах времени и наклонения, если субъектом желания является говорящий» [Корди 1990: 183].

Получается, что деидеративное значение соотносится с возможностью и необходимостью (о чем говорилось также и выше). Ср.: *Хочу помыть посуду*, т.е. *Мне нужно помыть посуду* и (для этого) *у меня есть возможность*. Ситуация связывается с оценкой реальной ситуации. В высказывании же оптативного характера может носить характер мечты. Ср.: *Хочу в Париж*. Это может быть и реальное намерение, но в ситуации абстрактной устремленности, когда нет необходимости, а возможность может лишь предполагаться, тогда это нереальное желание. Т.е. это может быть ситуация желательного действия, мыслимого субъектом потенциально реального действия. Ср. также высказывание без модального глагола *хотеть*: *Вот бы оказаться сейчас в какой-нибудь в теплой стране*.

Объект исследования данной работы ближе всего относится к тому, что подразумевается под деидеративностью, поскольку, как уже было отмечено выше, в данной работе будет рассматриваться только желание, исходящее от говорящего, поскольку смысл деидеративности наилучшим образом проявляется в Я-высказываниях. В данной работе под деидеративностью понимается комплекс значений: не только то модальное значение, которое присуще определенным глаголам (как в классических работах А. Мейе, Ж. Вандриеса, А. А. Потемни, Е. Куриловича), не только компонент значения, выделяемый в лексических и фразеологических единицах, но и значение, привносимое контекстом.

Рассмотрим далее интерпретацию модального значения желания и, в том числе деидеративности, у ряда исследователей.

Е. И. Беляева в качестве одного из функционально-семантических полей выделяет модальность волеизъявления, куда, в частности, входит, наряду с директивной [Беляева 1985: 74–102], и оптативная модальность [Там же: 102–125]. При этом отмечается, что в англистике оптатив может трактоваться широко, «с включением в него императива деидератива и субъюнктива» [Беляева 1985: 103]. Узкая трактовка оптатива предполагает интерпретацию части сослагательного наклонения. Ср.: *Домой бы сейчас*.

«Оптативная модальность выражает желаемость говорящим осуществления связи между объектом и его признаком». Ср.: *Хоть бы дождик пошел!* [Беляева 1985: 102]. Микрополе оптативности «включает в качестве конститuentов единицы разных уровней, выражающих значение потенциальной возможности осуществления связи между объектом и признаком, обусловленной ненаправленным волеизъявлением говорящего» [Беляева 1985: 103].

Е. И. Беляева опирается также и на мнение И. Пете, который отмечал, что для оптативных предложений характерна особая структура «ненаправленного волеизъявления, т.е. пассивно-созерцательное отношение к явлениям и предметам действительности». По мнению ряда исследователей, в оптативной модальности говорящий становится пред-

методом модальной оценки. Оптативная модальность составляет часть общего поля волеизъявления [Там же].

Вопрос о лексико-семантическом поле дезидеративности поднимается в диссертации Е. А. Жук [Жук 1994]. Она, в частности, рассматривает «ядерные предикаты» этого поля: *желать* – *хотеть* в сопоставлении с английскими глаголами *to wish* – *to want*. Исследовательница называет указанные предикаты или «лексические показатели» доминантой лексико-семантического поля дезидеративности. В основе определения желания в работе Жук – целенаправленная деятельность. А собственно желание она определяет как мотив «всех произвольных невынужденных действий». Кроме того, она приходит к заключению, что желание – один из «атрибутов психики человека», а также это импульс, побуждающий субъекта действовать, включающий в себя мотив и цель.

Жук указывает на два типа проявления желания: 1 – неподконтрольность сознанию (*желание*), и 2 – направленность «на выполнимый объект» (*хотение*). Желание в «чистом виде», по мнению исследовательницы, «не осложнено дополнительными «волевыми» оттенками».

Значение желания, как отмечает Жук, может проявляться и в значении лексем *алкать*, *вожделеть*, *жаждать*, *зариться*, *охота*, *хотеть* (-ся).

Исследовательница рассматривает поле дезидеративности, суммируя употребление предикатов желания, безотносительно к какой-либо конкретной форме лица. Встречаем формы *я хочу*, *ты хочешь*, *он хочет* и т.д.

Кроме того, отдельное внимание Жук уделяет характеристике глаголов *желать* и *хотеть* с точки зрения слово- и формообразования, а также регулярно встречающимся синтаксическим конструкциям, которые возможно образовать с дезидеративными предикатами [Там же].

Отмечает исследовательница и «степенные интенсификаторы» – наречия *страстно*, *пламенно*, *сильно*, *очень* и т.д., которые могут «присоединяться» к глаголу *хотеть*.

Отдельно вопросу особенности дезидеративной семантики посвящена работа О. В. Ханиной [Ханина 2004: 414–429]¹⁴. Она, в частности, рассматривает вопрос об отношении дезидеративного значения к реальности; исследование так и называется «Дезидератив и реальность». Автор отмечает, что лингвистическая традиция рассматривает ситуацию желания 'X хочет Y', с одной стороны, как нереальную, когда речь идет о модальности, и как реальную «по умолчанию», если ситуация желания подразумевает отношение к эмоциям и мышлению. Для интерпретации «ситуации желания» Ханина привлекает данные не только русского, но и ряда других языков. В центре внимания находится «дезидеративная ситуация», которая «состоит из двух ситуаций: ситуации желания и желаемой ситуации». «Под второй – ситуация, наступления которой желает субъект ситуации желания» [Ханина 2004: 415]. Далее указывается на «принципиальную особенность дезидеративной ситуации», которая «состоит в том, что она <...> содержит в себе две ситуации – желания и желаемую» [Там же]. Автор вступает в полемику с трактовкой ситуации желания как нереальной и характеризует ее как «интерпретацию/оценку положения дел, имевшего или имеющего место в реальном мире» [Там же]. Этот тезис находит обоснование в фактах, которые наблюдаются в японском языке: в нем «ситуация желания считается реальной, но ненаблюдаемой» [Там же].

¹⁴ См. также [Ханина 2003].

В ряде языков агглютинативного типа есть специальные аффиксы, указывающие на действенность воли говорящего. Соответственно, желание такого рода квалифицируется как реальное, то есть с последствием в виде действий. Безотносительно к тому, была ли деятельность результативной или нет. Речь идет о намерении, как о факте реальности.

В связи с этим различают инволюнтное состояние устремленности (напр., когда говорят *хочется*) или виды оптативного значения, которое можно отнести к ирреалису, и состояние, когда устремленность сопровождается действенной волей – дезидератив (реалис).

Так называемая «нереальность» дезидеративной ситуации связывается с «грамматикализацией глаголов желания в показатели будущего времени или намерения». Так происходило, например, в персидском и сербохорватском языках [Ханина 2004: 421]. В этом случае хотелось бы указать на следующий факт. Дело в том, что в старославянском языке *хотѣти* служило для образования будущего времени, а это, в свою очередь, было обусловлено тем, что «греческое будущее время на русский переводится временем полнозначного глагола» [Старославянский 1999: 764].

По свидетельству А. М. Селищева, «передача будущего времени» в индоевропейских и неиндоевропейских языках связана «с фактором эмоциональным – с выражением желания, намерения» [Селищев 1952: 175]. Это отразилось в том, что в ряде языков форма будущего времени могла образовываться с помощью *хотеть*, выступающего в роли вспомогательного глагола. Так было в случае, связанном, например, с новогреческим языком. А. М. Селищев, в частности, отмечает: «В новогреческом языке на смену давним формам будущего времени явилась описательная передача для действия в будущем, – передача, в состав которой входили формы настоящего времени вспомогательного глагола *хочу, хочешь* <...> в сочетании с союзом цели или намерения <...> *чтобы*» (см. подробнее [Там же]).

Подобный способ передачи будущего времени Селищев отмечает и в отношении французских говоров: «передача будущего времени посредством вспомогательных форм *veux, veut* – *хочу, -ешь, -ет*» (см. подробнее [Там же]).

В доисторической эпохе существования славянских языков, по мнению А. М. Селищева, также «отражался фактор эмоциональный», о чем свидетельствует наличие форм, образующихся с помощью ряда вспомогательных глаголов, в число которых входит и *chotjo (chъtjo), choteši (chъtješi)* «с инфинитивом данного глагола». Например: *chotjo byrati* (см. подробнее [Там же]). Подобного рода формы встречаются и в старославянских памятниках. Ср.: *намъ хошгеши сд гавити; что хоштете ми дати ї азъ вамъ прѣдаме н* (Мариин. ев.) (см. далее и подробнее [Там же]).

А. М. Селищев отмечает далее, что и «в истории болгарского языка передача будущего времени изменялась в том же направлении, как и в новогреческом языке: в качестве грамматического элемента стала служить форма 3 л. ед. *ште* (вместо *хъштѣтъ*) в сочетании с союзом *да* перед личной формой глагола: *ште да несеи*». Далее отмечается связь семантики форм с «эмоциональной насыщенностью» [Там же: 176].

Как правило, вопросы, связанные с семантикой желания, рассматривались в контексте модальных смыслов наряду с необходимостью, возможностью, долженствованием.

На сегодняшний день существует множество работ, посвященных модальным смыслам, притом это могут быть работы как по проблемам модальности вообще (см., напр., [Балли 1955], [Виноградов 1975], [Плунгян 2000], [Bybee, Perkins, Pagliuca 1994],

[Bybee, Fleischmann (eds.) 1995]), так и монографии, посвященные особенностям какой-либо из модальностей (см., напр., [Туровская 1997], [Туровская 2003], [Небыкова 1972] и др.). В центре внимания этих исследований находились модальности необходимости, возможности, долженствования.

Во многих работах, затрагивающих тему модальности, стало практически общепринятым давать определение этого феномена. Как правило, в таких работах присутствует в различных модификациях классические определения модальности, данные в работах В. В. Виноградова и Ш. Балли. Таким образом, исследователи модальности как бы априори соглашались с авторитетами в определении модальности и приходят к сходным выводам. Особенно стабильным остается виноградовское деление на «субъективную» и «объективную» модальность. По этой причине в работе не будут подробно обсуждаться эти определения и автор диссертации оставляет в стороне полемику с различными точками зрения на природу модальности. Между тем, как отмечено в работе [Степанов 1981], вряд ли классификация модальностей может быть проведена на единых основаниях [Степанов 1981: 239–240]. Например, в работе [Туровская 1997] было показано, что даже так называемые внутрисинтаксические модальности (то, что практически всеми исследователями выделяется как единый класс модальностей) могут быть в одной рубрике классификации только по формальным основаниям, но не по содержательным характеристикам.

Как известно, понятие модальности, принятое в грамматической традиции было воспринято из учения Аристотеля о разновидностях модального суждения.

Современное языкознание пользуется, прежде всего, понятием модальности, выдвинутым Ш. Балли. Он считал, что в высказывании можно выделить диктум (предметно-логическое содержание) и модус (интеллектуальное, эмоциональное, волевое суждение). Главная роль, по мнению Балли, в формировании модального значения принадлежит модальным глаголам [Балли 1955: 69–82]. Ш. Балли представляет модальность еще и как «выражение реакции мыслящего субъекта на его представление» [Балли 1955: 234]. Он при этом указывает, что это – «логическая функция модальности» [Там же].

В русистике определение Балли было трансформировано В. В. Виноградовым: категория модальности рассматривалась как «отнесенность содержания речи к действительности» (см., напр., [Виноградов 1975: 55], а также [Виноградов 1986: 472]). Эта точка зрения повторно и достаточно регулярно встречается в большинстве работ, в которых так или иначе затрагиваются вопросы модальности. Так, например, в ряде монографий под общим названием «Теория функциональной грамматики» категория модальности рассматривается как «устанавливаемое говорящим отношение содержания высказывания к действительности» (см., например, [Бондарко 1990: 59]).

В сущности, какие бы определения модальности не встречались, они отражают способ видения субъектом потенциальной ситуации будущего действия.

Практически во всех работах, где описывается модальность желаний, говорится о ее направленности на желаемый объект, который во многих языках грамматически выражается прямым объектом. Говоря языком психологии, это – так называемая интенциональность, впервые упомянутая в работах Ф. Brentano¹⁵. Интенциональность – это способ полагания объекта. То, что существует в качестве объекта, имеет лишь несобственный смысл. У Э. Гуссерля термин интенциональность связан с переживанием объекта в сознании субъекта. Если говорить о сферах, по отношению к которым

¹⁵ См. подробнее о научной эволюции этого термина, в том числе в лингвистике и аналитической философии, в работе [Туровская 1997: 37–38].

проявляется интенциональное желаемое действие, то они практически безграничны: желание движения, желание интеллектуального действия, созидания, восприятия, речевого действия и т.д. и т.п. Для лингвистических исследований введение понятия интенциональность трудно переоценить. Хотя термин встречается во многих лингвистических работах, его содержание колеблется от автора к автору. Несмотря на это, учитывая специфику объекта, к концепту желания применимы практически все определения интенциональности.

В данной работе под интенциональностью понимается устремленность сознания модального субъекта на желаемый объект (в том числе и действие).

Со свойством интенциональности неразрывно связано и другое свойство дезидеративных высказываний – соотнесенность с сознанием Я-субъекта. В частности, Ю. С. Степанов, указывает на то, что интенциональные предикаты всегда прикреплены к Я-субъекту¹⁶.

Модальность желания в качестве отдельного объекта исследования была охарактеризована в ряде исследований. В частности, Т. И. Распопова и А. В. Кокова посвятили свои диссертационные исследования изучению средств оптативности.

Т. И. Распопова посвящает работу сопоставительному аспекту, с привлечением фактов не только русского, но и английского языков. Она исследует предложения, в которых может иметь место выражение желания, «как в семантическом, так и синтаксическом планах» [Распопова 1982: 13].

А. В. Кокова исследует оптативность только на материале немецкого языка. Она привлекает для своей работы весьма обширный материал. Рассматриваются как лексические, так и грамматические средства оптативной модальности [Кокова 1985].

Кроме того, модальный смысл желания был охарактеризован Е. И. Беляевой в рамках главы «Модальность волеизъявления», входящей в монографию под названием «Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках» [Беляева 1985].

В частности, семантике желания с точки зрения пропозициональных установок посвящена работа И. Б. Шатуновского [Шатуновский 1989]. Способам выражения желания синтаксическими средствами посвящена и работа Н. Ю. Шведовой [Шведова 1974: 455–466]. Фрагментарно встречаем вопросы, связанные с семантикой желания в работах Н. Д. Арутюновой и А. Вежбицкой и (см. [Арутюнова 1976: 94], [Вежбицкая 1997: 59–73; 397]) и др. исследователей.

Н. Д. Арутюнова, в частности, указывает на принадлежность желаний психической составляющей человека [Арутюнова 1976: 94]. Есть отдельное замечание, например, о соотношении *страсти* и *голода* как подвидов желания [Там же: 100].

А. Вежбицкая рассматривает желание с лингвокультурологических позиций, а также как элемент «расшифровки» семантического наполнения ряда модальных предикатов [Вежбицкая 1997: 59–73]. В частности, она рассматривает ряд конструкций, из которых «Одни... передают значение 'беспомощного хотения', другие – значение бессильного желания или неосознанного предчувствия...» и т.д. В связи с этим приводятся такого рода примеры: *Не догнать тебе бешеной тройки* (Некрасов); *Без всенародного*

¹⁶ Ср.: «Выражения типа *Ивану холодно* совсем не могут быть описаны аналогично *Мне холодно*. Поскольку говорит об этом не Иван, а я, то аналитическое сочетание принимает здесь вид: «Я считаю, что + Иван ощущает холод», а это, очевидно, совсем не то же самое, что «Я ощущаю холод» (см. об этом подробнее [Степанов 1985: 204–205]).

голосования – этого не решить (Солженицын) и т.п. (подробнее см. [Там же: 60–61]). Выделяет Вежбицкая и «желание, направленное на другое лицо». Ср.: *Ну что вы сидите дома? Ехали бы на теплые воды...* (Толстой) [Там же: 62]. В подпункте, где речь идет о «рефлексивных конструкциях», исследовательница выделяет тип конструкций, служащих для обозначения «неспособности сделать то, что хочется». Ср.: *О здешней жизни уже не пишется, я уже еду* (Цветаева) [Там же: 67]. В «Непреднамеренные ментальные акты» включаются конструкции, иллюстрируемые, например, так: *Ему хотелось слышать звук ее голоса* (Толстой) [Там же: 68–69]. Таким образом, Вежбицкая обращает особое внимание на случаи ситуаций желания, когда осуществление желаемого оказывается невозможным в силу либо неспособности субъекта осуществить его, либо же в силу, как она сама обозначает, 'беспомощности'. А также на желание, направленное на другое лицо.

Интересно, что в некоторых исследованиях это обдумываемое желательное действие характеризуется как «мучительное» состояние: «...желание, как явление чувственного или сенсорного характера, не предполагает состояния удовольствия: говорят мучительное желание, но не говорят сладостное/приятное желание» [Шатуновский 1989: 175–176]. Эта характеристика основывается на философской традиции. Несмотря на это, в качестве иллюстрации подобной точки зрения можно привести следующий фрагмент текста.

Ср.:

*Люди несчастны по разным поводам. «Одни плачут, что хлеб жесткий, другие – что жемчуг мелкий». Но плачут все. И все **хотят** участия* (В. Токарева, Хэппи энд).

Семантика желания рассматривалась в русистике прежде всего с точки зрения ее синтаксического выражения. Так, например, в АГ-80 в рамках сослагательного наклонения было выделено так называемое «желательное наклонение» [АГ-1980, т. II: 105–110]. При этом именно такой способ выражения и берется за характеристику оптативного значения в русском языке. Как уже было отмечено, этот аспект был довольно хорошо описан в лингвистической литературе. Были выделены различные типы значения желания.

Н. Ю. Шведова разделяет *желаемость* в зависимости от «осуществления» или «неосуществления» [Шведова 1974: 457].

С точки зрения осуществимости *желаемость* подразделяется на: «1) собственно желаемость; 2) желаемость избираемого; 3) желаемость целесообразного» [Там же: 458–464]. В рамках первого пункта желание рассматривается с трех позиций: собственно желания, нетерпения и опасения. Второй пункт включает в себя желание и необходимость в различных проявлениях. В третий пункт включается «желание-допущение», «желание-просьба или совет», «желание – утверждение позитивного». Неосуществимость желаемого подразделяется на два пункта: 1) «желаемость неосуществившегося, отсутствующего»; 2) «желаемость неосуществляющегося». Первое рассматривается в соотношении с необходимостью, пользой, целесообразностью, а также с точки зрения негативного результата. Второе – в соотношении с возможностью и предпочтением (см. подробнее [Там же: 458–464]). Таким образом, исследователь рассматривает желание в отношении нетерпения, необходимости, выбора, а также целесообразности и опасения. Наряду с этим видим включение значения желания в выражение просьбы, совета, допущения и утверждения позитивного. Когда же речь идет о неосуществимости, исследователь обозначает также соотнесенность с необходимостью, пользой, целесообразностью, возможностью и предпочтением.

Другая исследовательница, Т. И. Распопова, рассматривает семантику желания как одну из составляющих «общего поля волеизъявления» [Распопова 1982: 9]. Она составляет типологию предикатов, «которые наиболее часто используются в образовании оптативных предложений» [Там же: 12]. Для нас представляется актуальным выделение в этой типологии видов значений желаний. В частности, она выделяет предикаты: «движения» (скорей бы доехать), «активного воздействия или созидания» [Я бы из тебя сделала барабан! (Нилин)], «фазовый» [Хоть бы музыка скорее кончилась! (Антонов)], «умственного восприятия» (если бы знать), «речи» (сказать бы), «состояния» [Хорошо уснуть в такую погоду... (Нилин)], «локальности» [С недельку бы тут постоять (Гайдар)], «принадлежности» [Вот бы иметь такую тележку... (Рыбаков)] (примеры из указанной работы – И. А.) [Там же: 12–13].

В качестве исходной позиции у этого автора – субъект, выражающий свою волю, направленную на некоторый объект [Там же: 9].

Сходную позицию наблюдаем в работе А. В. Коковой, которая за точку отсчета также берет субъекта желания или то лицо, «от кого зависит исполнение желания» [Кокова 1985: 4]. Как и Н. Ю. Шведова, она рассматривает «исполнимое» и «неисполнимое» желание. Со своей позиции автор рассматривает «временную отнесенность желаемой ситуации», «стилистическую окраску» и др. [Там же]. Кроме того, «оптативные предложения подразделяются на реальные и нереальные» [Там же]. Критериями для отграничения одного типа от другого выбраны уже указанные исполнимость и неисполнимость желаемого [Там же]. Это является отправной точкой для интерпретации материала. Автор считает, что для «реального желания» «предполагается изменение существующего положения дел, наступление нового состояния» или же «надежда видеть мир, устроенный определенным образом» [Там же]. При этом под реальным подразумевается, в частности, желание осуществления конкретного действия: «физического, интеллектуального, психического и т.д.» [Там же: 4–5]. Исследовательница особо останавливается на пожелании, которое считает «патетическим, эмоционально окрашенным желанием» [Там же: 5]. Выделяется также степень «выражения интенсивности желания» [Там же]. Нейтральная степень соотносится с намерением и целью. Далее видим, что для выражения желания может служить просьба. Опасение, а также надежда тоже являются одними из способов выражения рассматриваемого нами значения [Там же: 5–6].

Нереальное желание связывается у А. В. Коковой как с конкретным (физическим, интеллектуальным, психическим), так и с фантастическим действием или предметом [Там же: 6]. Для характеристики конкретного действия включается его временная характеристика: «В какой временной сегмент проецируется желаемое действие» [Там же].

Е. Е. Корди связывает значение желания с выражением мечты, потребности, а также отдельно рассматривается случаи выражения желания с помощью форм императива [Корди 1990: 170–185].

Взаимозависимость желания, цели и плана находим в работе А. К. Жолковского. Он также ставит вопрос отличия цели от мечты и от «любого другого осуществимого желания»¹⁷. И. Б. Шатуновский отделяет способы выражения желания в контексте устремленности, не предполагающей действенного волевого начала у субъекта, от способов выражения желания как намерения, т.е. при наличии действенного волевого начала. При этом исследователь намеренно не оперирует специальными терминами,

¹⁷ Подробнее см. статью А. К. Жолковского «Лексика целесообразной деятельности»: <www.gramota.ru/mag_arch.html?id=146#u1>.

такими как оптативность и дезидеративность. Рассматривает он и ряд переходных и смешанных случаев. В связи с этим будет целесообразным подробно остановиться на некоторых его работах.

Шатуновский рассматривает особенности языковых обозначений воли, намерения и желания, определяет эти понятия с точки зрения логического анализа и пропозициональных установок. Затем он выделяет долю волитивного компонента в намерении и желании.

В частности, исследователь рассматривает случаи употребления слова *хотеть* [Шатуновский 1989: 173]. Он выделяет *хотеть*₁, *хотеть*₂ и *хотеть*₃.

*Хотеть*₁ сопоставляется со значением глагола *желать* и связывается с понятием собственно желания, которое обозначается как «непосредственная чувственная оценка ирреального *P*». ¹⁸ Когда субъект хочет или желает чего-либо, он «имеет в уме» то, что в данный момент отсутствует, сопровождая это оценкой: '*P* хорошо; не *P* плохо' [Там же: 176]. В качестве иллюстрации встречаем примеры. Ср.: *Ребенок хочет поскорее вырасти; Хочу бросить курить, но не могу*. Кроме того, Шатуновский отдельно комментирует причину употребления объекта глагола *хотеть* формой СВ (*хочет вырасти, хочу бросить*). Он отмечает: «Конкретные вариации ситуации желания зависят от семантического типа СВ» (см. подробнее [Там же: 177]). Получается, что *хотеть*₁ предполагает устремленность, не имеющую тесной связи с действенной волей субъекта, которая немыслима без фактора контролируемости (подробнее см. [Шатуновский 1989: 163–166], а также [Шатуновский 1996: 286]). Последнее поясняется характеристикой намерения, которая встречается у Г. фон Вригта: «Я могу намереваться совершить... только такие действия, о которых я знаю, что я могу их выполнить, считаю себя способным их совершить» [Шатуновский 1996: 286] (см. также [Wright 2004]).

*Хотеть*₂ связывается с волевым началом субъекта. Прежде всего отмечается, что желание хоть и «отличается от воли», но в то же время имеет с ней «глубокую связь», так как «одним из важнейших средств выражения воли является глагол 'хотеть'₂ (≈ 'намерен')» [Шатуновский 1989: 178]. Здесь важно отметить, что намерение определяется исследователем через понятие воли, а элементарными предикатами воли он считает «предикаты намерения»: *намерен, намеревается, собирается, имеет намерение* и т.д.) [Там же: 166]. Само же *намерение* он связывает еще и с тем, что «находится у нас в уме», а также с отнесенностью к будущему [Там же: 166–167]. Кроме того, исследователь характеризует способность глаголов *пытаться, стараться, стремиться, пробовать* передавать значение намерения в определенных контекстах, например, такого рода: '*С пытается P*' = '*С намерен P*' (подробнее см. [Там же: 162]).

В той части исследования, где говорится о *воле*, отмечается, что она предполагает наличие свободы выбора, которая в свою очередь контролируется разумом [Там же: 156–157]. А желание, как указывает Шатуновский, «является важнейшим мотивом выбора» (подробнее см. [Там же: 178]). Но, как он отмечает далее, «область потенциальных объектов желания (нежелания) шире, чем область потенциальных объектов воли». Исследователь обнаруживает «смежность» желания и воли», что «становится основанием для метонимического изменения глагола *хотеть*: 'основание, мотив выбора' → 'сам выбор' (в смысле: 'результат его', 'намерение')». Исходя из этого, делается вывод, что «мотив выбора» в принципе присущ семантике глагола *хотеть* [Там же: 179].

¹⁸ Символ *P* обозначает как пропозицию, так и «положение вещей», которое она описывает (см. [Шатуновский 1989: 155]).

Далее отмечается смешение в *хотеть*₂ значений 'желание' и 'намерение' вплоть до сильной редукции семантического компонента 'желание', так как «собственно желаемое находится в конце длинной каузальной цепочки». В связи с этим приводится такой пример: *Хочу вызвать на завтра телевизионного мастера* = 'Намерен вызвать... потому что ... → ... → ... хочу смотреть телевизор'. Фактором переосмысления *хотеть* в 'намерен' здесь является стремление к осуществлению действия, не расцениваемого как удовольствие (в связи с ситуацией «вызывания телевизионного мастера»). Делается вывод, что трансформация 'хотеть' → 'намерен' «происходит почти исключительно в контексте контролируемых *P*, выраженных формой СВ» (подробнее см. [Там же: 180–181]). Когда же «объектом *хотеть*₂ является НСВ, он, по своей семантике, предполагает результат, который и является объектом желания» [Там же: 182]. Это означает, что субъектом «контролируется только попытка его достижения», в связи с чем приводится такой пример: *Он хочет поступать во ВГИК* (подробнее см. [Там же]).

Для уточнения различий *хотеть*₁ и *хотеть*₂ Шатуновский приводит следующие примеры: «*Он хочет спать* – чистое желание, *Он хочет поспать* = 'Он хочет₁ спать и поэтому намерен совершить определенные действия (хотя бы лечь и закрыть глаза), которое каузируют (Он спит)'» [Там же: 182–183].

В более поздней работе Шатуновский выделяет еще *хотеть*_{2a} и *хотеть*_{2б} [Шатуновский 1996: 301–303].

*Хотеть*_{2a} это то, которое было охарактеризовано как 'хотеть₂' (≈ 'намерен'), но, в добавление к этому, еще и перфектный предикат *решил*. Комментируется это так: «...Мотивом выбора и тем самым целью выбранного *D* является желание *P*». Иллюстрируется это такими примерами: *Он хочет летом поехать на море; Иван хочет жениться на Маше*» и т.д. [Шатуновский 1996: 301].

*Хотеть*_{2б}, по мнению исследователя, «не предполагает «паузы» между выбором *P* и началом его реализации, а также <...> предварительного этапа наличия в уме и перебора альтернативных вариантов». Это то, что больше характерно для «импульсивного, «полунепроизвольного», слабо контролируемого выбора», который возникает мгновенно и так же быстро прекращается (подробнее см. [Там же]).

Далее Шатуновский и *хотеть*_{2б} разделяет еще на два подтипа или, как он пишет, «два «оттенка» значения (типизированных употребления)». *Хотеть*_{2б1} обозначается как «каузированный желанием моментальный выбор, тут же отмененный противоположно направленным желанием-выбором», а *хотеть*_{2б2} – как «значение неудавшейся попытки» [Там же].

Важным свойством намерения исследователь считает следующее за ним действие. Это он поясняет с помощью схемы: 'желание' → 'намерение' → 'действие', которая иллюстрируется, в частности, примером: *Хочу перевернуть лодку*. «Итоговое состояние» мыслится тогда как 'Лодка перевернута'. Т.е. субъект «совершает действия, которые, возможно, каузируют это состояние» [Там же: 183]. Таким способом выводится то, что обозначается как *хотеть*₃: «*С хочет*₃ *P* = 'С хочет₁ *P* и пытается каузировать'».

Далее указывается, что глагол *хотеть*₃, употребленный в прошедшем времени, «получает значение неудавшейся попытки»: *Вот, хотел перевернуть лодку...* и т.д. [Там же].

В более позднем исследовании Шатуновский уточняет и проявление значения *хотеть*₃. В связи с этим он пишет, что оно «весьма мало лексикализировано (в качестве отдельного значения)», и что «оно практически не имеет никаких собственно языковых <...> признаков, отличающих его от *хотеть*₂». Далее исследователь отмечает: «... в ситуа-

ции, когда актуально совершаются соответствующие подготовительные действия, *хотеть* может быть, фактически дейктически, употреблено для их обозначения. Единственный собственно языковой показатель, сигнализирующий об употреблении *хотеть* в смысле (3), это присутствие в предложении частицы *вот*, отсылающей к наличным в ситуации действиям: *Вот, хочу починить утюг...*» (подробнее см. [Там же: 304–305]).

В том же исследовании Шатуновский отмечает употребление *хотеть* в 1-м лице наст. вр. «в качестве косвенных «аналитических» перформативов – показателей иллюкутивной силы высказывания: *Хочу заметить, что...; Хочу поблагодарить...; Хочу извиниться перед вами...; Хочу попросить вас об одном одолжении...; Хочу вам напомнить...*» [Шатуновский 1996: 307].

Немаловажным в исследованиях Шатуновского является и рассмотрение желания в контексте взаимодействия ситуаций необходимости и возможности (подробнее см. [Там же: 298], а также [Шатуновский 1989: 156, 163].

Вопрос направленности желаний был также охарактеризован Шатуновским, который в качестве точки отсчета берет трихотомию «душа – тело – ум» и на этом основании выделяет «желания тела», которые можно определить и как физиологические потребности. Это, например, такие желания: *желание есть* (голод), *желание пить* (жажда), *желание спать*.

«Желаниям души» присуще «эмоциональное 'хорошо', хорошо для души». Это, по мнению исследователя – желание счастья любимому человеку или несчастья, желание победить, желание неудачи ненавистному или преуспевающему (зависть), желание выиграть крупную сумму денег..., желание победить в соревнованиях, желание прославиться (честолюбие).

К желаниям ума, или интеллектуальным желаниям могут относиться: «желание знать, понимать, найти разгадку, прочесть интересную статью или отложить в сторону скучную и т.п.» [Шатуновский 1996: 295].

Итак, сообразно целям этой работы, для нас важна в подробно цитируемой работе Шатуновского попытка отграничения (прежде всего с позиций логического анализа) семантических компонентов пассивной устремленности и действенного волевого начала при употреблении модального глагола *хотеть*. Первое – тяготение к оптативу, второе же – именно то, что характерно для дезидеративного значения.

В контексте анализа ситуаций, эксплицирующих намерение, исследователи рассматривают и предикат *решить*. Ср.: *Он решил поехать на Кавказ/ Он намерен поехать на Кавказ* (пример из [Шатуновский 1996: 290]). Ряд можно продолжить, и получится: *Он хочет поехать на Кавказ*. Принятию решения предшествует операция выбора. В связи с чем видим следующее наблюдение: «В преддверии выбора и решения желания борются с другими видами оценок (рациональной, этической и др.). <...> В большинстве случаев выбор определяется желанием» [Шатуновский 1996: 298].

В. М. Труб, касаясь проблемы семантики желания, указывает на тесную взаимосвязь оценки с ситуацией желания. Он иллюстрирует это конструкцией 'X хочет А', в которой глагол *хотеть* может быть заменен на предикаты *желать*, *испытывать потребность*, *жаждать*, *необходимо*, *нужно* [Труб 1993: 275]. Исследователь пытается «выделить некий семантический инвариант» для ряда предикатов, «выражающих желание». Труб отмечает также наличие смыслового компонента 'хотеть' для большого числа слов. Желание, по мнению исследователя, является «единством двух одновременных явлений». Первое он обозначает как «чувственный» компонент желания», притом

ключевым моментом этой дефиниции является «выведение субъекта из равновесия». Второе Труб обозначает как «мыслительный» компонент желания», который подразумевает наличие оценки и мнения «о возможном способе возвращения утраченного равновесия...» [Там же: 275–276].

При описании семантики желания Труб исходит из так называемых «параметров личности» (ПЛ), которые представляются в виде «шкал», отражающих «самые разные стороны функционирования индивида» [Там же: 276]. Если вкратце представить возможные параметры личности, то они связываются с психофизиологическим состоянием индивида (физиологические потребности и «душевное равновесие»), а также с потребностью индивида в информации, социальном положении или «статусе», престижности, материальном благополучии. Представляемые шкалы призваны показать степень отклонения состояния индивида от «нормы». Например, «голодание» – «нарушение нормы» по ПЛ «степень сытости» и т.д. [Там же: 276–277].

Далее Труб выделяет «полюса» желаний. Один из них составляют «разнообразные потребности гомеостаза (жажда, голод, температурный режим, самочувствие и т.д.)». Другой – «значимые аспекты бытия, которые, будучи однажды достигнуты, характеризуются большой стабильностью, не требуя ... частых забот и тревог об их урегулировании» [Там же: 293].

Исследователь отмечает, что ПЛ при описании состояния желания могут характеризоваться не только «шкальностью», но и «бинарным признаком» 1/0). В частности, это может быть в ситуации «исправности/неисправности прибора». Т.е. исправность воспринимается как норма (она как бы не замечается), а неисправность порождает желание либо починить, либо приобрести новый прибор/предмет [Там же: 277–278].

Труб отмечает взаимосвязь положительных эмоций с желанием. Это случается тогда, когда «происходит улучшение нормы» [Там же: 278].

Выделяя пять «структурно-семантических моделей» [(ХОТЕТЬ (1), ХОТЕТЬ (2), НЕ ХОТЕТЬ (1), ХОТЕТЬ (3), НЕ ХОТЕТЬ (2)] с целью описания «типов желания», Труб отмечает условность приводимых шаблонов (моделей), поскольку нет «четкой корреляции между заданными типами оценочных мнений и семантикой предиката *хотеть* (*не хотеть*)» [Там же: 279–292].

Исследователь отмечает также связь желания и возможности, желания и поиска, желания и цели [Там же: 283, 293].

Исследование С. В. Мастерских посвящено анализу концепта 'желание' «в сопоставительном плане». Автор осуществил попытку «определения места» концепта 'желание'. Для этого привлекаются данные лексикографических источников, а также энциклопедических и лингвистических словарей [Мастерских 2004: 8]. Исследовательница обращается также и к данным этимологии относительно рассматриваемого концепта.

Особое внимание уделяет Мастерских и анализу синонимических рядов лексики сопоставляемых языков (русского, английского, немецкого). На основании анализа специальной лингвистической литературы, а также конкретного языкового материала автор приходит к выводу, что концепт 'желание' «имеет ментально-волевую сущность» [Там же: 9].

Мастерских считает, что концепт 'желание' раскрывается при помощи глагольных лексем. Она выделяет «интегральную сему, присущую исследуемым глаголам: испытывать потребность, желать» [Там же]. Далее она выделяет ряд так называемых «дифференциальных сем» для глаголов: *желать*, *хотеть*, *намереваться*, *стремиться*,

мечтать, жаждать, возжелеть [Там же: 10]. Автор включает эти глаголы в один синонимический ряд. При этом такая последовательность глагольных лексем характеризуется «по степени нарастания интенсивности желания».

Для рассмотрения «валентных связей» предикатов, обозначающих желание, Мастерских привлекает контексты из художественной литературы. Она акцентирует внимание на том, что обозначается как «семантическое наполнение компонентов моделей, прежде всего объекта» [Там же].

Как и многие другие ученые, Мастерских выделяет физиологические желания, которые она квалифицирует как «примитивные» и «окультуренные» желания, или интеллектуальные. Последние могут обладать как положительной коннотацией (желание знаний, творчества), так и отрицательной (желание мести, войны, чего-то плохого и т.д.) [Там же: 11].

Автор выделяет и формальные показатели выражения желания в русском языке. Кроме того, анализ валентных связей «русских глаголов, обозначающих «желание», помогает определить «концептосферу «желания» в русском языке» [Там же].

Мастерских привлекает для исследования концепта 'желание' паремиологический языковой фонд. Этот материал служит основой для сопоставления пословиц и поговорок русского, английского и немецкого языков.

В результате своего исследования автор уточняет понятие 'желание': «Желание для всех языков является той силой, которая побуждает субъекта к действию и толкает его на совершение поступков» [Там же: 15–16].

Результаты исследования М. Г. Милютиной актуальны для данной работы тем, что она анализирует «природу конативной модальности», которая выражается средствами, пересекающимися с семантической зоной дезидеративности или даже являющимися ее частью.

Автор анализирует речевые ситуации, передающие значение попытки и ее реального осуществления. Точкой отсчета исследования является «объективный мир», куда «активно вторгается человек, пытаясь осуществить свои желания и реализовать свои намерения» [Милютина 2006: 3]. Собственно 'попытка' характеризуется как семантическая внутрисинтаксическая модальность. По этой линии 'попытка' тесно связана с «модальными значениями» *желания (хотения)* и *намерения*. Как свидетельствует автор исследования, эти обозначения есть «плавный переход от пассивной готовности к активному осуществлению действия» [Там же: 8]. *Намеренность* действия, как и у других исследователей, характеризуется контролируемостью и целенаправленностью. *Стремление* и *попытка* связываются с оценкой, в частности, результата действия.

Милютина выделяет следующие предикаты, примыкающие к значению 'попытка': *пытаться, силиться, ломать (себя), искать, находить, открывать, достучаться* [Там же: 3]; *пробовать* (в смысле 'стараться' и т.п.), *порываться, догонять, убеждать, ждать*. Последние два квалифицируются как «глаголы «безуспешной попытки» [Там же: 9]. К этому ряду относятся также глаголы *тужиться, блуждать, просить, уговаривать, поймать, думать* ('стремиться понять'), *напрягать* (например, *воображение*), (*пытаться*) *вспомнить, решить, будить, умолять, ловить, догонять, добиваться, отнимать* и др. (см. подробнее [Там же: 21–37]).

Среди существительных, относящихся к значению 'попытка', выделяются: *попытка, стремление, хотение, намерение* и др. [Там же: 8].

Глаголы со значением «принятия решения» анализировались и Е. В. Падучевой. Она, в частности, писала: «Глаголы со значением принятия (и исполнения) решения описывают поведение человека в условиях свободно выбираемого поступка и примыкают к классу волитивных глаголов». Для нас особенно актуально, что к волитивным глаголам примыкают такие, как *хотеть, намереваться, собраться, решить* и ряд др. [Падучева 2004: 307]. Далее она пишет, что *воля* – «орган порождения желаний, в конечном счете определяющий выбор решения». Эта характеристика сравнивается с той, что дается Ю. Д. Апресяном: «Воля <...> есть способность приводить в исполнение свои желания» (цитата по [Там же: 308]). Поскольку осуществлению выбора и принятию решения в пользу чего-либо предшествует сравнение, то исследователи говорят о разуме (см., например, [Там же: 308], [Шатуновский 1996: 289]). В связи с предикатом *решить* Падучева отмечает: «Решить, как поступить, – значит понять, каково желаемое положение вещей: *Я решил, куда поехать отдохнуть*, значит, я сделал выбор между разными возможностями – «Я поехал в Крым», «Я поехал на Соловки» и т.д.» [Там же: 309].

Соотношение воли и принятия решения иллюстрируется еще и таким контекстом: *...А что вы с Рогожинным ехать хотели, то это вы в болезненном припадке решили* (Ф. Достоевский, Идиот) [Там же: 310].

Собственно *намерение* определяется Падучевой как «результат выбора решения». И далее видим уточнение: «Намерение – это нечто, выбранное субъектом; то, что является результатом решения, в котором участвовали как разум, так и воля» [Там же].

Интерпретацию синтаксических средств выражения желания находим и у А. Вежбицкой. Она, в частности, рассматривает «инфинитивные конструкции без модальных слов». Желание у нее рассматривается в отношении модальных категорий необходимости и невозможности. В связи с последним выделяются формы выражения, которые характеризуются так: «кто-то не может сделать то, что хотел бы» [*Только вина нам не пить. Оно в бочке. И пробка величиной с кулак* (Окуджава)], «то, чего я хочу, может не произойти» [*Быть первым, вольно одиноким!* (Брюсов)]. Последний случай имеет такой комментарий: «...это значение желания, не обязательно контрафактического, но и не безусловно реализуемого» [Вежбицкая 1997: 61]. Выделяются также и такие виды желания: «желание, направленное на другое лицо» [*Ну что вы сидите дома? Ехали бы на теплые воды...* (Толстой)], «опасение» [*Безобразно дрожали руки. «Стакан бы не выронить»* (Довлатов)]. Отдельно рассматриваются рефлексивные конструкции, где выделяются: «неспособность сделать то, что хочется» [*Не спится ей в постели новой* (Пушкин)], «непреднамеренные ментальные акты» [*Ему хотелось слышать звук ее голоса* (Толстой)] [Вежбицкая 1997: 62–68].

Семантике желания особое внимание было уделено Ю. Д. Апресяном [Апресян 1972], [Апресян 1995a], [Апресян 1995b]. Он исходит из рассмотрения так называемой «наивной картины человека». Желания, по его мнению, являются одним из состояний, которые человек может испытывать наряду с восприятием, знанием, мнениями и эмоциями. При этом исследователь называет желания «стимулом к активному функционированию человека» [Апресян 1995b: 352]. Указанный момент лежит в основе определения воли как такого компонента желания, который обозначается как сила, направляющая реализацию желаемого [Там же]. Желания, по Апресяну, «могут быть как разумными и моральными, так и неразумными и аморальными» [Апресян 1995b: 353]. С этим утверждением нельзя не согласиться. Далее он описывает «основные системы человека», куда, кроме всего прочего, включаются интересующие нас элементы: физиологическое состояние и желания. Первое включает в себя голод,

жажду, желание как плотское влечение, а также большую и малую нужду, боль и т.п. Семантическим примитивом при этом является сема 'ощущать' [Апресян 1995б: 355]. В отношении второго говорится, что желания «локализируются» «либо в теле, либо в душе». К желаниям тела, соответственно, относятся физиологические потребности. В душе же «локализируются окультуренные желания, связанные с удовлетворением духовных потребностей», которые связаны с волей, корректируемой совестью [Там же].

Понятия, выражаемые лексемами *любить*, *надеяться*, *надежда* и некоторыми другими, Апресян относит к сфере эмоций, локализующихся в душе, сердце или в груди.

В отношении «лексики желания» говорится, что «в основе состояний, действий, эмоций, высказываний человека лежат причины или мотивы, так или иначе связанные с желаниями». Далее видим: «В лингвистическом преломлении это значит, что смысл 'хотеть' <...> образует некий фундаментальный слой в семантике подавляющего большинства антропоцентрических классов слов» [Апресян 1995б: 436].

Кроме всего сказанного, Апресян подробно описывает особенности семантики желания в отношении объяснения смысла через синонимы, что видим как в [Апресян 1995б: 436–452], так и в [НОСС 1999: 456–463], а также в [НОСС 2000: 389–394].

При разграничении модальных смыслов необходимости и желания в работе С.Н. Туровской дается такая сопоставительная характеристика: «...Желание <...> часто обусловлено иррациональными чувствами. Рациональность связана с действиями, рассудительность с поведением, желание не обязательно ведет к осуществлению действия и даже не является целью. <...> есть желание абсолютно невозможного, т.е. несбыточные мечты» [Туровская 1997: 46].

Иногда модальные смыслы желания и необходимости трудно разграничить. Такое положение вещей наблюдается в инфинитивных конструкциях. Так, в вышеупомянутой работе Туровской предлагается следующий подход: «Если инфинитивные конструкции по значению необходимости сопровождают «следы» практического рассуждения, то в случае инфинитивных конструкций с семантикой оптимистичности таких ориентиров нет»; и далее: «Это, как правило, слова, эксплицирующие не разум, рассудок, но «страсти»: склонности, эмоциональные оценки, слова «желание», «мечта» и т.п.» [Туровская 1997: 47].

Если суммировать рассмотрение проявлений значения желания у указанных авторов, то получится следующая картина. Желание может соотноситься с выбором, целесообразностью, необходимостью, терпением (нетерпением), исполнимостью (реальностью) и неисполнимостью (нереальностью), надеждой, потребностью, мечтой, а может рассматриваться по отношению к моменту речи.

Выше уже была отмечена вероятность взаимодействия семантического поля желания с другими семантическими полями (такими, как 'совесть', 'счастье', 'удовольствие', 'лень' и др.).

В этом плане представляется интересным отметить моменты, мотивирующие отказ субъекта от осуществления желаний, стремлений, хотя факт их наличия не исчезает. Эти ограничения могут быть выражены такими концептами как 'страх', 'стыд', 'совесть', 'грех', а также в какой-то мере – 'лень'. 'Страх' мотивируется психологическим состоянием субъекта в определенных ситуациях, а 'стыд', 'совесть' и 'грех' – являются концептами, тесно связанными с этическими и иногда религиозными установками. Соотношение рассматриваемого нами значения и концептов 'грех', 'стыд', 'совесть' находим в ряде исследований: [Арутюнова 2000: 54–77]; [Панова 2000: 167–177]; [Левонтина 1999: 105–113].

Наблюдения над возможными «ограничителями» реализации желаемого наводят на определение соотношения воли и желания. Было указано на наличие двух терминов, обозначающих выражение желания в языке – «оптатив» и «дезидератив». Эти понятия характеризуют желание с точки зрения недейственности и действительности воли человека. Получается, что желание может отображать внутреннюю устремленность как с последующей реализацией, так и без нее. Недейственность воли может быть вызвана также ленью, стыдом, совестью, страхом и рядом других причин. (*Хочется, но нельзя/лень/боюсь/стыдно/совестно*).

Рассмотрим этот момент подробнее.

Если желание – движущая сила бытия, то понятия 'лень', 'стыд', 'совесть', 'страх' можно назвать их своеобразным «тормозом»¹⁹. В понятии 'лень' есть компонент желания (точнее, нежелания). Как было указано во введении, в работе не станут рассматриваться случаи отрицания наличия желания, но в случае с 'ленью' важно отметить, что она может быть не столько 'нежеланием', сколько оценкой степени желательности. Далее видим такую характеристику состояния лени: «Любое желание человека всегда натывается на его нежелание совершать усилия. Результат борьбы зависит от соотношения силы желания и нежелания» [Левонтина 1999: 109]. Ср.: *Давно хочу туда съездить, да все как-то лень*. (Пример из указ. источника – И. А.).

'Стыд' и 'совесть' являются ограничителями концепта желания, поскольку могут сдерживать реализацию свободных устремлений. В этом случае человеческое «Я» как бы раздваивается. Н. Д. Арутюнова писала: «Я – субъект эмоций и воли, желаний и потребностей, свойств характера и физических состояний. Другой – его внутренний контролер, адаптирующий Эго к социальным условиям существования» [Арутюнова 2000: 55]. Далее видим: «Стыд формирует социального человека, совесть – нравственную личность. Стыд учит человека поведению, совесть – поступкам» [Там же: 58].

Стыд – «чувство, удерживающее от предосудительных, неделикатных <...> поступков» [Там же: 62]. Совесть – «нравственная норма», контрагент Эго (Другой), «судья», «судебный исполнитель», «орган» («компонента внутреннего человека») [Там же: 75].

О том, что 'желание' и 'совесть' являются связанными между собой концептами, пишет и Ю. Д. Апресян. Он, в частности, говорит: «Если желания и воля являются инициаторами деятельности человека, то 'совесть' в русской языковой картине мира мыслится как нравственный тормоз, блокирующий реализацию его аморальных желаний» [Апресян 1995б: 353].

Следующий концепт, который видится нам соотносимым и идеей желания, – это понятие 'грех'. Свободное проявление желаний человека влечет за собой нравственную оценку. К примеру, может возникнуть желание убить, украсть и т.д., что, естественно, квалифицируется как грех (прослеживается связь с религиозными установками); и если у человека есть совесть или страх, то у него включится внутренний регулятор, который создаст препятствие для реализации желаемого. Эта взаимосвязь отмечена, в частности, Л. Г. Пановой, которая писала о связи понятий 'грех' и 'воля' [Панова 2000: 172].

Иными словами, это такие концепты, которые формируют взаимоотношение человека в социуме и способствуют «окультурированию» вектора возможных человеческих желаний.

В контексте так называемой языковой картины мира А. Вежбицкая рассматривает «сценарий того, как хотеть». Она делает сопоставления ситуаций экспликации желания в различных языках. В частности, отмечается, что «Англо-американская культура

¹⁹ Ю. Д. Апресян также использует дефиницию «тормоз», но для понятия 'совесть' [Апресян 1995б: 353].

поощряет своих носителей говорить о том, чего ты хочешь сам, и давать другим людям право выбора». <...> «Японская культура, наоборот, настаивает на диаметрально противоположных сценариях», т.е. имеется в виду то, что не принято «говорить другим людям что-то вроде «я хочу этого, я не хочу этого». Задавать вопросы с целью узнать желание другого лица в Японии также не принято (см. подробнее [Вежбицкая 1997: 397]). При всем при этом, возможно, указанные наблюдения носят несколько субъективный характер. Думается, что понимания некоторых феноменов бытия может зависеть не только от так называемого общенационального, но еще и от восприятия мира конкретным индивидом.

Прекращение состояния желания наступает в момент осуществления намерения или стремления, достижения поставленной цели, а также с прекращением физиологических и психических функций, т.е. с наступлением смерти. Это же можно назвать и одним из главных пределов действия модального значения дезидеративности.

Глаголы, обозначающие желание, по мнению ряда исследователей, примыкают к группе стативных глаголов.

Практически все исследователи особенностей глагольной семантики выделяют глаголы действия и глаголы состояния. Л. В. Щербы писал: «предикаты со значением: 1) действия, 2) состояния, 3) качества». З. Вендлер выделяет такие же категории. Те же самые семантические категории находим у Г. А. Золотовой. Указанные ученые не всегда имеют одинаковые критерии отграничения глаголов (см. об этом подробнее [Булыгина 1982: 88–91]).

У. Чейф выделяет «значение состояния у глаголов: want (хотеть), know (знать), love (любить), have (иметь)» [Булыгина 1982: 88–91].

Интересен и такой факт, что «Стативными считаются только те предикаты, которые обозначают свойства, не проявляющиеся по воле носителя свойства в поведении [Там же].

Ученые выделяют и зависимость модального значения от оценки. В частности, Е. М. Вольф писала: «Основная модальность, связанная с оценочной семой «+» в диктуме, – это модальность желания и близкие к ней модальности, включающие желание как свою часть» [Вольф 1985: 125]. И далее: «при предикатах желания событие оценивается как положительное для субъекта желания, при выражениях нежелания – как отрицательное...» [Там же]. «При модальности желания знак «+» связан с точкой зрения субъекта модуса. Что касается оценки для актантов диктума («субъекта пользы»), она может нести и знак «хорошо», и знак «плохо», и быть нейтральной; ср.: *Я хочу, чтобы ты узнал, почем фунт лиха*; здесь желание субъекта не совпадает с пользой актанта». Е.М. Вольф отмечает также: «Оценки появляются в любых модусах, так или иначе связанных с желанием». Приводится, в частности, пропозиция, зависящая от модуса надежды; ср.: *Он надеется на лучшее* (но *Он надеется на худшее*) [там же]. Далее семантический компонент 'надежда' включается в лексему *мечтать*, а также *ждать* (когда имеется в виду ожидание чего-то хорошего) [Вольф 1985: 126].

Получается, что семантике желания обязательно присуща сема 'хорошо' с точки зрения субъекта модуса, т.е. с точки зрения того, кто оценивает свое состояние как желание.

Кроме особенностей, связываемых с категорией модальности, у предикатов, обозначающих желание, есть еще свои грамматические характеристики, которые тесно связаны со значением стативности и оценочностью. Это, например, такое свойство: бесприставочные глаголы, передающие значение желания, не имеют формы СВ.

Согласно имеющимся грамматическим теориям, глаголы *хотеть*, *желать*, *жаждать* являются глаголами НСВ, не соотносительными по виду [АГ-80: 592]. Это их свойство определяется тем, что они принадлежат группе неопредельных глаголов, то есть «не может быть указания на достижение той критической точки, которая исчерпывает действие» [АГ-80: 592]. М. А. Шелякин характеризует неопредельные глаголы как такие, для которых характерно отсутствие «внутренних» пределов», это означает, что они «потенциально лишены ограниченности» [Шелякин 2001: 77]. Из этого вытекает их свойство не иметь парных глаголов СВ. Примечательно, что к такого рода глаголам, т.е. абсолютного НСВ, относятся и соотносимые с *хотеть*, т.е. входящие в семантическую зону дезидеративности. В эту группу входят следующие глаголы: *ждать*, *надеяться*, *интересоваться*, *мечтать*, *грезить*, *любить*, *терпеть* и т.п., также обладающие этим свойством [АГ- 80: 592–593].

Считается, что глаголы НСВ выражают действие в процессе его протекания, то есть действие, стремящееся к пределу [АГ-80: 583]. В нашем случае это может означать, что состояние желания будет исчерпанным, когда оно будет удовлетворено.

Соотносительный по значению (но не парный по виду) глагол СВ *захотеть* (относительно) фиксируют начало состояния, обозначаемого глаголом.

С. Н. Туровской было замечено: «Релевантность или иррелевантность реализации видовых значений при выражении модальности необходимости (Впрочем, как и любой другой разновидности внутрисинтаксической модальности) не носит сколь либо регулярного характера по отношению ко всем (или даже большинству) типам модальности. Иначе обстоит дело с высказываниями, где постулируется отсутствие необходимости» [Туровская 1997: 102]. То же самое справедливо и для модальности желания или употребления в высказываниях предикатов желания.

В монографии «Семантические типы предикатов» видим: «Признак дуративности, характеризующий способ протекания во времени, делит динамические явления на длящиеся и не длящиеся, то есть на «процессы» и «события». Это противопоставление существенно для русской грамматики, оно находится в достаточно систематическом <...> соответствии с различием НСВ и СВ» [Булыгина 1982: 20]. Таким образом, сложные предикаты желания демонстрируют направленность действенной воли субъекта на достижение цели, к которой говорящий стремится.

«Во многих классификациях глагольных предикатов (в конечном счете, восходящих к классификациям Аристотеля) ...используется в качестве критерия разграничения между двумя типами предикаций: «конечных» или «целевых» (telic) и «неконечных», или нецелевых (atelic)» [Булыгина 1982: 62].

Согласно теории З. Вендлера, «Глаголы «деятельности» (activity) и глаголы «исполнения» (accomplishment) различаются между собой по наличию или отсутствию предела действия. Однако не всякие предельные глаголы могут быть отнесены к группе глаголов «исполнения». В эту группу включаются только такие глаголы, которые обозначают действие, занимающее отрезок, а не точку временной оси [Булыгина 1982: 106]. Иллюстрация: *В эту минуту (в пять часов) они достигли вершины* (глагол «достижения»), но нельзя: *В эту минуту (в пять часов) я вымыла посуду* (глагол «исполнения») [Там же].

Когда предикат желания представляет собой сочетание 'модальный глагол *хотеть* в личной форме + инфинитив', и в позиции инфинитива стоит также неопредельный глагол, то в контексте всегда содержится указание на предельность действия. Ср. конструкцию: *Хочу весить 60 кг. (Сейчас я вешу 75 кг)*. Стремление к результату как к

чему-то законченному говорящий может выразить синонимичной фразой: *Хочу похудеть на 15 кг (следовательно, хочу весить 60 кг)*. *Похудеть* – СВ. Стремление весить 60 кг – конечная цель говорящего, и, следовательно, он ее эксплицирует всеми доступными средствами.

Итак, предикат *хочется похудеть* синонимичен предикату *хочу похудеть*, но он больше служит для экспликации желания, которое выглядит как просто внутренняя устремленность с необязательной последующей реализацией, хотя, и *хочу похудеть* также необязательно может иметь реализацию.

Когда говорится *захочу, захотела, захотелось, перехотелось* и т.д., – это, скорее, «фазовость» желания, а не видовременное противопоставление, т.е. желание было, его факт констатируется говорящим, но прошло некоторое количество времени, а также и какие-либо события, и говорящий может так квалифицировать свое состояние: *Я уже перехотела; Мне перехотелось*. Или, наоборот, что-то пробудило импульс желания у говорящего, тогда он скажет: *захотелось*.

Согласно подходу, разработанному функционально-коммуникативной грамматикой, такие модальные глаголы, как *хотеть, мочь* и др. являются так называемыми глаголами-модификаторами, потому как «выражают модальное отношение между субъектом и предикативным признаком» и «становятся вспомогательным элементом в составе предиката, или <...> сигналом усложненности, полипредикативности конструкции, если выражают модальную волю другого субъекта (ср. *хочу, стремлюсь пойти* и *должен, обязан пойти*)» [Золотова и др. 2004: 70].

Модальные модификаторы обозначают способ отношения к действию (типичное модальное значение), которое выражается сочетанием с так называемым полнзначным или «вещественным» глаголом (см. об этом также [Всеволодова 2000: 56]).

Хочется отметить еще одну особенность вербальной экспликации желания. Выше уже говорилось о том, что для ситуации желания характерна направленность в будущее, в частности, это свойство может выражаться в грамматическом показателе будущего времени, как это было в старославянском, древнерусском, а также ряде других языков (см., напр., [Срезневский 1989: т. 3, ч. 2, 1392]). Примечательно, что в современном русском языке можно встретить случаи, когда будущее время глагола в ряде контекстов может служить для экспликации желания. Ср.: – *Ты чай будешь?* – *Буду*. Указанную конструкцию можно сопоставить и с такой: ср.: – *Ты чаю хочешь?* – *Хочу*.

Следует учитывать также и тот факт, что мнение о направленности желания в будущее (см., в частности, [Ивин 1970: 123]) иногда оспаривается. Н. Ю. Шведова отмечает, что при выражении желания может иметь место временная неопределенность, когда «событие, о котором идет речь, может быть реально соотнесено с настоящим, будущим или прошедшим» [Шведова 1974: 463]. В качестве иллюстрации она приводит следующие примеры: *Если бы снег!* (сейчас, в настоящий момент); *Если бы он позвонил вчера!* [Там же: 465] и т.д.

Итак, среди дифференциальных признаков высказываний с дезидеративным значением в лингвистической литературе оказываются такие важные семантические маркеры, как интенциональность высказывания и прикрепленность к Я-субъекту.

ГЛАВА 3. МОДАЛЬНОСТЬ ДЕЗИДЕРАТИВНОСТИ: ПЛАН ВЫРАЖЕНИЯ И ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ

В свое время академик Л. В. Щерба высказал справедливое мнение о том, что словари должны служить для понимания текстов на том или ином языке, а качественный словарь должен базироваться на разнообразии примеров употребления слов: «Не мудрствуй лукаво, а давай как можно больше разнообразных примеров» [Щерба 1974: 285]. Далее он высказывает мнение: «Каждое мало-мальски сложное слово в сущности должно быть предметом научной монографии» [там же: 285]. Под «сложным» Щерба понимает трудное для определения значения слово.

Примем к сведению мнение Щербы о том, что только разнообразие примеров может дать представление о достоверном значении слова. Далее он указывает, что в живых, естественных языках «материал может быть множим без конца» [там же: 286]. Только значения слов мертвого языка могут быть описаны с известной долей конечности, так как ученые опираются на имеющиеся тексты мертвого языка, количество которых также конечно.

Важно также обратить внимание и на тот факт, что «система слов-понятий (мышления)... оказывается величиной переменной» [там же: 292]. Здесь прослеживается интересная мысль, о которой часто забывают, что система слов-понятий или, говоря современным языком, понятийно-языковая основа, может несколько отличаться в различные эпохи.

Лексикографическое описание, так же, как и теоретические подходы в различных сферах знания, может дать представление о природе рассматриваемого явления только через призму используемого в словаре языкового материала. Поэтому первичной задачей для определения плана выражения модального значения дезидеративности было бы составление списка предикатов русского языка, имеющих такое значение. В работе этот список составлен на основе компонентного анализа методом сплошной выборки данных толковых словарей, имеющихся на сегодняшний день.

За точку отсчета компонентного анализа, результаты которого приведены в данной работе, принята модальная лексема *хотеть*, как наиболее ясно и конкретно указывающая на смысл дезидеративности. Именно поэтому *хотеть* называют «семантическим примитивом» (см., напр., [Апресян 1995б: 438]).

Компонентный анализ по данным толковых словарей был дополнен данными других словарей: синонимических, этимологических, идеографических. Такая логика исследования призвана обозначить проекцию исследуемой семы на более широкий круг лексики. В данной работе представлена своего рода палимпсестная версия, сводный список модальных предикатов (с. 64), в которых представлен семантический компонент 'желание'. К этому списку был добавлен перечень фразеологизмов, в толковании которых также был представлен сходный семантический компонент – 'хотеть' (с. 103–105). Таким образом, анализировалось присутствие семы 'желание' в более широкой сфере.

Рассматриваемые ниже лексические единицы воспринимаются как очень близкие по значению. Они «притягиваются» друг к другу своей доминирующей семой 'хотеть', т.е. 'иметь желание'²⁰. В задачу этой части работы входит поиск различных оттенков значения желания с целью выявления семантического компонента, соответствующего тому, что можно обозначить как дезидеративное значение.

²⁰ Хотя в качестве базовой единицы выделяется *хотеть*, в стилистических целях в некоторых случаях используется заместительный компонент 'иметь желание'. Хорошо осознавая разницу в глагольном представлении и в представлении именном (со связкой), нужно отметить, что такое детальное отличие для целей данной работы не имеет принципиального значения.

ХОТЕТЬ

Обратимся сначала к интерпретации, даваемой в наиболее крупных лексикографических источниках. Начнем с самого крупного на данный момент источника – «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти тт. (1950–1965) (или БАС-1).

Глагол *хотеть* интерпретируется через сочетание именного предиката со связкой: «полузнаменательная связка + существительное» (*иметь желание*), где именным компонентом направлен на раскрытие возможных смысловых проявлений исходного модального глагола. Ср.: «Иметь желание, охоту, ощущать потребность в чем-нибудь (в еде, отдыхе и т.п.)» [БАС-1, т. 17: 409]. Получается, что такие понятия, как 'желание', 'охота', 'потребность', 'влечение' (любовное), 'страсть', 'стремление', 'намерение' иногда выступают в качестве субститута глагола *хотеть*.

Если говорить о синонимических средствах, которые можно обнаружить при толковании значений, то можем увидеть, что *хотеть* в определенных случаях может быть обозначено как 'собираться', 'намереваться', 'стараться' (достичь), 'стремиться' [Там же: 411].

В БАС-1 описывается и направленность желания, обозначенного исходной лексемой, что снабжается также и грамматическим комментарием. В частности, указывается на возможность «иметь желание ощутить, познать, испытать что-нибудь» и далее имеется комментарий, что в этом случае *хотеть* употребляется с инфинитивом. Ср.: *Желал ты славы – и добился, Хотел влюбиться – и влюбился* (Пушкин, Сцена из Фауста) [Там же: 410]. Или же «Испытывать потребность в обществе кого-нибудь, нуждаться в ком-нибудь. Хотеть кого-нибудь». Ср.: – *Я еще вчера сказала вам.., что не могу быть вашей женою. Вы видите: меня не хотят у вас* (Достоевский, Село Степанчиково). Далее говорится, что можно «Испытывать к кому-нибудь любовное влечение», а также иметь желание обладать чем-либо. Ср.: «*Отвечай мне, чего тебе надобно, Моя милая, драгоценная! Хочешь золота али жемчугу?*» (Лермонтов, Песня про... купца Калашникова) [Там же].

Затем видим, что желание может быть направлено на достижение чего-либо, а также быть стремлением к чему-либо. Ср.: *Он сперва хотел победы, Там уж смерти лишь алкал* (Пушкин, За Испанию родную). Желание, обозначаемое глаголом *хотеть*, может быть направлено на деятельность: «Иметь желание сделать что-нибудь, принять участие в чем-нибудь». Ср.: – *Хочу в Бразилию, в Индию, хочу туда, где... царствует вечное лето* (Гончаров, Фрегат «Паллада») [Там же: 411]. Далее обозначается возможность желания определенных обстоятельств: «Иметь желание, чтобы что-нибудь произошло определенным образом», что снабжается комментарием: «С придат. предложением (с союзом чтобы)». Ср.: *Он очень хотел бы, чтобы его дама сейчас же встала и ушла, но она не поднималась* (Лесков, Зимний день) [Там же: 412]. Желание может быть направлено и на оценку стоимости при продаже чего-либо. Ср.: *Хочет три рубля за книгу*. И затем указывается на желание не какого-либо лица, а на ситуацию, когда что-то «вот-вот должно осуществиться» Ср.: *Погода становится хуже: Казалось, снег идти хотел* (Пушкин, Граф Нулин) [Там же: 412].

Кроме того, в БАС-1 описываются разнообразные способы выражения желания с помощью конструкций, встречающихся в речи с той или иной степенью регулярности. При этом можно сказать, что это также является указанием на направленность желания: «Хотеть чего-нибудь». В частности, рассматриваются случаи, когда, хотят чем-то угоститься или, например, выпить чаю (когда есть потребность, охота). Ср.: – *Хочешь варенья? Шурочка, достань ему банку с клубничкой* (Тургенев, Дворянское гнездо) [Там же: 409]. Аналогичная конструкция может употребляться при обозначении «тяги к познанию» и т.п. Ср.: ...*А хочешь Тацита – хоти и Пинегу...* (Салтыков-Щедрин, За рубежом) [Там же: 410].

В словаре указывается и на понятие души как на носителя желаний, при этом ссылка идет на желание некоторого лица, которое выступает в качестве аналога души: «Чего душа хочет», т.е. «Все, что хочется, все, что пожелает кто-нибудь». Ср.: ...*Он так же, столько же ел и пил, сколько и чего хотела душа.* (С. Аксаков, Семейная хроника) [Там же].

Рассматриваются также особенности употребления конструкции «Хотеть от кого-нибудь чего-нибудь». Ср.: – *Я никак не могу понять, чего же ты от меня хочешь?* (Вересаев, На высоте) [Там же: 411].

Отдельно отмечается конструкция, когда говорящий намеревается осуществить речевое действие: «Хотеть сказать», а точнее – «Подразумевать, иметь в виду, говоря о чем-нибудь». Ср.: – *Князь, не лучше ли говорить о деле, – прервал я его. – То есть о нашем деле, хотите вы сказать. Я вас понимаю с полуслова* (Достоевский, Униженные и оскорбленные) [Там же].

Отмечаются еще некоторые конструкции, для которых характерно употребление *хотеть* в личной форме для осуществления различных прагматических функций. Например, «как форма приглашения» для конструкции 'хочешь (хотите), не хочешь (не хотите) ли'. Ср.: – *Послушайте, говорит, хотите со мною в театр поехать?* (Достоевский, Белые ночи) [Там же] и т.д. Или же случаи, когда *хотеть* «входит в состав словосочетаний с местоимениями или наречиями (кто хочешь, хочет, какой хочешь, хочет, как хочешь, хочет и т.д.)». Далее указывается, что конструкции такого рода вносят «определяющее значение: любой, всякий (предмет, место, время, качество, способ и т.п.)». Ср.: *Дайте им какое хотите щекотливое сватовство, какую хотите торжественную свадьбу или именины – справят по всем правилам* (Гончаров, Обломов). [Там же: 412].

Хотеть в личной форме, чаще всего, 2-го лица ед. или мн. ч. может употребляться «в бессоюзных предложениях, выражающих уступительность». Ср.: *Направо китайский берег, налево станица Покровская с амурскими казаками; хочешь – сиди в России, хочешь – поезжай в Китай, запрету нет* (Чехов, из писем) [Там же: 412–413]. Уступка, согласно источнику, может быть выражена и с помощью устойчивого выражения (**Если**) *хотите, хочешь*, употребляемой как «вводное слово». Ср.: – *Иной и лжет-то, если хотите, из одной только дружбы* (Достоевский, Идиот) [Там же: 410].

Отдельно выделяется также употребление глагола *хотеть* «после вопросительных местоимений и наречий», когда образуются сочетания типа «что, как, куда, какой и т.п. хочу, хочешь, (простореч.) хошь, хотите и т.д.» [Там же: 413].

В БАС-1 зафиксированы устойчивые выражения, употребляющиеся с глаголом *хотеть* в своем составе. Уже было упомянуто такое словосочетание, когда речь шла о конструкциях, употребляемых в значении уступки. Отмечается также и устойчивое выражение **Как (что) хотите, хочешь**, используемое «при возражении на что-нибудь». Ср.: [*Лука Лукич:*] *Да, он горяч! Говорит: «Как хотите, для науки я жизни не пощажу!»* (Гоголь, Ревизор). Далее встречаем выражение **Гуляй – не хочу; ешь (пей) – не хочу**, что объясняется как «вдоволь, сколько угодно, сколько захочется». Ср.: [*Анна Ивановна:*] *Гордей Карпыч уехал, а Пелагея Егоровна отдохнуть легла, так теперь наша воля... Гуляй – не хочу!* (А. Островский, Бедность не порок) [Там же: 410].

Затем указывается выражение **хочешь не хочешь**, а также его просторечный вариант **хошь не хошь**. Т.е. «независимо от желания». Ср.: ...– *Хошь не хошь, а пришло нам время самим шевелить мозгами* (М. Горький, Лето).

Плевать я (ты, он и т.д.) хотел на кого-нибудь. Выражение является грубо просторечным и употребляется для обозначения «полного безразличия, пренебрежения к кому-, чему-нибудь». Ср.: – *Плевать я хотел на эти гнилые леса. Я теперь не охотник.* (Паустовский, Колхида).

Следующий источник, к которому целесообразно обратиться это – «Словарь русского языка» в 4-х томах или МАС. Отметим моменты, отличающие толкование от БАС-1. Исходным способом объяснения значения является предикат не в виде 'иметь желание', а в форме 'испытывать желание'. Т.е. рассматриваемое состояние интерпретируется как чувство, состояние. А в плане семантического наполнения видим также, что *хотеть* это еще и «ощущать необходимость» как семантическая составляющая потребности [МАС1981–1984, т. 4: 622]. Кроме того, говорится, что *хотеть* употребляется для «обозначения возможности осуществления какого-либо действия» [Там же], где подразумевается обозначенное в БАС-1 как «вот-вот должно осуществиться» (см. выше). То есть, согласно этому источнику получается, что *хотеть* соотносится еще и с такими модальными смыслами как 'возможность' и 'необходимость', которые еще могут пересечься и с долженствованием. Моменты, касающиеся регулярно встречающихся конструкций аналогичны тем, что встретились в БАС-1.

Далее хотелось бы обратиться к толкованию значения рассматриваемого слова в некоторых словарях предшествующих эпох, например, таких, как «Толковый словарь русского языка» в 4-х тт. под редакцией Д. Н. Ушакова (далее – СУ) и «Толковый словарь живого великорусского языка» В. И. Даля.

СУ трактует *хотеть* как «иметь желание, охоту, ощущать потребность», а также «испытывать любовное, половое влечение; иметь намерение (делать что-либо)» и «стремиться к чему-либо, добиваться осуществления..» [СУ, т. 4: 1180–1181]. Там же отмечается, что *хотеть* имеет значение «искать, предполагать найти что-нибудь в ком-чем-нибудь» для пояснения этого толкования приводятся примеры: *Хотел от него невыполнимого. Хотел от него правды* [Там же]. Далее встречаем характеристику указанных выше конструкций и выражений.

В словаре В. И. Даля *хотеть* объясняется как «желать, волишь, иметь охоту, охотиться, стремиться, побуждаться к чему, намереваться, собираться» [Даль 1998, т. IV: 562–563]. Собственно, объяснение значения этого глагола на этом и заканчивается, так как затем следует перечень примеров, которые демонстрируют возможную реализацию значения рассматриваемой лексемы. Отсюда проецируется сопоставление желания и возможности, желания и воли, желания и необходимости, желания и невозможности осуществления желаемого. Кроме того, можно увидеть разнообразие состояний и деятельности, которая соотносится с желанием. В частности, физиологическая потребность (в пище) (*Хотел бы съесть, а и взглянуть не дают*), социативное стремление (*Не хочу учиться, а хочу жениться*), речевая деятельность, стремление к восприятию (*Кто говорит, что хочет, услышит, чего и не хочет*), а также необходимость (*Хошь не хошь – а выпить надо*) [Там же].

Значения модального глагола ХОТЕТЬ интерпретируются также в **идеографических** и **семантических** словарях.

Глаголы со значением желания включаются авторами словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» [ЛСГ 1988] в поле «состояние» и входят в подполе «функциональное состояние». Туда, кроме всего прочего, входят такие глаголы, как *хотеть, желать, жаждать, намереваться* [ЛСГ 1988: 82–83].

В «Русском семантическом словаре» [Русский семантический словарь 1983] слова *желание, хотеть, жадность, желать, охота, пожелание, желать, жадный, стремление, пожелать, мечта* включаются в группу, объединенную понятием 'воля'. В составляющие этого понятия включаются еще и такие явления, как *власть, дух, воля, душа, нравиться, план, свобода, сознание, способность, упрямый* и др. [Русский семантический словарь 1983: 59–60].

Понятия в «Русском семантическом словаре» раскладываются с помощью «семантических множителей» (СМ). СМ *хотеть*: стремление, желание [Русский семантический словарь 1983: 59–60]²¹.

Сходные черты со словарем предыдущего типа есть у словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов». В предисловии к словарю отмечается: «Учет всех возможных связей глаголов на уровне всех лексико-семантических вариантов сильно бы усложнило задачу...: ведь именно на уровне вторичных значений происходит семантическое пересечение разных ЛСГ (*лексико-семантических групп – И. А.*), и в этих условиях однозначное распределение глаголов по семантическим группам было бы в принципе невозможно» [ЛСГ 1988: 6]. Хотя думается, что у слова не бывает так называемых «вторичных значений», ведь весь круг или спектр возможных смыслов, передаваемых при помощи того или иного слова, есть выработанное национально-языковым опытом явление. Так называемая «вторичность» является словарной условностью, которая, правда, отражает имеющиеся в языке моменты семантического развития слова, чаще всего по пути метафоризации.

Лексема *хотеть* включается в поле «состояние» и входит в подполе «функциональное состояние» наряду с такими лексемами как *жаждать, желать*, а также *мочь* и др. [Там же: 82–83].

Если обратиться к современным словарям синонимов, то получится следующая картина.

В словаре синонимов З. Е. Александровой лексема *хотеть* имеет отсылку к лексеме *желать*: «*хотеть* см. *желать*» [Александрова 2001: 543], а слово *желать* входит в следующий синонимический ряд: *желать – хотеть – жаждать – мечтать*. Ряд дополняется словосочетаниями: *гореть желанием, иметь охоту, спать и (во сне) видеть*, а также лексемами *вожделеть, алкать, охотиться*.

«Новый объяснительный словарь синонимов русского языка» Ю. Д. Апресяна (НОСС) дает ряд: *хотеть – желать – мечтать – жаждать*, в котором рассматриваемая нами лексема является так называемой доминантой ряда. Выполняя свою задачу, то есть объясняя разницу в употреблении членов указанного синонимического ряда, автор сопоставляет значения лексем (см. подробнее [НОСС 1999: 456–463]). *Хотеть* характеризуется как норма «в сфере желаний»; «типичное желание – от средней до высокой степени интенсивности...»; «указывает на действенность воли субъекта» и часто «...предполагает <...> готовность субъекта прилагать усилия для его (*желания – И. А.*) реализации» [Там же: 457]. Кроме того, говорится, что «готовность действовать <...> мотивируется тем, что субъект ощущает нужность предмета желаний...». В глаголе *хотеть* «значение собственно желания тесно переплетено со значением намерения».

²¹ Семантический словарь 2003 г. (под ред. Н. Ю. Шведовой), составленный по принципу крупных именных таксонов (конкретные, абстрактные существительные и т.п.), на страницах данной работы подробно не анализируется, поскольку его данные мало что прибавляют к избранной стратегии работы.

Затем отмечается, что «содержанием намерения обычно является действие, а не состояние», хотя *хотеть* «в контексте стативных глаголов» «выражает чистое желание» (Ср.: *хотеть верить*) [Там же: 457]. Значение намерения, выражаемое глаголом *хотеть*, «требует совпадения субъекта состояния и субъекта действия». И еще, для намерения «характерно указание временных рамок данного состояния».

Выражение намерения обусловлено особенностями сочетаемости рассматриваемой лексемы. В частности, в случае сочетания *хотеть* «с глаголами физического действия в форме СОВ (совершенного вида глагола – И. А.)» (этот случай иллюстрируется употреблением предикатов *хочу заехать, хотела убить*); «в контексте частиц *уже* и *было*, обозначающих отказ от почти предпринятого действия» (*Он хотел, было, выключить рацию, но передумал*); «в контексте временных слов и выражений типа *теперь, как раз, только что, перед этим, после этого, потом* и в тех синтаксических конструкциях, которые выражают идею последовательности событий...» Ср.: *Кое-какие материалы я уже собрал и теперь хочу поехать в Москву* [Там же: 458].

Для синонимического ряда с исходным словом *хотеть* даются также и примыкающие по смыслу фразеологические синонимы: *иметь охоту, лелеять мечту, гореть желанием; томиться желанием; спать и видеть; Дорого бы дал за что-л., Отдал бы правую руку за что-л.; Чего изволите* [≈ 'Чего бы вы хотели? '] [Там же: 463].

Кроме того, указываются и лексические единицы, близкие по значению, например, такие: *надеяться, бредить (морем), ждать, любить (бродить по лесу), увлекаться (рыбной ловлей), пристраститься, приохотиться, изголодаться, склоняться (к союзу с либералами), стремиться, рваться, намереваться, собираться, вздумать, искать, просить* и еще некоторые др.

Далее рассматриваются и возможные дериваты, такие, как *желание, охота, жажда (приключений); погоня (за удовольствиями), позыв, импульс; желающий, предмет желаний, предел желаний, предел мечтаний; желательный, желанный, долгожданный, возжеленный; угодно, охотно, по-моему <по-твоему, по-вашему и т.п.>; только бы, лишь бы (успеть, уехать), хорошо бы (поесть, выпить); пожелать* [≈ 'выразить желание'].

Историко-этимологическая картина

Далее хотелось бы обратиться к данным исторических словарей и посмотреть, каким образом толкуется лексема *хотеть* в исторической перспективе русского литературного языка.

В старославянском языке *хотѣти* то же, что '*хотеть*', '*желать*'. Это слово могло иметь и следующие значения: «1. Пытаться, намереваться, собираться», «относиться доброжелательно, быть расположенным (к кому-л.), желать добра (кому-л.)», (в значении наречия) по собственной воле, добровольно, сознательно»; «2. (С инфинитивом в значении модального вспомогательного глагола) быть должным, надлежать», «(в функции вспомогательного глагола при образовании будущего времени)» далее поясняется, что «греческое будущее время на русский переводится будущим временем полнозначного глагола». «3. (С инфинитивом или без дополнения в значении модального глагола) мочь», «при обозначении действия, которое началось, но не совершилось до конца»; «4. (С инфинитивом в значении модального глагола) нужно» [Старославянский 1999: 764].

Иными словами, значение «расшифровывается» посредством соотнесения с понятиями: 'намерение', 'попытка', кроме того, как явление соответствующее положительному отношению или добру, а также как проявление воли человека. Наряду с этим рассматриваемый глагол в грамматикализованном виде мог служить для выражения модальных значений долженствования, возможности и необходимости.

Согласно словарю И. И. Срезневского (далее – Словарь Срезневского), глагол *хотѣти* в древнерусском языке служил для передачи значения 'желать, хотеть'. Кроме того, в древнерусском языке значение *хотѣти* обозначало 'требовать' («хотѣтъ тебе опять» (из Новгородской летописи 6645 г.), 'добиваться' [...ѡна начьнетъ хотѣти всѡко и сѣдѣти, то творити ѡи всѡкоу волю, дѣтем не дати воле» («Русская Правда» Владимира Мономаха)], «быть близким чему-либо» (се оуже хочемъ померети ѡт глада, а ѡт кнѡздѡ помочи нѣту (Повесть временных лет, 6505 г.), а также глагол мог употребляться в значении 'иметь возможность', что уже видно и по предыдущему примеру.

В добавление к этому, *хотѣти* мог быть еще вспомогательным глаголом для обозначения грамматического будущего времени. Ср.: Егда хочещи судити, не ѡсуди мене въ ѡгнь (Поучение Владимира Мономаха) (см. подробнее [Срезневский 1989, т. 3: 1390–1392]). Что касается грамматической формы в древнерусском языке, то глагол *хотѣти* употреблялся и «как вспомогательный глагол при образовании повелительного наклонения» (см. [Там же: 1392]).

В словаре М. Фасмера выдвигается предположение, что по своему происхождению *хотеть* восходит к праславянскому *хѣтѣти. Слово сопоставляется с армянским *hant* 'неукротимое желание', *hınd* 'радость', а также с греческим *χαις* 'потребность'; отмечается и родство с литовскими словами со значением 'замышлять' [Фасмер 1986, т. 4: 270–271].

В «Историко-этимологическом словаре» П. Я. Черных высказывается на возможность, что старшее значение этого слова было «требовать, домогаться». Далее отмечается, что ряд этимологов указывает на происхождение *хотети* от общеславянских слов *chvatati, *chvatiti и, далее, – *chititi [Черных 2002, т. 2: 353]. В статье о глаголе *хватать* указывается, что «старшее значение общеславянского *chvatati могло быть «присваивать», «делать своим чужое» [Черных 2002, т. 2: 336].

С точки зрения истории языка значение *хотеть* могло иметь соотношение с рядом модальных смыслов; для него характерно в ряде случаев обозначение волевого акта (например, 'требовать', 'добиваться') и, что самое примечательное, в связи с тем, что подобное явление отсутствует в современном языке, – это грамматикализованное употребление данной лексемы, в частности, для выражения будущего времени.

Согласно этимологическим словарям, *хотеть* соотносится с глаголами, восходящими к общеславянскому источнику, и обозначающими физическое действие по присвоению или же по захвату чего-либо. В современном русском языке это слова *хватать* и *похитить*, *схватить* и т.п., которые также соотносятся с действенным волевым началом.

ЖЕЛАТЬ

Поскольку сам глагол *хотеть* служит для трактовки значений еще ряда понятий, то обратимся, прежде всего, к наиболее близким к нему лексемам. А семантически наиболее близким является глагол *желать*, с помощью которого часто и объясняют значение *хотеть*.

Такую трактовку рассматриваемой лексемы дает Корди: «Глагол *желать* в современном языке стилистически маркирован, употребляется или в «высоком стиле», или при повышенной эмоциональности речи, или, наконец, в особых сферах общения, например, в речи обслуживающего персонала при обращении к клиентам» [Корди 1990: 183]. Но это еще не все, что можно сказать о данном глаголе.

В БАС-1 значение глагола *желать* характеризуется как «стремиться к чему-либо» и добавляется, что это то же, что *хотеть* [БАС-1, т. 4: 54–55]. Далее указывается, что в устаревшем значении *желать* – «испытывать любовное влечение, страсть». Рассматриваемая лексема служит для выражения пожелания. Ср.: – *Что, вы играть собираетесь, кажется?* – *сказал граф. – Ну, желаю тебе выиграть, Ильин!* (Л. Толстой, Два гусара) [Там же: 55].

Кроме того, в БАС-1 можно увидеть указание на некоторые дериваты от исходного глагола. Это такие как *желающий*, *желаемое*, которые характеризуются как «причастие в значении существительного» [Там же].

Сходная характеристика значения *желать* обнаруживается и в МАС, но с той разницей, что *желать* – это не просто *стремление*, а «стремление к осуществлению, обладанию чем-либо». 2-ое значение – «высказывать, выражать кому, чему-либо какие-либо пожелания», а в качестве 3-го значения обозначается то же, что в БАС-1 – «любовное влечение». Но, что любопытно, уже без пометы «устар.». Кроме того, в статью включается фразеологическая единица *оставляет желать лучшего* [МАС 1981–1984, т. 1: 475].

В СУ *желать* трактуется сходно с МАС, но отличие есть в толковании, которое отсутствует как в МАС, так и в БАС-1: выделяется значение «хотеть найти, искать, требовать» [СУ, т. 1: 852]. Что же касается устойчивых словосочетаний, то, кроме уже указанной, обозначается еще такая ФЕ: **Какого** (*какой, каких*) *можно желать* [Там же].

В словаре Даля *желать* объясняется как «жадать, хотеть, стремиться к чему или призывать что; волишь, вожделеть» [Даль 1998: т. I, 529–530]. Интересно, что трактовка значения первоначально привязывается к *жадать*, т.е. тому, что в современном языке выглядит как 'жаждать', что по Далю также имеет значение «хотеть пить», хотя далее видим, что *жадать* или *жаждать* может служить и для передачи значения сильного, нетерпеливого желания [Там же: 524].

С помощью примеров можно установить возможные контексты употребления лексемы *желать*. Получается, что *желать* может выступать в функции пожелания (*желать добра*), *желать* чего-либо можно в сильной степени (*сильно/жарко желать*), *желать* можно чего-либо в большом количестве (*много желать*), а также *желать* может *душа*.

В «Словаре синонимов» З. Е. Александровой исходным словом, характеризующим состояние желания субъекта, является *желать*, а не *хотеть* (последнее имеет немедленную отсылку к *желать*). А *желать* имеет синонимы, указанные нами выше в связи с характеристикой глагола *хотеть* [Александрова 2001: 120].

В «Большом синонимическом словаре русского языка» А. Ю. Кожевникова в отношении лексемы *хотеть* указывается, что это один из синонимов *желать*. Последнее же имеет следующий ряд: *алкать* (устар.), *вожделеть* (книжн.), *жаждать*, *мечтать*, *хотеть*, *охотиться* (устар.), *гореть желанием*, *иметь охоту* (разг.), *спать и (во сне) видеть* (разг.), *глаза и зубы загорелись* (разг., шутл.), *дорого бы дал (заплатил)* [Кожевников 2003, т. 1: 213–214].

В НОСС под редакцией Ю. Д. Апресяна указывается: «Глагол *желать* в языке XIX века был стилистически нейтрален и семантически очень близок к *хотеть*» [НОСС 1999: 458]. Далее говорится о том, что *желать* употребляется в современном языке в двух типах значения. Это, в частности, случаи функционирования *желать* в отрицательных предложениях, где происходит стилистическая, семантическая и прагматическая нейтрализация. Ср.: *Меня в сумасшедшие вырядили, никто не желает меня слушать* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита). А также, когда имеет место «неличная форма». Ср.: *Сознательно желать уснуть – верная бессонница* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Затем отмечается такая особенность рассматриваемой лексики: *желать* имеет производные слова такие как «имя состояния», такое как существительное *желание* и прилагательное *желательный*. Далее отмечается: «*желать* и *хотеть* тяготеют к слиянию в один глагол с супплетивной грамматической и словообразовательной парадигмами, в которых все члены стилистически нейтральны» [Там же: 458].

Когда речь идет о личных формах, то *желать* имеет стилистическую и прагматическую маркированность. В частности, *желать* «предпочитается в нарративном жанре», может иметь официальный оттенок, а в ряде случаев и «оттенок просторечности». В качестве иллюстрации приводятся примеры такого рода. Ср.: – *А! Вы при школе живете? – При школе. – Провожу, желаете?* (Ю. Казаков, Некрасивая); – *Господа новобранцы! Я желаю поздравить вас еще во многих других моментах и отношениях* (Б. Пастернак, Доктор Живаго).

Одно из главных отличий *желать* от *хотеть* Апресян видит в том, что *желать* обозначает «чистое желание, без намека на действительную волю». Ср.: *У каждого, у каждого в душе было то, что заставляет человека жить и желать сладкого обмана жизни!* (И. Бунин, Братья).

Кроме того, *желать* «может указывать на неравенство социального статуса субъекта желания по сравнению со статусом его партнера». Ср.: *Что ты хочешь надеть – халат или пижаму?* или же – *Что желаете надеть – халатик или пижаму?* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [Там же].

Выше была отмечена интерпретация значения глаголов, обозначающих желание, с позиций «Русского семантического словаря» (1983) и словаря-справочника «Лексико-семантические группы русских глаголов» (1988). Прокомментируем описание, встречающееся в первом из указанных источников, поскольку в отношении данных второго источника был дан достаточный комментарий. Ср.: СМ *желать*: стремление, пожелание, желание. Если сопоставить это с «раскладкой» лексики *хотеть*, то получается, что *желать* отличается от *хотеть* способностью выступать в функции пожелания [Русский семантический словарь 1983: 59–60].

«Старославянский словарь» от слова *желѣти* сразу дает отсылку к *желати*, что объясняется как «желать, хотеть». Ср.: *і желѣя насытити сѣ • отъ кроупиць падаюштихъ • отъ трепезы богатааго* [Старославянский 1999: 215–216].

В «Словаре древнерусского языка» Срезневского встречаем *желати*, *желаю*, что объясняется как «желать, стремиться» с приведением латинского *desiderare*. Ср.: *Желааше насытити чрѣво своѣ* [Срезневский 1989, т. 1, ч. 2: 848–849]. Эта же лексема может обозначать *жалѣть*, *горевать*. Ср.: *Оутѣшити всѣ желающаѣ* [Там же: 849]. И далее видим, что «желати на что» означает «стремиться, иметь склонность». Ср.: *Аще бо бѣ и преже на сквернѣную похоть желата, но послѣ же прилежа к покаянью* [Там же].

«Словарь русского языка XI – XVII вв.» (СлРЯ XI–XVII) дает *желати* и приводит два его значения: «1. Хотеть, желать, испытывать потребность; 2. Жалеть о чем-либо, скорбеть» [СлРЯ XI – XVII, вып. 5: 81–81].

В словаре русского языка XVIII столетия глагол *желать* – «1. Иметь желание к чему-либо, хотеть; 2. Выражать, высказывать какое-либо пожелание» [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 103].

Толкования, даваемые историческими словарями, основываются на письменных и литературных источниках указанных эпох, хотя в словаре XVIII столетия есть указание на просторечные его формы, такие как *жалати* и *желати* [Там же].

В исторических словарях указывается на возможное происхождение слова *желать* от церковнославянского **вождѣлѣннѣ**, поскольку старославянский глагол **вождѣлѣти** означал «сильно желать», притом предполагается происхождение этого слова от индоевропейского корня *ghele- [Преображенский т. 1, 1959: 225]. Ср.: современное толкование: *вождедѣть* – «испытывать страстное желание, сильное чувственное влечение».

В словаре М. Фасмера находим, что старославянские слова *желати*, *желѣти* имеют родство с греческим словом со значением 'желать'. Указывается также, что форма на -ѣти древнее, чем на -ати. Фасмер рассматривает также версию родства рассматриваемой лексемы со словом *желудок*, но считает при этом такую трактовку «едва ли приемлемой».

Автор источника настаивает на отделении исходной лексемы от *жалъ* и *жалеть*. «Ср. *галить* 'желать'. Кроме того, он указывает на соотношение с литовским *gėlti* и латышским *dzelt*, что означает 'колоть' [Фасмер 1986, т. 2: 40–41].

Наряду с глаголами *хотеть* и *желать* в русском языке для обозначения желания употребляется и глагол *хотеться*, по своему значению очень близкий *хотеть*.

Практически в каждом из лексикографических источников *хотеться* квалифицируется как безличный глагол, поскольку он выступает к качестве главного члена безличного предложения. Само же понятие «безличность» оспаривается в современной лингвистической литературе, поскольку, по мнению ученых, «большая часть «безличных» предложений сообщает о признаке лица, человека; признак этот, психологический или физиологический, вне человека не существует, не осуществляется, и структурно-семантическое назначение этих предложений заключается в предикативном приписывании называемого признака лицу – его носителю» [Золотова и др. 2004: 122]. Кроме того, отмечается и такое свойство, которое может быть присуще предложениям «безличного» типа: «Независимость предикативного признака от воли субъекта – его носителя, произвольность, инволюнтность» [Там же: 124]. Отдельное внимание уделяется в этом контексте собственно модальным глаголам в «безличной» или «инволюнтной форме». Речь идет о глаголе (*не*) *хочется* и в связи с этим дается следующий комментарий: «В модальном глаголе оттеняется произвольность желания, независимость от воли» [Там же: 125]. Таким образом, глагол *хотеться* получает характеристику – «инволюнтный глагол».

Можно встретить интерпретацию значения рассматриваемых нами глаголов посредством сравнения: «Глаголы *хотеть* и *хотеться* различаются тем, что первый содержит в своей семантической структуре компоненты воли и целенаправленности, тогда как второй не связан с волевым началом и выражает желание, явившееся результатом внутреннего состояния субъекта» [Корди 1990: 183].

ХОТЕТЬСЯ

В БАС-1 *хотеться* трактуется сходным с *хотеть* образом. Ср.: «Ощущаться как потребность, желание, стремление». Если продолжить тактику сопоставления, то *хотеть* в этом источнике характеризуется как глагол, который передает значение состояния. В случае с глаголом *хотеться* упор делается на чувстве, сопровождающем состояние. Ср.: – *Черт, пить хочется!* – сказал *Касавицкий* и, *перегнувшись*, *зачерпнул* *двумя руками морской воды* и *хлебнул глоток* (Гарин, Детство Темы). Ср. еще:

Хотелось чего-то другого, чего – все равно, но только чтоб подняться над этой жизнью (Вересаев, Два конца) [БАС-1, т. 17: 413–414].

Рассматриваются и некоторые сочетаемостные особенности, в частности, случаи употребления предиката «Страх, ужас и т.п. (как) хочется». Ср.: – *Огоньку одолжите, трубочки смерть хочется; с самого утра не курил* (Слепцов, Владимирка и Клязьма) [Там же: 413]. Внимание уделяется также присоединению к *хотеться* именных частей речи, выступающих в функции грамматического объекта: «Хочется кому-нибудь чего-нибудь». Ср.: *Ей хотелось выздороветь, хотелось жить, хотелось в Испанию* (Герцен, Былое и думы) [Там же].

В качестве устойчивого словосочетания указывается ***и хочется и колется***.

МАС обращает внимание на совпадение *хотеться* с 1-ым и 2-ым значениями глагола *хотеть*, то есть обозначает «желание, потребность, намерение». Ср.: – *Иногда мне хочется плакать, а я смеюсь* (Тургенев, Ася) [МАС 1981–1984, т. 4: 622].

СУ также отмечает одинаковые значения глаголов *хотеть* и *хотеться*: первые четыре значения глагола *хотеть* синонимичны таковым глагола *хотеться*. Первые два толкования имеют много общего с толкованием данной леммы в МАС, разница лишь в том, что есть толкование «испытывать любовное, половое влечение». *Хотеться* по СУ, это еще и «стремиться, добиваться осуществления, получения, приобретения» и, кроме того, «искать, предполагать найти» [СУ, т. 4: 1181].

В словаре В. И. Даля *хотеться* (также с пометой «безличн.») дается как слово, полностью синонимичное *хотеть*. Значение раскрывается, как и в случае с *хотеть*, при помощи примеров, которые показывают, что реальные возможности и желания могут не совпадать: *И хочется, да не можется (да кусается)*; *хотеться* может быть в одном контексте с просьбой: *Чего хочется, того и просится*; иметь отсылку к чужой, в частности, божьей воле: *Не так живи, как хочется, а так живи, как Бог велит*. Отсюда вытекает соотношение и с необходимостью. На примерах данного источника можно пронаблюдать и ссылку на возможную временную протяженность состояния желания. Ср.: *Мне хочется!* «*Подожди, авось расхочется*». Кроме того, приводятся примеры, в которых желание и количество не совпадают: *Много сможется, вдвое хочется*, или *И многого хочется, да не все сможется*. Выделяется и значение свободы выбора: *Мне хочется в город съездить* (см. [Даль, т. 4: 563]).

В словаре синонимов З. Е. Александровой в качестве исходной дается форма *хочется* и синонимы к ней: *не терпится, охота, нейметя, подмывает, позывает, тянет; руки чешутся* [Александрова 2001: 543].

В словаре синонимов А. Ю. Кожевникова в качестве исходной формы дается глагол *хочется*. Там встречаются те же синонимы, что и у З. Е. Александровой, но в добавление к ним можно еще увидеть и следующие: *свербит, чешется* [Кожевников 2003, т. 2: 416].

В НОСС, как и в указанных выше других словарях синонимов, дается ряд *хотеться*, *тянуть*, *подмывать*, *не терпеться*. Собственно *хотеться* объясняется как «результат действия какой-то силы, присутствие которой человек ощущает в себе» [НОСС 2000: 389]. Отмечается и причастность ряда с доминантой *хотеться* к рядам: 1) *хотеть*, *желать*, *жаждать*, *мечтать*; 2) *влечь*, *манить*, *привлекать*, *притягивать*; 3) *интересовать*, *занимать*, *увлекать*; 4) *соблазнять*, *прельщать*, *искушать*.

Итак, глагол *хотеться* и первые две группы синонимов имеют «источник желания», находящийся внутри человека; однако ряды, обозначенные цифрами 3) и 4), предполагают наличие внешнего возбудителя желания.

При сопоставлении *хотеться* и *хотеть* отмечается, что это «важный для всего строя русского языка признак пребывания в некоем трудно определимом состоянии, когда в душе и теле человека, помимо его воли, возникают какие-то склонности, способности и т.п.» [Там же: 390]. В связи с этим сравнивается употребление предикатов *хотеть* и *хотеться* в предложениях *Он хотел учиться живописи* и *Ему хотелось учиться живописи*. Отмечается, что в первом случае подразумевается «реалистичное» желание, указывающее «на наличие воли воплотить его». Во втором же случае предикат передает «ощущение наличия желания, неизвестно под влиянием чего появившегося». В связи с этим «желание может рассматриваться как не вполне реалистичное и не поддержанное волей воплотить его» [Там же].

Далее говорится, что *хотеться* и *тянуть* «обозначают желание средней силы, которое может быть сиюминутным (ср.: *Мне хотелось выйти на свежий воздух*), но чаще существует в течение длительного времени».

Отмечается, что в ряде случаев при употреблении глагола *хотеться* могут затрагиваться «какие-то важные струны в душе человека – в его чувствах, устремлениях, привычках». Ср.: *В глубине души ему хотелось, чтоб она пострадала за нарушение его спокойствия и чести* (Л. Толстой, Анна Каренина) [Там же].

Затем *хотеться* объясняется как желание различного свойства: от желания удовлетворить простейшие физиологические потребности до жажды познания мира (ср.: *Ей хотелось есть* <*пить, спать*>, *Во всем мне хочется дойти до самой сути* (Пастернак)). Когда субъект употребляет слово *хотеться*, он «рассчитывает на то, что желательное положение вещей возникнет само собой, без его вмешательства, либо желает чего-то принципиально не зависящего от его воли» [Там же: 390–391].

Обращается внимание и на сочетаемостные особенности *хотеться* и других синонимичных лексем. Вначале указывается, что наряду с другими синонимами, у *хотеться* «есть валентности субъекта состояния и содержания желания» [Там же: 392]. Субъект желания, в свою очередь, «выражается именными группами в форме ДАТ (*дательного надежда – И. А.*)». «Содержание желания... выражается формой ИНФ (*инфинитива – И. А.*)». Ср.: *Ему хотелось отдохнуть* [Там же].

Отмечается также возможность обозначать с помощью предложно-именных групп, присоединяемых к *хотеться*, «конечную точку перемещения», и тогда «словосочетание... приобретает значение 'хотеть попасть куда-либо'» [Там же]. Ср.: *Мне хочется в деревню* <*в город, к морю, на Волгу*>. Ср. еще: *А хотелось-то мне в дорогу, / Налегке, при попутном ветре* (А. Галич, Черновик эпитафии).

Еще можно встретить такую характеристику: «**Хотеться**, в отличие от прочих синонимов ряда, управляет дополнением, выраженным существительным в форме ВИН, РОД или ПАРТ...» (*винительного надежда, родительного надежда или партитива*). И далее: «словосочетание в целом значит 'хотеть использовать объект'»

(чаще всего, съесть или выпить)». Ср.: *Ей хотелось конфетку <сладкого, пива, чаю с вареньем>*. Затем отмечается, что если к *хотеться* присоединяется «непредметное существительное, то возможна только форма РОД, а словосочетание в целом значит 'хотеть приобрести объект'». Ср.: *Мне хочется мира в семье* [Там же].

Отмечается и возможность обозначения «субъекта состояния» при сочетании *хотеться* со словами *сердце* и *душа*. Ср.: *И столько мягкости таило их движенье, / Что сердцу музыки хотелось для него... / Но снег лежал в горах, и было там мертво* (И. Анненский, Осень) [Там же: 393].

Кроме того, указывается на «широкую сочетаемость» *хотеться* с глаголами, обозначающими физическое, ментальное, эмоциональное и речевое и т.д. действие. Ср.: *Хочется погулять, Хочется все понять, Хочется его обидеть, Хочется спросить, где он был раньше. Хочется побыть одной, Хочется верить* и т.д. [Там же].

Помимо вышеперечисленного, выделяется свободная сочетаемость *хотеться* «с большим кругом интенсификаторов – наречиями и наречными оборотами типа *очень, страстно, мучительно, неудержимо, всем существом, так, как* и т.п.». Ср.: *Очень хотелось есть; Дико хотелось выпить, а в кармане у меня был рубль* (В. Аксенов, Апельсины из Марокко).

Еще отмечается способность глагола *хотеться* сочетаться с «пропозициональными местоимениями *так, как, иначе*». Ср.: – *Зачем это вам нужно? – Мне так хочется* [Там же]. Кроме того, *хотеться* может сочетаться с наречиями времени для обозначения периодичности возникающего желания. Ср.: *Часто <иногда> хотелось выпить. Теперь ему редко хотелось слушать серьезную музыку* [Там же].

И, наконец, *хотеться* «относительно свободно сочетается с фазовыми глаголами». Ср.: *Через несколько часов ему начинало очень сильно хотеться пить* (М. Булгаков, Мастер и Маргарита) [Там же: 393–394].

Отметим также, что Апресян выделяет следующие фразеологические синонимы: (*у кого-л.*) *руки чешутся (сделать что-л.)*, (*у кого-л.*) *глаза и зубы разгорелись (на что-л.)*, встречающиеся и в других словарях синонимов. К указанному синонимическому ряду относятся также близкие по значению лексемы: *дернуть, вздуматься, заблагорассудиться, приспичить, не сидеться, нейметя, влечь, клонить*. Этот ряд завершают следующие глаголы: *привлекать, манить, тянуть, соблазнять, искушать, прельщать* [Там же: 394].

Получается, что, с одной стороны, словари объясняют значение *хотеться* посредством лексемы *хотеть*, с другой же, если посмотрим на лексический ряд в словарях синонимов, то обнаружим различные наборы слов для *хотеть* и *хотеться*.

Этимологическая картина глагола *хотеться* в общем не отличается от той, которая была дана для нерефлексивной формы, т.е. для *хотеть*. В словаре Срезневского можно увидеть лексему хотѣтисѧ, которая трактуется как 'иметь желание' [Срезневский 1989, т. 3, ч. 2: 1392–1393].

ЖЕЛАТЬСЯ

Как и глагол *хотеть*, глагол *желать* также может иметь рефлексивный вариант: *желаться*, который в современном языке встречается редко.

В БАС-1 *желаться* с пометой «разг.» трактуется через синоним *хотеться*. Примеры употребления представляют собой фрагменты текстов литературы XIX столетия. Ср.: *Невольно, из дружбы к нему, желалось, чтобы он наконец настоящим образом взглянул на себя и понял свое призвание* (Пушкин, Записки о Пушкине). *Во рту горит. Кваску ему желалось* (Некрасов, Горе старого Наума) [БАС-1, т. 4.: 55–56].

В МАС значение без стилистической пометы объясняется так же, посредством лексемы *хотеться*. Ср.: *Желалось мне узнать, о чем он больше всего думает* (Гоголь, Записки сумасшедшего). *Работать он не мог, да и сам не знал, чего ему желалось?* (Тургенев, После смерти) [МАС 1981–1984, т. 1.: 475].

В СУ *желаться* объясняется как «наличность желания у кого-н.» [СУ, т. 1: 852].

У Даля интересующая нас лексема рассматривается при помощи постановки в форму 'мне желается', чему дается толкование – «желательно, я желаю». Как и в предыдущих случаях, в словаре Даля возможные оттенки значения «вычитываются» из приводимых примеров. В частности, указывается на способность лексемы выступать в значении ожидания. Ср.: *Дожделася ли, т.е. дождемся ли*. Другие же случаи употребления сопоставимы с *хотеться*. Ср.: *Не все сбывается, что желается* [Даль 1998, т. I: 529].

В словарях синонимов лексема *желаться* не встречается. Но трактовку значения данного глагола можно встретить в исторических словарях.

В «Словаре русского языка XI–XVII вв.» можно встретить форму *желатися*, что соответствует значению «требуется», т.е. кто-то хочет что-то получить от кого-либо другого [СлРЯ XI – XVII, вып. 5: 81].

Встречаем интересующую нас лексему и в «Словаре русского языка XVIII века». Глагол *желаться*, согласно этому источнику, с одной стороны, мог употребляться как страдательная форма к *желать* [СлРЯ XI–XVII, вып. 7: 103]. С другой стороны, указывается, что *желаться* как безличная форма, употребляемая в сочетании с инфинитивом, и служит для передачи значения «наличие желания» или того, что можно обозначить словом *хочется* [Там же].

Рассмотрим характеристику некоторых существительных, выступающих как средство толкования глагольных лексем дезидеративной семантики. Сначала сопоставим разницу между глагольной лексемой и существительным с тем же значением.

Хотеть – глагол, следовательно, он передают некоторое динамическое состояние субъекта, имеющего целью реализацию стремлений, намерений, то есть здесь присутствует компонент деятельности.

Желание – существительное, следовательно, констатируется факт наличия у субъекта внутреннего состояния устремленности к чему-либо.

В БАС-1 *желание* характеризуется как «Стремление, влечение к осуществлению чего-либо, к обладанию чем-нибудь». Ср.: *Я иногда люблю сойти на минуту в сферу этой необыкновенной уединенной жизни, где ни одно желание не перелетает за частокол, окружающий небольшой дворик* (Гоголь, Старосветские помещики). Кроме того, *желание* это еще «просьба, чья-либо воля». Ср.: *Мать его... упросила Анну Васильевну взять его к себе на руки... Анна Васильевна исполнила ее последнее желание* (Тургенев, Накануне). И еще, *желание*, согласно данному источнику, в устаревшем, поэтическом

значении может обозначать «любовное влечение». Ср.: *Еще я бодр! Еще, тоскуя, Желанье разжигает кровь, Еще я жажду поцелуя, Еще я грежу про любовь!* (Огарев, Старик) [БАС-1, т. 4: 51–54].

В БАС-1 рассматривается возможность сочетания существительного *желание* с инфинитивом. Ср.: *Челкаш, перелезая на корму через тюки, ощутил в себе острое желание дать Гавриле пинка, чтобы он слетел в воду* (М. Горький, Челкаш).

Далее указывается на возможность функционирования данной лексемы для выражения пожелания успеха, благополучия и т.п. В данном источнике отмечается также и ряд устойчивых словосочетаний, где одним из компонентов является рассматриваемое нами существительное: *гореть желанием; ловить, предупреждать чьи-либо желания; при всем желании*. Последнее имеет помету «часто ирон.» [Там же: 52].

В МАС первое значение описывается так же, как и в БАС-1. В качестве второго значения обозначается «любовное влечение, вожделение», но без стилистических помет, имевшихся в предыдущем источнике. Нужно сказать, что в МАС различаются два типа того, что обозначено как «стремление, влечение...». Одно связывается с «внутренним» состоянием, а другое – с выражением своего желания в виде просьбы или пожелания [МАС 1981–1984, т. 1: 475].

СУ дает в качестве исходной характеристики то же, что отмечено в МАС, когда «влечение, стремление» связывается с «внутренним» состоянием субъекта [СУ, т. 1: 851]. Следующее значение рассматриваемой лексемы обозначено как «Потребность удовлетворить половое влечение, вожделение, страсть» с пометой «книжн.», т.е. фактически с той же стилистической характеристикой, что встречается в БАС-1 [Там же: 852].

В словаре Даля *желанье* характеризуется как «чувство желающего; жаданье, воленье, хотенье, стремленье», а также еще как «предмет желаний, желаемое». Ср.: *Ты мое желанье* [Даль 1998, т. I: 529] – здесь можно наблюдать «опредмеченность» состояния, передаваемого глаголом.

Если обратиться к данным «Русского семантического словаря» [Русский семантический словарь 1983], то можно увидеть интересующее нас существительное в ряду «семантических множителей» (СМ) понятия 'воля'. Помимо лексемы *желание*, в эту же группу входят следующие понятия: 'сознание', 'пожелание', 'стремление', 'распоряжение', 'осуществление', 'волеизъявление', 'желание', 'свобода' и некоторые другие.

Ср.:

СМ «желать»: стремление, пожелание, желание.

СМ «охота»: власть, стремление, желание.

СМ «пожелание»: осуществление, пожелание, желание.

СМ «пожелать»: стремление, пожелание, желание.

СМ «стремление»: осуществление, стремление, желание.

СМ «хотеть»: стремление, желание [Русский семантический словарь 1983: 59–60].

В словаре синонимов З. Е. Александровой лексема *желание* соотносится с тремя синонимическими рядами: «1. Воля, хотение (*разг.*); произволение (*устар., высок.*) / высказанное: пожелание; волеизъявление (*книжн.*) 2. стремление, мечта; аппетиты (*разг.*); жажда (*высок.*). 3. Готовность 1». Последнее подразумевает «добрую волю» и «охоту» [Александрова 2001: 120].

В «Старославянском словаре» [Старославянский 1999] лексемы *желѣник* и *желаник* объясняются как «желание», «плотское желание». Кроме того, дается устойчивое словосочетание *желаник мьнѣ ксть*, которое интерпретируется так: «желаю, хочу» [Старославянский 1999: 215].

В словаре Срезневского *желаниѣ* сперва сопоставляется с латинским соответствием *desiderium*, и затем трактуется как «желание», т.е. дается современное лексикографу соответствие. Затем это подкрепляется рядом примеров (см. [Срезневский 1989, т. 1, ч. 2: 848]).

«Словарь русского языка XI–XVII веков» интерпретирует *желание* следующим образом: «1. Желание, потребность», в том числе «любовь, страсть»; «2. Усердие, пристрастие» [СлРЯ XI – XVII, вып. 5: 80].

«Словарь русского языка XVIII века» дает два значения: «1. Влечение, стремление к обладанию чем-л., к осуществлению чего-л.», т.е. в сущности, толкование то же, что встречается в БАС-1 и МАС. «2. Любовное влечение, вожделение».

Для иллюстрации первого значения словарь приводит ряд устойчивых словосочетаний: *гореть, пылать желанием; предел желания; с желанием принять, ждать; по (чьему) желанию*. Указывается, что *желание* может интерпретироваться и как «чья-л. воля, просьба» [СлРЯ XI – XVII, вып. 7: 102].

В этимологическом плане существительное *желание* восходит к церковнославянскому слову **въждѣлѣнїе**, о чем уже говорилось выше в связи с глаголом *желать*.

В современном русском языке рассмотренное нами существительное, как правило, «опредмечивает» состояние, обозначаемое двумя глаголами: *хотеть* и *желать*.

Хотелось бы остановиться на интерпретации менее частотного существительного *хотение*.

В БАС-1 видим, что *хотение* имеет два определения значения: «1. Желание, охота»; «2. Воля, изъявление воли, желания». Оба имеют помету «устар.» [БАС-1, т. 17: 409]. Ср.: – *Не хочу я невольницы: пусть придет твоя дочь сюда по любви к тебе, своей волею и хотением* (С. Аксаков, Аленький цветочек) [Там же].

Характеристика сочетаемостных особенностей рассматриваемой лексики сходна с синонимической параллелью, т.е. с существительным *желание*. Ср.: «Хотение чего-нибудь с неопр. формой глаг.», «По чьему-нибудь хотенью» [Там же].

Встречается интересующая нас лексема и в МАС. Интересно, что здесь отсутствует помета «устар.», вместо нее видим «разг.», т.е. допускается употребление в разговорной сфере. Само же слово характеризуется как 'желание' «в 1 значении» (см. выше).

В СУ *хотение* интерпретируется как «*Действие по глаг. хотеть, желание*» [СУ, т. 4: 1180].

У Даля *хотенье* характеризуется как «состояние по глаголу». Ср.: *Память в темени, мысль во лбу, а хотенье в сердце* [Даль 1998, т. IV: 563]. Пример демонстрирует соотношенность лексики *хотенье* с душой, вернее, с сердцем как аналогом души.

В словарях синонимов также можно встретить лексику *хотение*. В частности, в словаре З. Е. Александровой это существительное имеет отсылку: «см. желание 1», т.е. то, что соотносится с волей [Александрова 2001: 542].

Рассмотрим историческую перспективу существительного *хотение*.

Старославянское **хотѣнїе** означало «желание, пожелание», а также «намерение, волю» и, кроме того, «страстное желание». Последнее сопоставляется со значением лексем **воля, желаниѣ, изволенїе, похоть** [Старославянский 1999: 763–764].

В словаре Срезневского *хотѣние* трактуется с помощью дефиниций 'воля', 'желание', 'исполнение желания', 'стремление', 'любовь', 'благоволение' [Срезневский 1989, т. 3, ч. 2: 1389–1390].

Далее хотелось бы обратить внимание на дериваты исходных лексем, поскольку они прямо относятся к семантике желания и часто употребляются для обозначения желания субъекта. Кроме того, их толкование часто основывается на взятых нами за исходные лексемах.

Прежде всего, обратим внимание на активные в современном русском языке дериваты от *желать*, *желание*: *желательно*, *желательный*, *желательность*, *желанный*.

В БАС-1 наречие *желательно* входит в статью, в которой описывается значение прилагательного *желательный*. Последнее трактуется как «нужный, необходимый; желанный», а соотносимое с ним наречие как «нужно, необходимо; хочется» [БАС-1, т. 4: 54].

В МАС же этим лексемам посвящены отдельные словарные статьи. *Желательно* характеризуется прежде всего как лексема, способная выступать в функции сказуемого в предложениях с союзом *чтобы*. Значение же объясняется как «полезно, нужно; хотелось бы». Прилагательное *желательный* интерпретируется как «соответствующий чьим-либо желаниям, интересам; нужный, необходимый» [МАС 1981–1984, т. 1: 475].

В СУ обе эти лексемы также обозначены в отдельных статьях, и их интерпретация имеет много общего с МАС. Добавить можно только, что *желательно* трактуется как 'хорошо бы' или 'хочется'. Здесь нужно добавить, что последний случай, возможно, имеет несколько устаревший характер. Ср.: *Где это ты пропадаешь по вечерам, мне желательно знать?* [СУ, т. 1: 851]. Сейчас, вероятнее всего, сказали бы 'мне хочется знать'.

В словаре Даля *желательный* трактуется как «имеющий желанье, желающий; ...желаемый, вожделенный» [Даль 1998, т. I: 529].

Отметим еще существительное *желательность*, которое определяется как «свойство по прил. желательный; необходимость» [МАС 1981–1984, т. 1: 475].

В СУ *желательность* трактуется как «отвлеч. сущ. к желательный» [СУ, т. 1: 851].

Рассмотрим еще прилагательное *желанный*.

В БАС-1 дается два значения: «1. Такой, к которому стремятся, которого желают», а также «желательный»; «2. Приятный, милый, дорогой», кроме того, «возбуждающий чувство влечения, страсти» [БАС-1, т. 4: 54].

МАС дает сходную с БАС-1 интерпретацию с той лишь разницей, что в МАС говорится о возможности употребления лексемы *желанный* в качестве существительного [МАС 1981–1984, т. 1: 475].

В СУ также указываются два значения: «1. Очень ожидаемый, являющийся предметом желания»; «2. Любезный, милый, дорогой» [СУ, т. 1: 851].

В понимании Даля *желанный* по отношению к человеку означает «милый, любезный, жадобный²², ласковый, добрый, милостивый» [Даль 1998, т. I: 529].

В словаре синонимов З. Е. Александровой *желанный* трактуется как *долгожданный*, *вожделенный*. Кроме того, там же можно встретить лексему в форме женского рода: *желанная – возлюбленная* [Александрова 2001: 120].

²² *Жадобный* по Далю – одно из диалектных слов, означающих «желанный, милый, любимый, любезный, родимый, душа, сердце мое» как обращение [Даль 1998, т. I: 524].

Рассмотрим один пример, который интересен для данной работы: существительное *хоть*, отсутствующее в активе современного русского языка. В СУ, в частности, имеется слово *хоть* в значении «желание, хотение» с пометой «старин.» [СУ, т. 4: 1181]. В более поздних источниках он не встречается.

В словаре Срезневского встречаем также *хоть* – 'желание'. Кроме того, *хоть* могло обозначать 'любимец', а также 'любовник' [Срезневский 1989, т. 3, ч. 2: 1389].

В старославянском языке также было подобное слово: *хоть* – 'любовник' [Старославянский 1999: 763].

Далее хотелось бы немного остановиться на некоторых лексических единицах, которые характеризуются через понятие желания и не только. Они сами по себе служат для выражения состояния или для оценки состояния желания.

Это, прежде всего, такие слова как *жадный*, *жадно* и т.д., *жажда*, *голод*.

В БАС-1 лексемы *жадный*, *жадно* и т.п. характеризуются прежде всего как состояние 'сильного желания' или 'сильного стремления'. Указывается также и на возможность употребления словосочетания *жадное желание*. Уже затем следуют два производных значения: 'скупой, корыстолюбивый' и 'неотступно преследующий' (устар. поэт.). Последнее хотелось бы проиллюстрировать примером, ср.: *Бывают тягостные ночи: Без сна, горят и плачут очи, На сердце жадная тоска* (Лермонтов. Журналист, читатель и писатель). Наречие *жадно* имеет еще характеристику «с сильным увлечением, напряженно» [БАС-1, т. 4: 11–14].

В МАС также видим сходную интерпретацию слов *жадно*, *жадность*, *жадный* и ряда их дериватов. Хочется добавить, что существительное *жадность*, согласно источнику, может быть связано еще с физиологическим состоянием насыщения: «Проявление ненасытного желания удовлетворить чувство голода, жажды», кроме, естественно, переноса свойства этого состояния на «духовную» или деятельную основу: «сильное, острое желание постичь что-л., овладеть чем-л.» [МАС 1981–1984, т. 1: 469].

В словаре Срезневского находим, что в древнерусском языке слово *жадныйи* могло интерпретироваться как 'жаждущий', 'нуждающийся', 'сильно желающий', 'желанный' и нек. др. [Срезневский 1989, т. 1, ч. 2: 839].

Согласно «Словарю русского языка XI–XVII веков», лексема *жадный* было связана с потребностью утоления *жажды* [Словарь 1975–2002, вып. 5: 69].

Лексемы *жажда*, *жаждать* в современном языке характеризуется, прежде всего, с помощью понятия желания. Ср.: «1. Сильное желание пить; 2. Сильное желание чего-либо, страстное стремление к чему-нибудь» [БАС-1, т. 4: 12]. Сходную интерпретацию находим и в МАС [МАС 1981–1984, т. 1: 469].

В НОСС дается справедливая характеристика значения, состоящая в том, что семантическое наполнение глагола *жаждать* содержит «указание на интенсивность желания» [НОСС 1999: 460]. В указанном источнике обращается также внимание и на то, что *жаждать* «предполагает сильную эмоцию» и «требует немедленного удовлетворения желания» [Там же: 457].

В словаре Срезневского дается одна из интерпретаций древнерусского глагола *жадати*, т.е. «сильно желать», и сопоставляется со значением латинских слов *cupere*, *desiderare* [Срезневский 1989, т. 1, ч. 2: 839].

По мнению исследователей, слова *жадный* и *жажда* восходят к индоевропейскому корню, означавшему 'просить', 'желать', 'требовать', хотя сами эти слова общеславянского происхождения (см., напр., [Черных 2002, т. 1: 290], [Фасмер 1986, т. II: 33], [Преображенский 1959, т. 1: 220]).

Следующее слово, характеризующееся через понятие желания, – *голод*.

В НОСС есть такая интерпретация этой лексемы: «желание человека есть и ощущение, когда хочется есть». В данном источнике говорится также и о том, что это слово близко к словам, «обозначающим фундаментальные потребности человека как одновременно и желание человека, и ощущение внутри его тела. Это 1) *жажда*; 2) *похоть*, *желание*, *вожделение*» (см. подробнее [НОСС 1999: 50]).

С этимологической точки зрения слово *голод* связывают с индоевропейским корнем, обозначавшим 'жадность', 'алчность', 'страстное желание' [Черных 2002, т. 1: 200].

Итак, была получена, с одной стороны, довольно пестрая картина, характеризующая лексику, передающую значение желания, но, с другой стороны, базирующаяся на одних и тех же элементах. Вот круг явлений, передающих те или иные свойства желания, которые были обнаружены в толковых словарях: 'стремление', 'устремленность', 'потребность', 'охота' (как 'стремление'), 'намерение', 'влечение', 'страсть', 'деятельность' (социальная, речевая; восприятие), 'достижение' (чего-либо), 'оценка', 'необходимость', 'возможность', 'долженствование', 'невозможность', 'удовольствие', 'пожелание', 'состояние', 'чувство', 'просьба', 'воля' (как зависящая от человека, так и не зависящая от него, например, *божья воля*), 'ожидание', 'обладание', 'жажда', 'голод', 'похоть'. Они выражены существительными. Приведем также глагольную лексику, с помощью которой толковые словари характеризуют состояние желания: 'собираться', 'намереваться', 'стараться', 'нуждаться', 'стремиться', (желание, стремление) 'обладать', 'добиваться', 'искать', 'требоваться', 'призывать', 'жаждать', 'вожделеть', 'ждать'.

Учитывая тот факт, что подбор синонимических средств также по-своему является средством раскрытия семантических возможностей исходных (и не только) лексических единиц, укажем ряд лексем (выступающих в функции предиката), которые соприкасаются по общему семантическому компоненту: *желать*, *хотеть*, *жаждать*, *мечтать*, *вожделеть*, *алкать*, *охотиться*, *надеяться*, *бредить (морем)*, *ждать*, *любить (бродить по лесу)*, *увлечься (рыбной ловлей)*, *пристраститься*, *приохотиться*, *изголодаться*, *склоняться (к союзу с либералами)*, *стремиться*, *рваться*, *намереваться*, *собираться*, *вздумать*, *искать*, *просить*; *не терпится*, *охота*, *неймется*, *подмывает*, *позывает*, *тянет*, *свербит*, *чешется*, *интересовать*, *занимать*, *увлекать*; *соблазнять*, *прельщать*, *искушать*, *пожелать*.

Другие части речи: *желание*, *охота*, *жажда (приключений)*; *погоня (за удовольствиями)*, *позыв*, *импульс*; *желающий*, *предмет желаний*, *предел желаний*, *предел мечтаний*; *желательный*, *желанный*, *долгожданный*, *вожделенный*; *угодно*, *охотно*, *по моему <по-твоему, по-вашему и т.п.>*; *только бы*, *лишь бы (успеть, уехать)*, *хорошо бы (поесть, выпить)*; *воля*; *хотение*; *произволение*; *пожелание*; *волеизъявление стремление*, *мечта*; *аппетит*; *жажда*, *готовность (добрая воля, охота)*; *желанный*, *долгожданный*, *вожделенный*, *жадный*, *жадно*, *жажда*, *голод*.

Устойчивые словосочетания, встретившиеся как в толковых, так и в других словарях: *гореть желанием*, *иметь охоту*, *спать и (во сне) видеть*, *иметь охоту*, *лелеять мечту*, *гореть желанием*; *томиться желанием*; *спать и видеть*; *дорого бы дал за что-л.*

отдал бы правую руку за что-л.; чего изволите?; глаза и зубы загорелись; как (что) хотите, хочешь; если (что) хотите, хочешь; гуляй – не хочу; ешь (пей) – не хочу; хочешь не хочешь/хошь не хошь; плевать я (ты, он и т.д.) хотел; какого можно желать; и хочется и колется; руки чешутся.

Рассмотрение историко-этимологических характеристик позволило выявить возможную смысловую реализацию лексем в прошлом. В современном русском языке также могут чувствоваться отголоски значений, ранее проявлявшихся, вероятно, более отчетливо.

Итак, характеристика лексикографической картины выявила соотношения ряда лексических единиц с теми, которые составляют ядро семантической зоны дезидеративности (*хотеть, желать, желание, хотение*). Ср.:

Хотеть: *пытаться, намереваться, собираться, относиться доброжелательно, добровольно, сознательно, быть должным, надлежать, мочь, нужно, требовать, добиваться, иметь возможность, потребность, замысел, домогаться, присваивать* и нек. др.

Желать: *стремиться, жалеть, горевать, иметь склонность, испытывать потребность, скорбеть, выражать пожелание, сильно желать, возжелеть, испытывать сильное чувственное влечение.*

Желание: *плотское желание, возжеление, чья-то воля, просьба.*

Хотение: *желание, пожелание, намерение, воля, страстное желание, исполнение желания, стремление, любовь, благоволение.*

Обобщим также и наблюдения над описанными в источниках особенностями сочетаемости лексем, представляющих интерес для данного исследования.

- 1) *Хотеть* сочетается с инфинитивом, когда говорится о желании «ощутить, познать, испытать» [БАС-1, т. 17: 410].
- 2) *Хотеть* кого-нибудь, т.е. при присоединении формы вин. пад., может обозначать: «испытывать потребность в обществе, нуждаться в ком-н.», а также «испытывать любовное влечение; стремление к обладанию» [Там же].
- 3) *Хотеть*, чтобы... – «чтобы что-л. произошло определенным образом» [Там же: 412].
- 4) *Хотеть* чего-нибудь, при присоединении формы род. пад., может обозначать ситуацию, когда «хотят чем-либо угоститься» или же для обозначения «тяги к познанию» [Там же: 409–410].

Еще удалось обнаружить указания на случаи сочетания с лексемами определенного рода значения:

- 1) Душа *хочет* (чего) [БАС-1, т. 17: 410].
- 2) *Хотеть* сказать [Там же: 411].
- 3) *Хотеть* в сочетании со стативным глаголом (напр., *верить*), когда совпадает субъект состояния и субъект действия [НОСС 1999: 457].
- 4) Уже/ было, *хотел*, как «отказ от почти предпринятого действия» [Там же: 458].
Как раз/ только что/ *хотел*, как «идея последовательности событий» [Там же].

В результате сплошной выборки данных имеющихся словарей был составлен список предикатов с семантическим компонентом 'хотеть'.

Список предикатов с семантическим компонентом 'хотеть'²³

Хотеть₁²⁴ = 'иметь желание'/'желать' и производные

Хотеть₂ = иметь намерение/намереваться и производные

Желать (испытывать желание, испытывать потребность) = 'иметь желание'/'иметь стремление'/'хотеть'

Жажда₂ (и производные) = 'сильно, страстно желать', 'иметь жажду'

Стремиться = 'испытывать влечение, тяготение'/'стараться достичь, попасть' и производные

Намереваться = 'иметь намерение'

Собираться/собраться (сделать что-либо) = 'намереваться'/'принять намерение (сделать что-либо)'

Стараться = 'стремиться/намереваться осуществить (что-либо)'

Пытаться = 'делать попытку/стараться, пробовать/намереваться (сделать что-либо)'

Планировать = 'иметь намерение (сделать что-либо)'

Замышлять/замыслить = 'задумать'/'(мысленно) решить', 'иметь задумку', 'вознамериться'

Иметь цель = 'хотеть достичь'/'стремиться'

Итак, выше была представлена детальная картина плана выражения модального значения дезидеративности. Но в естественном языке высказывания с этими предикатами требуют еще более подробных и уточняющих характеристик.

Желание обозначается в основном лексикой глагольного характера, притом, что даже если речь идет о других частях речи, это с большой вероятностью отглагольные дериваты, поскольку факт наличия желания имеет свойство устремленности к реализации, а, следовательно, к действию. Кроме того, желание субъекта наиболее ярко выражается, когда соответствующая лексема находится в позиции предиката. В нашу задачу не входит рассмотрение путей образования именных и глагольных предикатов (например, что первично – глагол *хотеть*, *желать* или существительное *желание* и т.п.).

Можно также утверждать, что состояние, когда субъект испытывает желание, имеет динамические, процессуальные характеристики, поскольку это длится в течение какого-то промежутка времени. В АГ-1980 отмечается: «Значение процесса свойственно всем глаголам независимо от их лексического значения... понятие «действие» трактуется в грамматически обобщенном смысле (в отличие от более конкретного содержания понятия «действие»), когда имеется в виду различие между активным действием и пассивным состоянием [АГ-1980: 582].

²³ Направление и количество производных не учитывалось, список составлен по принципу «от центра к периферии»; устаревшие и малочастотные предикаты не приводятся. Точка отсчета – Я-субъект ('я хочу'), т.е. приводятся предикаты, отражающие действительное желание субъекта, поэтому оптативные предикаты типа *хорошо бы*, *неплохо бы*, *хотеться (хотелось бы)*, *хорошо бы*, *недурно бы* и т.п. и т.д. из списка исключены. Необходимо отметить, что в имеющихся толковых словарях русского языка не учитывается такое понятие как векторность (в сущности, основной критерий разграничения грамматических категорий дезидеративности и оптативности), в противном случае список предикатов, где так или иначе в толковании присутствует компонент 'желание', был бы невероятно громоздким. Поэтому все глаголы, имплицитно выражающие желание как склонность (оптатив), например, *влечь*, *хотеться*, *манить* и т.п., не включены в список. Также были включены глаголы, которые сигнализируют о начальной фазе осуществления желания или стремления, например, *пытаться* как проявление действенной воли. Также не были включены в список оценки (самооценки) желаемого действия: *блажь*, *каприз*, *прихоть*, *причуда*.

²⁴ Индекс в списке предикатов соответствует индексу при порядке толкования значений (см., напр., в МАС).

Примечательно, что составные предикаты желания в качестве присоединенного к *хочу* компонента чаще всего имеют форму совершенного вида (СВ). Это можно объяснить устремленностью к результату, к реализации желаемого. Можно сказать еще и так, что предикаты желания содержат в себе сему устремленности к достижению цели, поэтому форма СВ для них наиболее типична (см. об этом также [Шатуновский 1989: 180-182]. Ср.: *Хочу купить/построить/спеть/найти/подарить* и т.д.

Интересно наблюдение А. М. Пешковского: «Всякий глагол прежде всего обозначает действие... Но ведь «действовать» могут только живые существа, все же остальные предметы не «действуют», а только движутся. Живые существа «действуют» потому, что они движутся по своей воле, произвольно. И значит в глаголе, раз он изображает действие, должен быть оттенок воли, намерения» [Пешковский 1956: 78– 79].

В случае, когда говорящий эксплицирует собственное желание, он скажет *Я хочу/Мне хочется*, т.е. элемент проявления направленности воли субъекта на объект очевиден. А. М. Пешковский далее пишет: «В таких глаголах, например, как *умер, родился, заболел, простудился, упал, ушибся* и т.д. мы едва ли заметим «намеренные» действия» [Там же].

Немаловажным фактором при анализе предикатов желания является и «признак «контролируемости», имеющий в виду роль субъекта в определении того, будет или не будет иметь место соответствующее положение вещей. Так, все «контролируемые явления называются «действиями», контролируемые процессы – «деятельностью», контролируемые события – «поступками» и т.д.» [Булыгина 1982: 21]. Этот фактор важен, так как и намерение, и экспликация импульса к достижению цели связана (либо реально, либо потенциально) с осуществлением «контролируемого» волей субъекта действия. Это, в частности, объясняет, почему нельзя сказать: **хочу светать/белеться/теплеть/пустовать* – глаголы *светать, белеться, теплеть, пустовать* употребляются говорящим, когда он констатирует факт или описывает что-то, наблюдаемое со стороны, и этот наблюдаемый процесс от его воли не зависит.

Глагол *вздروгнуть* обычно носит характер произвольности и, соответственно, ненамеренности действия, поэтому можно встретить предикат *хочу/хотел(а) вздрогнуть* только в контекстах специфического свойства.

Поскольку модальный смысл дезидеративности имеет яркую интенциональную природу, накладываются ограничения на сочетание 'хочу + инфинитив глагола, обозначающего рефлексивное действие', например, *хочу вздрогнуть*. Хотя в высказываниях, имплицитно имитационную деятельность (например, высказывания актеров), такая сочетаемость вполне возможна.

Ср. конструкцию:

Хочу вздрогнуть, а получается фальшиво.

Ср. также:

Пытаюсь проснуться, хочу вздрогнуть, как в детстве, открыть глаза и оказаться в своей кровати (из интернета, nadezhda.ws/vektor%20padenia2-5.htm).

В последнем примере говорящий опять-таки указывает на имитационную деятельность – желание вновь испытать это произвольное состояние.

Ср. также:

Какой-то <...> в это время взорвал в саду петарду; хотел вздрогнуть, но не вздрогнулось (С. Спирихин, Кониная (Записки скотовода)).

Характеризуется ожидаемость, предсказуемость в действительности произвольного состояния.

Ср. также:

**Хочу сверкнуть.*

По нашим наблюдениям такой предикат оказался возможным только в поэтическом, метафорическом смысле.

Ср.:

Хочу я искоркой сверкнуть сквозь мрак (Г. Агаронова, *Хочу я искоркой сверкнуть...*).

Ср. далее:

**Хочу родиться*

Иметь намерение родиться в биологическом смысле невозможно, или нереально. Внутренняя устремленность, которая может быть обозначена таким предикатом, больше соотносится с мечтой, притом такой, которая может носить и характер странного, необычного желания.

Ср.:

Я хочу родиться седым и старым

В том краю где совестно быть усталым

Где назло чертям и небесным карам

Не стекают слезы по лицам талым

<...> (В. Лукин, *Я хочу родиться седым и старым*).

Вопросы совместимости и несовместимости смыслов рассматриваются в языкознании так называемым законом семантического согласования. Его теоретическая разработка базируется на идеях Л. Теньера. Называясь теорией лексических солидарностей, этот закон разрабатывался и Э. Коссериу.

В русистике встречаем разработку этого вопроса у целого ряда ученых: В. Г. Гака, Ю. Д. Апресяна, Г. А. Золотовой²⁵. Согласно этому закону, наиболее совместимыми в рассматриваемого рода предикатах будут лексемы конструкции 'хочу + инфинитив', в которых присутствуют одинаковые семы в обоих компонентах. Например, в предикате *хочу бежать* оба компонента совместимы, потому что в обоих есть сема волевого начала. *Хочу* – как тяготение, *бежать* – как способность живого организма к перемещению согласно собственному выбору, т.е. в глаголе движения выделяется волитивный компонент значения.

В таком смоделированном предикате, как **хочу знобить* первый компонент *хочу* – имеет или предполагает наличие действенного волевого начала, тогда как второй компонент – *знобить* – обозначает инволютивное состояние, обычно возникающее не по воле его носителя. Соответственно, эти два составляющих предиката оказываются несовместимыми друг с другом.

Оценку внутреннего эмоционального состояния также часто можно рассматривать как инволютивное состояние: *рассердиться, радоваться, грустить* и т.п. Но в предикатах, где встречаем эти глаголы в сочетании с *хочу*, видим направленность волевого действия либо на возможность управлять своими чувствами, либо же, наоборот, дать им свободу. Это приближает *хочу* в этих случаях к *хотеться*, т.е. предикату, обозначающему обычно инволютивное состояние. Получается, что эмоциональное состояние, которое, с одной стороны, может расцениваться как инволютивное, а с другой, – как рефлексивное, попадает под сильную зависимость от *хочу* как носителя волевого начала. Существуют такие эмоциональные состояния, которые поддаются

²⁵ Ученые по-разному именуют эту теорию: закон семантического согласования (В. Г. Гак), закон семантической солидарности (Г. А. Золотова), семантическая селекция и сродство (Э. Коссериу) и др.

внутренней волевой регуляции, поскольку есть возможность управлять ими. Состояния, не поддающиеся такого рода управлению, скорее всего, не совместимы с *хочу*. По этой причине глаголы типа *нездоровиться, морозить, светать, желтеть, колоситься* не совместимы с *хочу*, поскольку в них отсутствует сема действенной воли. Это то, что происходит как наблюдаемый со стороны процесс.

Существует точка зрения, основывающаяся на том, что именно грамматическая правильность является основой построения высказывания. Вследствие этого считается приемлемой «аномальная» семантическая совместимость. Это положение отражено в работах [Chomsky 1957], [Якобсон 1985]²⁶.

За основу в данной работе берется норма, но при этом не отрицается и возможность «отклонения» от нее в случаях специфической образности и коммуникативных задач, которые могут преследоваться говорящим субъектом.

Особенности лексико-семантической сочетаемости глаголов, обозначающих желание субъекта, рассматривались в ряде работ (см., напр., [Апресян 1995б: 447–450], [Шелякин 2001: 149, 202–221], [Мастерских 2004: 11], [Жук 1994: 7] и др.). Внимание в этих работах уделялось регулярно встречающимся формальным конструкциям. Например, 'хотеть + инфинитив', 'хотеть + имя' (со связкой или без нее), 'хочу + наречие' и т.д.

Поскольку исходное положение данной работы – актуализация функциональных особенностей языковых единиц, представляющих значение дезидеративности, показалось интересным более детально рассмотреть смежные или пересекающиеся явления.

Ядром поля дезидеративности является глагол *хотеть*. Как уже было отмечено выше, его значение имеет свойство передавать различный характер желания, в частности, это то, что обычно обозначают как *хотеть*₁ и *хотеть*₂. Первый по своему значению соотносится с предикатами *хотеться* и *иметь желание*, т.е. характеризует инволюнтное состояние субъекта. Второй соотносится с предикатами *намереваться*, *иметь намерение*, что предполагает направленность на деятельность, так как имеет в своей основе импульс, который можно охарактеризовать как действенное волевое начало. Следовательно, *хотеть*₁ тяготеет к оптативу, а *хотеть*₂ – к дезидеративу. Такое разделение часто выглядит абстракцией, поскольку состояние, квалифицируемое как инволюнтное в своей основе, может стать мотивом для деятельности на пути реализации желаемого. В этой связи рассмотрим ряд контекстов.

В лингвистических работах отмечается разница в характере желания, обозначаемого глаголом *хотеть*, и проводятся параллели с другими предикатами, близкими по значению тому или иному смыслу, соотносимому с *хотеть*. Например, И. Б. Шатуновский отмечает одно из возможных проявлений значения *хотеть*, когда оно передается при помощи предиката 'намерен'. Он также отдельно выделяет в качестве «элементарных предикатов воли» *намерен*, *намеревается*, *собирается*, *имеет намерение* [Шатуновский 1989: 166] – по своему значению они относятся к *хотеть*₂ (см. с. 34–35 данной работы). Исследователь проводит параллель между предикатом 'намерен' и глаголами *пытаться*, *стараться*, *стремиться*, *пробовать* (в значении 'пытаться'), а также предикатами *решишь*₁ *принять решение*, *вознамериться* [Там же: 162, 169, 172]. В группу предикатов, обозначающих «мысленные события в сфере воли», включаются такие, как *задумал*, *передумал* ('изменил намерение'), *раздумал*, *замыслил*, которые дополняются глаголами, уже обозначенными выше: *собрался*, *вознамерился* [Там же: 172–173], *надумать*, *думать*, *предполагать*₂ [Там же: 173, 178]. К предикатам глагольного типа по смыслу примыкают наречия *намеренно*, *нарочно*, *умышленно* и прилагательное *упрямый* (т.е. 'не меняющий своего намерения') [Там же: 161, 167].

²⁶ Ср. известный пример Н. Хомского, который в передаче на русский язык выглядит так: *Бесцветные зеленые идеи яростно спят*.

Е. В. Падучева выделяет группу волитивных глаголов (см. также с. 38 данной работы). Этот «тематический класс» слов, объединенных общей семьей, она не обозначает одним словом, например, 'намерение', а характеризует описательно: «Глаголы со значением принятия (и исполнения) решения описывают поведение человека в условиях свободно выбираемого поступка...» [Падучева 2004: 307]. По ее мнению, это то общее, что объединяет такие глаголы, как *решишь, задумать, замыслить, надумать, предпочесть, договориться, рискнуть, решиться, осмелиться, отважиться, одуматься, сообразить (сделать что-то); выбрать, облюбовать, наметить, избрать, выискать; назначить, уволить, предназначить, приговорить, ограничить, установить, постановить, рассудить; намереваться, хотеть, планировать, собраться, забыть (забыть о намерении), думать* (например, *думаю зайти*), а также *мяться, вздумать и заблагорассудиться* [Там же].

Ю. Д. Апресян выделяет слова, вступающие с глаголами, обозначающими желание, в синонимические отношения: *хотеть, желать, жаждать, мечтать* (для ряда с доминантой *хотеть*), а также *хотеться, тянуть, подмывать, не терпеться* (для ряда с доминантой *хотеться*) [НОСС 1999: 456–463], [НОСС 2000: 389–394]. Такие глаголы, как *мечтать, желать, жаждать*, а также синонимы, относящиеся к *хотеться*, больше тяготеют к инволютивному состоянию.

Что же касается глаголов, имеющих в качестве доминирующего семантического компонента 'намерение', то их можно выделить только при наличии контекста. Действенное волевое начало проявляется только при конкретном употреблении того или иного предиката: *стремиться, намереваться, собираться, думать, вздумать, искать, просить* (см. подробнее [Апресян 1995б: 451]). Эти предикаты входят в число слов, примыкающих к «служебной зоне», куда включены еще такие лексические единицы, как *надеяться, уповать, грезить, бредить* (например, *морем*), *пристраститься, приохотиться, привлекать, манить, тянуть, соблазнять, приспичить, охота, жажда, позыв, импульс, желающий, желательный, долгожданный, возжеленный, угодно, моему* [Там же]. Как правило, эти лексические единицы больше тяготеют к значению, характерному для инволютивного состояния субъекта.

В толковых словарях 2-ое значение *хотеть* трактуется через лексемы *собираться, намереваться*. В БАС-1 это 2-е значение дается как подпункт к более общему толкованию, передаваемому такими предикатами, как *стараться достичь и стремиться* [БАС-1, т. 17: 411]. В МАС на *намерение* указывает толкование, обозначенное в качестве 2-го: *иметь намерение* [МАС 1981–1984, т. 4: 622]. То же находим и в других толковых словарях (см., например, [СУ, т. IV: 1180] и др.).

Получается, что это предикаты, обозначающие динамический процесс. Они могут употребляться для характеристики активного действия: *пытаться, стараться, пробовать* (например, поступить в университет). В эту группу входит и глагол *стремиться* – не только как внутреннее состояние, но и как возможное действие. Кроме того, сюда могут быть включены предикаты, обозначающие результат выбора из ряда вариантов: *решишь, принять решение, предпочесть договориться, рискнуть, решиться, осмелиться, отважиться*. К этой же группе примыкают предикаты, обозначающие ментальное действие: *задумать, передумать, раздумать, замыслить, надумать, предполагать* (сделать что-либо) и т.д.

Все эти предикаты, по сути, включают в себя и характеристику активного действия, и выбор, и в той или иной степени ментальное действие. Разграничение было сделано, исходя из проявления доминирующего семантического компонента.

Поскольку в данной работе акцент ставится на дезидеративном характере значения, хотелось бы определить, какие же предикаты будут близки модальному глаголу *хотеть* в значении намерения.

Наша цель – не определение полного круга лексических единиц, а рассмотрение некоторых возможностей проявления дезидеративного значения у предикатов, которые удалось обнаружить в текстах разного типа. В работе анализируются как синонимические явления, так и семантически соприкасающиеся с ними лексические средства. Приводимые наблюдения основываются на контексте употребления лексических единиц в зависимости от Я-субъекта, который намерен или стремится осуществить что-либо.

Глаголы *желать*, *жаждать*, *мечтать* (и производные) относятся скорее к *хотеть*₁, т.е. они больше указывают на состояние внутренней устремленности, чем на действительное волевое начало. Несмотря на это, их принадлежность ядру поля дезидеративности не вызывает сомнения.

Ср:

*У меня есть **желание** работать в этом направлении.*

Предикат *есть желание* сопоставим с *хочу*, т.е. можно сказать и *Я хочу работать в этом направлении.*

Ю. Д. Апресян при характеристике глагола *мечтать* в сопоставлении с *хотеть* отмечает отсутствие в *мечтать* соотнесенности с намерением и, соответственно, с «готовностью прилагать усилия для его осуществления» (см. [НОСС 1999: 457]). Но, как показывают некоторые контексты употребления этого глагола, все же можно увидеть элемент потенциальной деятельности при наличии возможности. Наблюдается характеристика сильной степени устремленности к чему-либо, хотя реализация желаемого может быть и сомнительной.

Ср.:

*Ну вот, а мы-то **мечтали** отдохнуть и размяться в порту!* (А. Солженицын, Архипелаг ГУЛАГ).

Глагол *мечтать* здесь используется в качестве синонима *хотеть* или *хотеться*. Но можно также сказать, что *Мы мечтали* может соотноситься и с *Мы очень сильно хотели*, *Мы намеревались*, поскольку имеется в виду ситуация ожидания предполагаемой возможности. Но, как видно из контекста, желания и ожидания не оправдались. Состояние желания, передаваемое глаголом *мечтать* указывает на большую временную дистанцированность по сравнению с *хотеть* (см. об этом также [НОСС 1999: 457]).

Употребление глагола *жаждать* в значении сильного желания, стремления к чему-либо можно пронаблюдать в следующем контексте.

Ср.:

*Кажется, испугался, что утрачу этот возврат в их юность, вглядывался в лица (молодые лица всегда красивы), в их тонкие руки, в девичьи брови или молодые усы парней, и от ощущения, что это надо видеть, слышать, вбирать, иначе пропадешь, от такой вот, самому мне несколько неожиданной, **жажды** биологического продления жизни возникло что-то вроде отмежевания от своей судьбы, цеплянье за их зеленость...* (В. Маканин, Сюр).

Ср. также:

*Отец Кольки был человек, травмированный войной, слабовольный, придавленный женой и тихий, точнее сказать, смиренный, однако с внутренней и тщательно скрываемой **жаждой** – дожить жизнь как жизнь* (В. Маканин, Голоса).

Ср. также:

И за свои деньги он хотел очень многого, почти невозможного: его – немецкая сентиментальная душа смутно жаждала невинности, робости, поэзии в белокуром образе Гретхен, но, как мужчина, он мечтал, хотел и требовал, чтобы его ласки приводили женщину в восторг, и трепет, и в сладкое изнеможение (А. Куприн, Яма).
Ситуацию, когда сильная устремленность становится намерением, можно пронаблюдать в следующем контексте.

Ср.:

И, твердо отклонив предложение жены проводить его, писатель Перезвонов вышел из дому. Сладко вздохнул усталой от комнатного воздуха грудью и подумал: «Жена невыносима. Я молод и жажду впечатлений. Я изменю жене (А. Аверченко, Избранные страницы).

Ср. также:

Жаждал познакомиться... – мягким серебристым баском проворковал он, окружая руку Куколки двумя пухлыми ладонями, будто пуховой периной (А. Аверченко, Шутка Мецената).

Глагол *стремиться* может употребляться в значении внутренней устремленности и предполагать осознанное волевое действие.

Ср. конструкцию:

Я стремлюсь не к деньгам самим по себе, а к покою и благополучию.

В данном случае *стремиться* может быть синонимом как *хотеть*, так и *хотеться*. *Я стремлюсь...* (= 'намерен достичь покоя и благополучия').

Приведенные контексты характеризуют состояние внутренней устремленности, которая может «перерасти» в осознанное действие.

Глаголы *намереваться*, *собираться* в ряде контекстов могут передавать значение, близкое к значению глагола *хотеть*₂.

Ср.:

В первый миг присутствие англичанина меня расстроило, поскольку я намеревался провести с моими гостями собственный тайный совет (Б. Акунин, Коронация, или Последний из романов).

Намереваться можно рассматривать как синоним *планировать*, а также *хотеть*: *Я намеревался провести... / Я хотел провести.../Я планировал провести...*

Ср. также:

Молва гласила, что в последнее время герцог часто бывал в ее тюремной келье, подолгу оставался с ней наедине, но то, что происходило на этих свиданиях, для всех было тайною. В заключение Николо объявил, что намерен освободить Марию (Д. Мережковский, Воскресшие боги).

Предикат *намерен* обозначает ситуацию результата принятого решения. Он сопоставим по значению с предикатами *собирается/хочет*. Данный контекст показывает, что глаголам *стремится/устремлен* не всегда может соответствовать предикат *намерен*, поскольку последний совсем необязательно соответствует ситуации принятого решения.

Предикат *собираться* также может выражать значение желания как действенной воли.

Ср. конструкцию:

Мы собираемся пожениться.

Собираемся, т.е. *хотим/намереваемся/намерены/планируем*.

Ср. также:

Мы поднялись в ресторан. Заказали вино, бутерброды, пирожные. Я собирался заказать омлет, но передумал (С. Довлатов, Поплиновая рубашка).

Собирался, т.е. *намеревался/думал/хотел/хотелось* – здесь можно обнаружить инволютивное состояние, мотивировавшее формирование осознанного намерения, а также момент, связанный с принятием решения.

Ср. также:

Сегодня я собираюсь поговорить о нескольких вещах.

Рассматриваемый предикат сопоставим с предикатами *хочу/намерен* (и производными). Глаголы *пытаться, стараться*, хотя они и выходят уже на более дальнюю периферию, также могут в контексте приобретать значение близкое *хотеть*.

Ср. конструкцию:

Я пытаюсь вспомнить лицо человека, с которым разговаривала вчера.

Предикат *пытаюсь* сопоставим с предикатами *намереваюсь/хочу*.

Ср. также:

Я неоднократно пытался отослать материал, но он почему-то не доходит до адресата.

В качестве синонима глагола *пытаться* можно рассматривать лексему *стараться* в значении 'хотеть сделать'.

Ср.:

Я постараюсь скрыть свое присутствие в этом городе.

Т.е. *хочу/намерен* (с имплицитным стремлением) скрыть свое присутствие. *Постараться* отличается от *хочу/намерен* семантическим компонентом 'труднодоступность действия'.

Экспликацию процесса деятельности в сочетании с семантическим компонентом 'стремление' можно наблюдать в контексте следующего типа.

Ср.:

Я стараюсь лучше понять происходящее.

К самой дальней периферии по отношению к *хотеть* можно отнести предикаты *планировать, замышлять, иметь цель* на том основании, что они содержат в себе дезидеративный компонент. Эти предикаты тяготеют также и к другим (смежным) семантическим зонам, например, таким, как зона интеллектуальной деятельности или зона целенаправленной деятельности.

Ср.:

Я просыпался с ощущением беды. Часами не мог заставить себя одеться. Всерьез планировал ограбление ювелирного магазина (С. Довлатов, Креповые финские носки).

Предикат *планировал* сопоставим с предикатами *собирался/намеревался/обдумывал* и, в меньшей степени, с глаголом *хотел*. В данном случае наблюдается большой сдвиг в сторону семантического компонента 'интеллектуальная деятельность'.

Намерение как семантический компонент предиката интеллектуальной деятельности можно наблюдать на следующем примере:

Ср.:

– А дальше то, что я как задумал, так и сделал. Взял ее сегодня от Анны Марковны и привез покамест к себе. А там что бог даст (А. Куприн, Яма).

Координация предикатов *задумал – сделал* может указывать на наличие и реализацию намерения. Предикат *задумал* сопоставим с предикатами *хотел/намеревался*.

Ср. также конструкцию:

У меня есть задумка написать статью.

Можно также сделать следующее наблюдение – *У меня есть задумка... /У меня есть намерение...* . Возможно, что *задумка* – это обозначение более дистанцированного во временном плане от реализации намерения действия, чем если бы употреблялось существительное *намерение*, т.е. здесь прослеживаются значения возможности и потенциальности.

Употребление предиката с семантическим компонентом 'намерение' в сочетании со значением целенаправленной деятельности можно увидеть на следующем примере.

Ср. конструкцию:

*У меня **есть** на сегодня определенная **цель** – закончить статью.*

Предикат сопоставим с *есть намерение*, а также *хочу/собираюсь/стремлюсь*.

Ближе всего к тому, что мы называем дезидеративным значением, стоят предикаты, эксплицирующие или по-своему «раскладывающие» состояние желания как действительную волю: *намереваться – собираться*.

Такие предикаты как *пытаться, стараться* также близки к указанным выше, но стоят уже ближе к периферии (если *хотеть* как 'намереваться' считать центром семантической зоны дезидеративности).

Сюда же можно отнести употребление предикатов *планировать* и *задумать*, поскольку они также могут предполагать стремление к намеренным действиям.

Рассмотрим следующие примеры.

Ср.:

(1) *Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне **вздумалось**. А тебе советую не умничать, и делать то что тебе приказывают* (А. Пушкин, Капитанская дочка).

(2) *Мне **вздумалось** завернуть под навес, где стояли наши лошади, посмотреть, есть ли у них корм, и притом осторожность никогда не мешает: у меня же была лошадь славная, и уж не один кабардинец на нее умильно поглядывал...* (М. Лермонтов, Герой нашего времени).

(3) – *Смогу, – уверенно заявил Корнелиус. – Мои мушкетеры несут караул вокруг всего дворца, а я хожу, как мне **вздумается** – проверяю, как они несут службу* (Б. Акунин, Алтын-Толобас).

Ср. также:

– *Это маленькая Людмила Власовская, дочь убитого в последнюю кампанию Власовского? – спросила начальница Анну Фоминичну. – Я рада, что она поступает в наш институт... Нам очень **желанны** дети героев. Будь же, девочка, достойной своего отца* (Л. Чарская, Записки институтки).

Ср. также:

*Нужно сказать, что «табу», спасшее мне жизнь, сыграло теперь чрезвычайно коварную роль. Умоти и его помощник Ако, опасаясь, что я, вступив, если мне это **заблагорассудится**, в конспиративный союз с духами Хамигеем, Таконтей и Вакос, могу, из беспредметной злобы, лишить воду – рыбы, леса – зверей, женщин – плодовитости, мужчин – острого зрения и сильной руки, но в то же время, боясь убивать меня, дабы не навлечь бедствий, еще горших, со стороны той же злобной духовной троицы, придумали объявить для меня «табу» все, за исключением трех шагов земли по окружности шалаша* (А. Грин, Табу).

Употребленные в функции предиката лексические единицы *желанный, вздуматься, заблагорассудиться, стремиться* находятся уже на дальней периферии, так как они больше соотносятся с инволютивным состоянием (\approx *захотелось, хочется*). Хотя такое состояние с некоторых позиций можно рассматривать и как потенциальную действительную волю. Примечательно, что предикат *стремиться* может характеризовать и другие модальные значения, например, необходимости, наряду с тем, что это может быть и желанием. Например, *Я стремлюсь скрыться*. Это может означать в определенном контексте и 'Мне нужно скрыться', 'Я хочу скрыться' и т.п.

Думается, что во многих случаях можно найти моменты «пересечения» тех или иных семантических компонентов. И принятие решения, и внутреннее состояние устремленности на реализацию задуманного, и сама мысленная устремленность – все это в той или иной степени свойственно каждому из рассматриваемых предикатов.

Для передачи состояния желания субъекта существует целый ряд лексических средств, в том числе и таких, которые соприкасаются со значением желания различными семантическими компонентами с той или иной степенью силы выражения состояния и оценок. В задачу данной работы не входит описание всех этих моментов. Мы ограничились лишь тяготеющими к деизидеративному типу значения.

Таким образом, цели, заявленные во введении данной диссертации можно конкретизировать следующим образом. Требуется надежный, лингвистически релевантный критерий разграничения деизидеративности и оптативности. Кроме того, требуется надежный аппарат для отграничения модального значения деизидеративности от других, сходных по наличию интенциональности, модальных значений (необходимости, надобности, потребности, долженствования).

Также необходимо разработать на основе релевантных деизидеративных контекстов семантическую типологию высказываний. При этом, как показали данные этой главы, такая типология будет скорее лексической по своему характеру, чем грамматической.

В основном лексические по своему характеру критерии такой семантической типологии позволяют уточнить лексическое значение предикатов.

Итак, суммируя содержание первых трех глав, хочется еще раз подчеркнуть план содержания модальности деизидеративности.

Как следует из анализа философских, психологических и лингвистических концепций и экспериментальных наблюдений диссертанта, план содержания можно представить в виде набора дифференциальных семантических признаков.

Высказывания с модальным смыслом деизидеративности обладают следующими отличительными характеристиками: потенциальность желаемого действия; обращенность высказывания в будущее, т.е. наличие телеологической связи; интенциональность; прикрепленность к Я-субъекту; наличие склонности субъекта к действию.

Проиллюстрируем еще раз эти признаки на конкретном языковом материале.

1) потенциальность желаемого действия.

Ср.: *Я хочу завтра отправиться на рыбалку; Хочу сходить в магазин.*

Даже контексты с *сейчас* обозначают потенциальное действие: *А сейчас я хочу мороженого.*

2) Обращенность высказывания в будущее, т.е. наличие телеологической связи. Телеологическая связь подразумевает дискретность времени. Даже в нарративных текстах время не носит континуальный характер.

Ср.:

Но ведь я и хотел в ту минуту побыть (хотел пожить) помимо всех и иных чувств, кроме благодарности. Хотел побывать, думая о снеге будущего года, – молитва о жизни?

почему нет!.. (В. Маканин, Сюр).

3) Интенциональность т.е. устремленность сознания на желаемый объект или действие.

Ср.:

Главным было ответить на вопрос: зачем я хочу лететь в космос? По итогам конкурса и тщательного медицинского отбора на общекосмическую подготовку отправились шесть журналистов, в их числе и автор этой статьи (Огонек, № 24, 15.06.1998).

4) Прикрепленность к Я-субъекту.

Ср.: *Я хочу учиться в университете* = непосредственное выражение модальным субъектом желаемого потенциального действия.

Ты хочешь учиться в университете = обращение говорящего к адресату с целью уточнения желаемого адресатом действия. Ср.: *Говорят, ты хочешь учиться в университете.* = *Ты хочешь учиться в университете?*)

Он хочет учиться в университете = информация говорящего о намерении субъекта, не присутствующего при акте коммуникации, совершить желаемое действие.

5) наличие склонности субъекта к действию. Речь идет о производных желаниях, не сводимых к реактивному физиологическому поведению модального субъекта.

Ср.:

– Пойдем в кино? Не могу. Хочу дочитать детектив.

Таким образом, на основании наличия выделенных дифференциальных признаков в каждом конкретном высказывании можно отграничить дезидеративные высказывания, т.е. такие, которые обладают модальным смыслом дезидеративности. Под высказыванием в данном случае понимается целостный микротекст (не сводимый к отдельному предложению). Отсюда следует, что модальный смысл дезидеративности имеет текстовую природу.

ГЛАВА 4. СЕМАНТИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ВЫСКАЗЫВАНИЙ С МОДАЛЬНЫМ СМЫСЛОМ ДЕЗИДЕРАТИВНОСТИ

В этой главе предпринята попытка построения семантической типологии высказываний с модальным смыслом желания. В существующей лингвистической литературе, насколько нам известно, попытки классифицировать высказывания с модальным смыслом носили фрагментарный характер. Во-первых, типология приравнивалась к оттенкам значения модальности желания; во-вторых, не разграничивались оптативное и дезидеративное значения; в-третьих, такие попытки делались на сопоставительном материале (сама идея сопоставительных исследований не предполагает целостного описания)²⁷.

Как уже было показано выше, собственно модальным смыслом дезидеративности обладают только Я-высказывания²⁸, как правило, в прагматизированных текстах²⁹. Эти высказывания и находятся в фокусе предлагаемой типологии. Включение Он-высказываний и Вы-высказываний в семантическую типологию не представилось возможным: поскольку в таких высказываниях теряется смысл дезидеративности как активного проявления воли. Появляется другой смысл – метамодальности – сообщение о модальном действии.

Ср.:

Я хочу уехать на юг – значение дезидеративности как декларирование потенциального желаемого или намеренного действия.

Он хочет уехать на юг – косвенное значение дезидеративности; передача информации о желаемых потенциальных действиях лица, не присутствующего при разговоре.

Такое свойство модальных высказываний – привязанность модального смысла к сознанию Я-субъекта, т.е. интенциональность – и послужило основным критерием при отборе высказываний с предикатами желания.

Объектами желаний, т.е. интенциональными объектами, могут выступать практически все семантические группы лексики. Модальный вектор, обозначающий устремленность желания субъекта, обусловленного различными мотивами, характеризует потенциальное желательное действие: физическое, физиологическое, ментальное, вербальное и т.д. Такого рода описание позволит обозначить направленность того импульса, который называется *желанием*, от говорящего на внешний мир. Иными словами, мы попытаемся обозначить возможную референтную отнесенность, которую могут иметь составные глагольные предикаты со значением желания.

Подразумевается, что субъект желает для себя полезного, выгодного и притягательного, поэтому сочетания с инфинитивами ущербного для субъекта действия глаголами малоупотребительны в буквальном смысле:

Ср. конструкции:

Хочу заболеть/Хочу умереть/Хочу пораниться/Хочу отравиться/Хочу погибнуть в катастрофе и т.п.

При этом в метафорическом смысле, лучше сказать, в демонстративной, драматической ситуации, подобный тип высказываний употребляется довольно часто. Но происходит семантический сдвиг в сторону оценочности. Акцент не на самом потенциальном действии, а на характеристике ситуации.

²⁷ См. главу 2 данного исследования, где представлено фрагментарное сопоставительное описание у др. авторов.

²⁸ Особенно убедительно этот факт показан в работе [Степанов 1985: 204–205].

²⁹ Прагматизированность текста понимается в духе работы Э. Бенвениста «Отношения времени во французском глаголе» [Бенвенист 1974].

Ср.:

Остан продолжал болтать:

– Вчера на улице ко мне подошла старуха и предложила купить вечную иглу для примуса. Вы знаете, Адам, я не купил. Мне не нужна вечная игла, я не хочу жить вечно. **Я хочу умереть.** У меня налицо все пошлые признаки влюбленности: отсутствие аппетита, бессонница и маниакальное стремление сочинять стихи... (И. Ильф и Е. Петров, Золотой теленок).

У некоторых поэтов сочетание *хочу умереть* становится своего рода устойчивым мотивом.

Ср.:

Я хочу умереть молодой,

Не любя, не грустя ни о ком;

Золотой закатиться звездой,

Облететь неувядшим цветком.

Я хочу, чтоб на камне моем

Истомленные долгой враждой

Находили блаженство вдвоем...

Я хочу умереть молодой!

<...> (М. Лохвицкая, Я хочу умереть молодой).

Ср. также:

Я умереть хочу весной,

С возвратом радостного мая,

Когда весь мир передо мной

Воскреснет вновь, благоухая.

<...> (М. Лохвицкая, Элегия).

Желания могут, с одной стороны, находиться в пределах человеческих возможностей, и с другой, – выходить за их пределы и иметь нереальную, фантастическую направленность.

Спектр направленности человеческих желаний позволяет выявить все многообразие ситуаций, при которых происходит генезис желания, а также обозначить бесконечно пестрое поле человеческой деятельности.

Нужно сказать, что намеченная типология не является единственно возможной и исчерпывающей, хотя и представляется автору на данный момент целесообразной.

Не будем останавливаться на таком типе высказываний, когда для экспликации желания «направленного на действия других лиц и на события, употребляется конструкция с придаточным дополнительным, вводимым союзом *чтобы* в сочетании с глаголом в сослагательном наклонении» [Корди 1990: 183]³⁰.

Ср.:

Мне так хочется, чтобы вы подружались (А. Арбузов).

Поскольку такое выражение желания не предполагает действенной воли говорящего, оно может быть отнесено к значению оптативности. Наша задача – проследить экспликацию желания как действенного намерения.

При рассмотрении модального вектора желания важна не только инфинитивная часть предиката, следующая прямо за глаголом *хочу*, но и объект, либо выражающийся грамматически, либо заключенный в значении инфинитива, который приобретает таким образом и объектные характеристики.

³⁰ Ср. грамматический комментарий следующего в тексте примера в работе [Корди 1990: 183].

1. Высказывания, эксплицирующие физиологические желания (потребности) модального субъекта

Как правило, в таких конструкциях желание эксплицитно не мотивируется. Подобные конструкции употребляются в ситуациях, когда говорящий считает возможным сообщить адресату (с самыми разными целями) о своем желании. Желание имплицитно мотивировано физиологическим состоянием, которое субъект готов преодолеть. Сюда можно отнести такие предикатные сочетания как, например, *хочу есть, хочу спать, хочу пить* и т.д. Состояния, обозначаемые рассматриваемыми глаголами, это не то, к чему человек стремится намеренно, а то, что возникает в нем произвольно.

Инфинитив, примыкающий к модальному глаголу, обычно употребляется в форме НСВ, так как передает значение инволютивного, но потенциально предельного состояния/действия. В таких текстах нет информации о реальном удовлетворении желания (*голод, жажда, потребность во сне*). Подразумевается, что физиологические потребности рано или поздно удовлетворяются.

В конструкциях, где ярко выражено предельное действие, употребляются и формы СВ инфинитива: *Хочу поспать/попить* и т.д. В этом случае инфинитив СВ указывает не только на интенсивную устремленность к выполнению действия, но и на потенциальную временную границу длительности действия.

Примечательно, что в таких ситуациях предикаты *хотеть* и *хотеться* по своему лексическому значению максимально приближены друг к другу, хотя различия в употреблении также очевидны. Когда говорящий употребляет конструкцию *Хочу спать*, это может расцениваться как сообщение с оттенком намерения по поводу потенциального действия, так и сообщение о своем состоянии. В случае *Хочется спать* – в фокусе демонстрация состояния. Сближение этих значений в немалой степени основано на семантике глагола *спать*, эксплицирующей независимое от воли субъекта состояние. Потенциальная реальность и нереальность осуществления желательного действия мало влияет на глагольную семантику, она скорее имеет место там, где есть сближение значений и указание на узальность действия.

Ср. конструкции:

Постоянно хочу есть/хочется есть.

Ср. также конструкцию с указанием конкретного объекта желания (как правило, с предельным глаголом):

Хочу съесть пирожное/Хочется съесть пирожное.

Включение конкретного объекта интенции влияет на обозначение активности действия. В первом случае обозначается лишь состояние субъекта, во втором – действие выглядит целенаправленным.

В художественных текстах такая интенсивная целенаправленность становится одним из приемов поэтической выразительности.

Ср.:

– *Селедка? Да, да, дайте мне селедки, я хочу есть селедку, я хочу, я хочу. Это лук? Да, да, дайте мне луку, дайте мне много всего, всего, селедки, луку, я хочу есть, я хочу пошлости, скорее... больше... больше, смотрите все... я ем селедку!* (Тэффи, Демоническая женщина).

Здесь для читателя данное положение дел ассоциируется не столько с описанием состояния голода или «волчьего» аппетита, сколько с экзальтированной демонстрацией намерения осуществить действие определенного характера. Инфинитивный компонент

НСВ сообщает о неограниченном временном пределе, т.е. как об устойчивой устремленности субъекта. В таком контексте вся ситуация приобретает театрализованную оценочную характеристику.

Ср. также:

– *Вина! Вина! Дайте мне вина, я хочу пить! Я буду пить! Я вчера пила! Я третьего дня пила и завтра... да, и завтра я буду пить! Я хочу, хочу, хочу вина!* Тэффи, Демоническая женщина).

Сочетание модального предиката в форме 1-го лица с глаголом *спать* может обозначать не только конкретное физиологическое состояние, но и приобретает черты устойчивой оценочности.

Ср.:

(1)³¹ *Ты, Адам, утром вчера спрашивал, не нравится ли мне Дараган, а ночью я хотела спать, а ты истязал меня вопросами, что я чувствую к Ефросимову...* (М. Булгаков, Адам и Ева).

(2) – *Час ночи...* – повторил он. – *Час ночи...* – Глаза у него остановились. – Нет, – сказал он и поднялся. – *Надо выпить. Схожу в буфетную и выпью. Легким толчком в грудь я усадил его снова. – Успеется, – сказал я. – А я вам говорю, что хочу выпить!* – сказал он, повышая голос и снова делая попытку встать (А. и Б. Стругацкие, Дело об убийстве, или отель «У погибшего альпиниста»).

(3) *Я ласково взглянул на юбиляра и сказал: – Я хочу выпить за тебя. Чтобы ты дождался еще одного юбилея, и чтобы мы были и тогда молоды так же, как теперь* (А. Аверченко, Чад).

(4) – *Я хочу выпить этот бокал за перестарелую бабушку с перестарелым дедушкой, которые давно уже не двигаются, но они все-таки выехали, чтоб разделить с нами наше счастье* (М. Жванецкий, Свадьба на сто семьдесят человек).

Ср. также:

Хочу упиться роскошным телом... (К. Бальмонт, Хочу!)

Поэтическая функция – на границе с бенефактивными высказываниями.

В данном контексте *упиться* употребляется в метафорическом значении, т.е. как синоним глагола *насладиться*. Возникает аналогия со стремлением стать пьяным, поскольку в «прямом» значении 'упиться' обозначает – 'выпить чрезмерное количество алкоголя', в переносном значении, т.е. – «испытать упоение от чего-либо, насладиться чем-либо» [МАС 1999, т. IV: 833].

Приближается по своей семантике к бенефактивным высказываниям употребление следующих предикатов:

Ср.:

(1) *Хочу нырять в воде Индийского океана, нежиться на горячем песке* (из интернета, archive.travel.ru/sri_lanka/4656.html).

(2) *Хочу отдохнуть: поплавать, понежиться на солнышке, позагорать.*

Иногда высказывания, где дезидеративное значение мотивировано физиологическими потребностями, очень трудно отграничить от собственно бенефактивных высказываний.

³¹ В целях облегчения изложения анализируемого материала нумерация примеров носит фрагментарный характер: порядковые индексы употребляются там, где требуется сопоставительный анализ, или же приводимые примеры имеют какие-либо сходные признаки.

Ср.:

– Так... А три дня что – не жрать?! – Ну, разгрузочные дни полезны. – ...Я не вагон, чтоб меня разгрузать! А если я **хочу обедать каждый день?! – Хотение – бесплатно.** <...> – Я хочу каждый день обедать! и при этом покупать себе носки! – О? Ну так валя отсюда, – подытожил я. – Куда? – Туда, где каждый день обедают и ходят босиком... (М. Веллер, Голубые города)

Узуальность желаемого действия – основа бенефактивности.

Ср. также конструкцию, где бенефактивность создается локализатором:

Я хочу пообедать в летнем кафе.

Ср. также:

Сегодня, став взрослее и трезвей,

хочу обедать посреди друзей.

Лишь их привет мне сладок и угоден (Б. Ахмадулина, Я думаю: как я была глупа...).

В некоторых поэтических текстах подобный тип высказываний еще более сложен по своей семантике.

Ср.:³²

Целый день сырой осенний воздух

Я вдыхал в смятении и тоске.

Я хочу поужинать, и звезды

Золотые в темном кошельке!

<...> (О. Мандельштам, Золотой).

2. Высказывания, эксплицирующие бенефактивные стремления субъекта

Этот тип высказываний в большей степени содержит оценку бенефактивности потенциального желательного действия, чем предыдущий. Хотя мотивация оценки основана на физиологических потребностях, семантический сдвиг происходит в сторону бенефактивности.

Самыми яркими примерами подобного типа высказываний является Я-высказывания с глаголами физиологического и экзистенциального действия (*дышать, жить*)

Как квалифицируют словари, глагол *дышать* в прямом смысле обозначает собственно физиологический процесс, свойственный живым организмам: 'вбирать и выпускать легкими воздух, делать вдохи и выдохи' [МАС 1999, т. I: 459], «поглощать кислород, необходимый для обмена веществ в живом организме» [БАС-1, т. 2: 1205]. Процесс этот фактически непрерывен у живого организма, поэтому экспликация желания или намерения *дышать/подышать* выглядит на первый взгляд аномально. Употребление таких глаголов в модальных высказываниях приобретает и дополнительный смысл – оценочный. Часто это реакция говорящего на некомфортную ситуацию.

Ср.:

– **Я хочу подышать, открой форточку.**

– *Сколько я тебе говорю, не пей. Ты же больше двух рюмок не можешь.*

– *Ой, мне нехорошо. Я пойду в садик* (М. Жванецкий, Свадьба на сто семьдесят человек).

³² Комментирование данного отрывка не исчерпывается грамматическим объяснением и требует тонкого поэтического и культурно-исторического анализа, поэтому ограничимся приведением примера.

Сочетание модального предиката с глаголом *дышать* часто употребляется и в метафорическом значении с самыми разными целями. Так, это может быть оценочная реакция на невыносимую для модального субъекта социальную среду.

Ср.:

Хочу дышать воздухом свободы.

Глагол *жить* в сочетании с модальным предикатом *хотеть* (в форме 1-го лица) часто употребляется в контрарных контекстах (жизнь – смерть).

Ср.:

[Нина:] *Пошли за доктором.*

[Арбенин:] *Жизнь – вечность, смерть – лишь миг!*

[Нина:] *Но я – я **жить хочу!*** (М. Лермонтов, Маскарад).

Контрарное значение усиливается в поэтически инверсивном контексте. Противопоставление жизни как вечности, что, собственно, больше характерно для распространённого представления о смерти. После реплики Арбенина реплика Нины выглядит как 'стремление к вечности'.

Ср. также:

*...Зурову человека убить, что муху раздавить. Он каждое утро по часу из пистолета упражняется. Говорят, с двадцати шагов пулю в пятак кладет. Разве это дуэль? Ему и риска никакого. Это убийство, только называется красиво. И, главное, не будет ему ничего, выкрутится. Он уж не раз выкручивался. Ну, за границу покататься поедет. А я теперь **жить хочу**, я заслужил* (Б. Акунин, Азазель).

В этих фрагментах модальный смысл желания представлен как вечное стремление, воля к жизни.

При включении в состав модального предиката локальной и темпоральной лексики семантический акцент – на локализаторе. Лексема *жить* здесь синонимична *обитать*, то есть *жить* здесь эксплицирует не собственно физиологический процесс, хотя он тоже здесь подразумевается.

Глагол *жить* может выполнять функцию экзистенциальной связи.

Ср.:

(1) ***Хочу жить в городе.***

(2) ***Хочу пожить там месяца три.***

(3) ***Летом я хочу жить на даче.***

Интересно, что в эллиптических конструкциях *Хочу в город/Хочу на дачу* на первом плане активность субъекта – потенциальное движение.

Сочетание модальных предикатов желания с рекреативными глаголами (типа *отдыхать/отдохнуть* и производными) создает целый пласт текстов, общий смысл которых – реакция говорящего на ущербную ситуацию, требующую «исправления».

Ср.:

(1) *В принципе, я ничего не имею против фотографирования и автографов. Это приятная часть нашей популярности. Но все хорошо вовремя. На отдыхе, я, как и все, **хочу отдыхать.***

(из интервью с С.Лазаревым, <www.peoples.ru/art/music/pop/smash/interview.html>).

(2) ***Я устала работать, я хочу отдохнуть.***

(3) ***Хочу отдохнуть летом в Италии.***

(4) ***Хочу отдохнуть на Горном Алтае.***

Ср. также в поэтическом тексте:

Хочу отдохнуть от сатиры

У лиры моей есть тихо дрожащие легкие звуки

Усталые руки на умные струны кладу

Пою и в такт головою киваю (С. Черный, Под сурдинку).

Я-высказывание, выраженное модальным предикатом 'хочу + инфинитив СВ', сокращает дистанцию между сознанием лирического субъекта и сознанием читателя.

Модальные предикаты вообще очень хорошо приспособлены для сближения ментальных миров разных субъектов.

3. Высказывания о потенциальных желаемых ментальных действиях

Круг глаголов, которые, по традиции, относятся к ментальным, представляет собой достаточно пеструю группу. Сюда относят как собственно ментальные глаголы (*думать, осознать*), так и глаголы убеждения (*верить, убеждать* и т.п.), а также восприятия (*слышать, видеть*). В данной работе эти глаголы разделены по разным группам. Отдельно обозначены глаголы, где один из семантических компонентов предполагает обдумывание (ментальный процесс), но также предполагают и активное динамическое комплексное действие. Нужно отметить, что свойство модального глагола *хотеть* уже предполагает некий замысел, который, конечно же, имеет ментальную природу. Поэтому все высказывание так или иначе приобретает ментальный оттенок. Ментальное действие присуще и речевому действию, высказывания с этими глаголами также выделены в особую группу. Поэтому в данной рубрике остаются только высказывания с собственно ментальными глаголами.

В данной рубрике – высказывания, эксплицирующие направление вектора мышления на объекты, приносящие удовлетворение, представляющие интерес.

Ср.:

Хочу думать о хорошем.

Еще более частотны высказывания, представляющие рефлексивную реакцию на сказанное собеседником.

Ср.:

Почему вы без меня меня женили? Я хочу подумать и решить сам (Новая газета, Санкт-Петербург, №71, 2004).

Намерение 'подумать' связано с дальнейшим выбором вектора деятельности.

Ср. также конструкции с инфинитивом СВ с направленностью на результат действия.

Я хочу обдумать ваше предложение/Я хочу обдумать все услышанное (= обдумать и решить).

Следует отметить, что словари также подтверждают направленность глагола *обдумывать* на результат действия: «Мысленно рассмотреть все детали, обстоятельства чего-либо, всесторонне взвесить, продумать» [МАС 1999, т. II: 524], «мысленно обсуждать, взвешивать что-либо, вникать во что-либо» [БАС-1, т. 8: 66–67].

Высказывания с инфинитивами СВ/НСВ *поразмислить, поразмислять* фактически являются лексическими синонимами глагола *подумать*, но с изменением грамматической семантики.

Ср.:

...Книга мне не просто понравилась, но доставила большое удовольствие. Почему? Вот над этим-то и хочу поразмислить (В. Лукьянин, Урал, 2006, № 1).

Ср. также:

Хочу поразмислять с вами, хочу высказать свои мысли, свои убеждения (из интернета, <www.svoboda.org/programs/RUTT/1997/RUTT.081597.asp>).

Грамматическая актуализация подобных высказываний базируется на подчеркивании ментальной деятельности как длительного процесса.

Высказывания с сочетаниями модального глагола *хотеть* в 1-м лице ед.ч. и инфинитива *осознать/осознавать* сдвигает семантику в сторону самоидентификации³³.

Ср.:

Хочу осознать свою связь со Вселенной (Татарские новости, №7 (120) 2004).

Ср. также:

<...>

И я один, с моей тупой тоскою,

Хочу сознать себя и не могу –

Разбитый челн, заброшенный волною,

На безымянном диком берегу..

<...> (Ф. Тютчев, *Есть и в моем страдальческом застое...*).

В поэтической речи часто значение самоидентификации контаминируется с другими значениями. Например, в высказываниях с глаголом *сообразить*.

Ср.:

[Геллен:]

Но вестника послушаем: гаданий

Я знаменья хочу сообразить, –

Его рассказ нам может пригодиться (И. Анненский, Меланиппа-философ).

В высказываниях со стилизацией под разговорную речь значение глагола *сообразить* близко значению глагола *понять*.

Ср.:

Все хочу сообразить, сколько я заработал, скажем, за месяц (разг.).

Ср. также:

Все хочу сообразить, где я, что я

(из интернета, <www.mama.ru/club/bstory/2525/117432/>).

Близки по значению и высказывания с инфинитивом *знать* (= 'стремление до конца понять смысл сказанного').

Ср.:

*– ...Сверху кладете руки – вот так, показываю. Потом входите в контакт с духом и позволяете рукам произвольно двигаться. Ручка будет записывать получающийся текст. – Слушайте, – сказал Татарский, – вы только не сердитесь, но я правда **хочу знать** – с каким духом? – Брать будете – тогда скажу* (В. Пелевин, Generation П).

Ср. также:

Кто там скачет в холмах... я хочу это знать, я хочу это знать (И. Бродский, Ты поскачешь во мраке, по бескрайним холодным холмам...).

Идея движения, перемещения сохраняется и в переносном значении глагола *вернуться*, который в примерах, приведенных ниже, обозначает либо вербально-ментальное, либо собственно ментальное действие.

Ср.:

Я хочу вернуться к антиглобалистам. ...Не слышали ли вы о финансировании все-таки этого движения? (Эхо Москвы, 23.06.01).

³³ Ср.: *Осознать* – 'до конца, полностью понимать что-либо' [БАС-1, т. 8: 1152].

Ср. также:

Но если я хочу вернуться к Богу, то я должен реально отречься от себя, в том числе и от своего ума (Я. Друскин, Вопросы философии, 1994, № 9).

Нужно сказать, что сочетание этого глагола с модальным глаголом *хотеть* употребляется в ситуации обращения внимания адресата на ход мысли говорящего. Модальный смысл дезидеративности в таких высказываниях частично нейтрализуется (*хочу вернуться* к определенной теме беседы, повествования и т.д. = 'возвращаюсь к определенной теме').

Особый тип высказываний составляет сочетание модального глагола 1 л. ед.ч. с ментальными глаголами, эксплицирующими оценку достоверности.

Ср.:

Я же хочу верить в вечность, в вечную огромную силу и в вечный порядок, который будет (В. Шукшин, Верую!).

Такие высказывания, как правило, эксплицируют попытку самоубеждения.

Ср. также:

Я просто хочу верить в порядочного человека: умного, работающего, любящего семью, любящего свою Родину (из телевизионного интервью с актером А. Ильиным).

Ср. также конструкцию:

Я хочу удостовериться, что смогу на вас рассчитывать.

Особую группу составляют высказывания с глаголами *решить/решать, считать*, прямо направленными на достижение конкретного результата действия³⁴ или на определенную деятельность.

Ср.:

Я хочу решить один вопрос, пока вы даете или не даете нам возможность перемещаться во времени и мы пытаемся понять, что такое время вообще и с какой точки зрения, я хочу решить эту проблему (Эхо Москвы, 2.10.2001).

НСВ инфинитива при модальном глаголе, как правило, часто обозначает не конкретное действие, а определенную сферу деятельности. В контексте это значение (деятельности) конкретизируется.

Ср.:

Повторю, я принял предложение армейцев потому, что хочу решать самые высокие задачи. Хочу руководить командой, которая играет в Евролиге и борется за первое место (Новые Известия, 16.06.2005).

Предикат *хочу решать* далее поясняется другим предикатом, конкретизирующим сферу желаемой деятельности, – *хочу руководить*. Выражается стремление к несению большей ответственности, готовность к сложным ситуациям. Похожее употребление находим и в следующем контексте.

Ср.:

Я хочу быть политиком, который имеет решающий голос. Я хочу решать (<www.veneportaal.ee/enciklopedija/politika/irina_didenko.htm>).

В последнем примере эллиптическая конструкция как раз и обобщает главный компонент деятельности – принятие решений.

³⁴ *Решить/решать* – '1. После размышления, обдумывания прийти к какому-либо выводу, заключению относительно чего-либо; назначить, наметить к осуществлению; 2. В результате обсуждения вынести заключение, принять постановление; 3. Найти требующийся ответ, определить искомое' и нек. др. [МАС 1999, т. III: 715], а также и 'подумав, останавливаться на каком-либо намерении' [БАС-1, т. 12: 1283–1287].

Периферию этой группы составляют высказывания с инфинитивами при модальном глаголе, обозначающие конкретное счетное действие – *считать/сосчитать* и производные³⁵. Как правило, в таких высказываниях СВ (*сосчитать*) более употребителен как выражающий идею подсчета.

Ср.:

(1) *Хочу посчитать сколько же мне в среднем приходится платить за минуту разговора* (из интернета, mabila.ua/archive/history/?date=2004-10-08 - 190к).

(2) *Я хочу давно посчитать, сколько человек привлечено к расследованию бесланского дела и сколько человек привлечено к тому, чтобы всех нас пересажать за то, что мы футболом занимались* (Новая газета, № 38, 25.05.2006).

(3) *Хочу сейчас деньги сосчитать.*

(4) – *Я занимаюсь арифметикой, – сказал он. – Хочу сосчитать, сколько тут этих круглых штук, и никак не могу.*

Он сказал это самым жалобным голосом.

– А сколько получается? – спросил Пузырь.

– По-моему, с тысячу (Ю. Самсонов, Максим в стране приключений).

Следует отметить, что в подобном типе высказываний модальный смысл распределен скалярно между желанием и намерением совершить потенциальное действие, выраженное инфинитивом СВ с разной степенью темпоральной дистанцированности от момента речи.

Так, например, высказывание (2) направлено в план неопределенного будущего, компонент *давно* подчеркивает эту неопределенность. В конструкции (3) темпоральный компонент *сейчас*, хотя и выражает момент речи, тем не менее отодвигает действие в непосредственный после момента речи временной план. В высказывании (4) модальный смысл вообще сдвигается в так называемый реальный план деятельности: *хочу сосчитать* здесь обозначает конечную цель деятельности. Все эти наблюдения говорят о том, что модальный смысл дезидеративности (от желаемого замысла к его исполнению) носит скалярный характер. Конечный прагматический смысл таких модальных высказываний зависит не только от лексических и грамматических особенностей, но и от более широкого контекста, как в примере (4).

4. Высказывания о желаниях модального субъекта сконцентрироваться на восприятии (слухе, зрении, воображении и т.д.)

Эти высказывания сообщают о намерении говорящего начать или продолжить потенциальную деятельность по восприятию какого-либо аудиального или визуального явления (музыка, речь, наблюдаемое действие и т.д.).

Ср.:

Хочу послушать музыку.

Ср. также эллиптическое высказывание с локализатором: *Хочу пойти на концерт* (= чтобы послушать музыку)³⁶.

Ср.:

– Кроме классической музыки у Вас есть какие-то музыкальные пристрастия?

– Поп? Нет. Рок? Нет. Какую музыку Вы имеете в виду? Для меня прослушивание

³⁵ *Считать* – '1. Называть числа в последовательном порядке; 2. ... производить арифметические действия с числами' и др. под. [МАС 1999, т. IV: 321–323].

³⁶ См. также высказывания с локализаторами, с. 79, 80, 109.

музыки – это большая эмоциональная работа. Потому **я слушаю только то, что хочу слушать** (журнал «Клео», интервью с Д. Хворостовским, 24.01.2005).

Иногда подобный тип высказываний декларирует отказ от приглашения, ибо, по мнению говорящего, воспринимаемая деятельность не закончена. Это значение усиливается различными показателями периодичности действия (*сначала, потом* и т.п.).

Ср.:

– *Что за срочность?* – недовольно спросил Барбос. – *Еще один шептун. После, молодой человек, после. Сначала я **хочу дослушать профессора**. Где его черти носят?* (Б. Акунин, Левиафан).

То, что деятельность восприятия – сложный процесс, не равный по смыслу одному глаголу, показывает следующий пример.

Ср.:

– *Да ты что,* – махнул рукой Морковин. – *Чтобы в систему войти, нужен допуск. Все терминалы наверху. Это просто контрольный монитор – **хочу посмотреть, что считаем*** (В. Пелевин, Generation П).

Как показывает данный пример, говорящим предполагается более сложное ментальное действие, намерение получить комплексную информацию, хотя первичным здесь является все же зрительное восприятие.

В случаях, когда имеется в виду аудиовизуальная информация, говорящий, как правило, выбирает только один канал.

Ср.:

*Я **хочу смотреть новости**, а мне говорят, что сейчас нужно смотреть кино* (из интервью с Ю. Грымовым, Радио Свобода, 18.02.2003).

Как уже было отмечено выше, глаголы восприятия не обозначают только один вид деятельности, но выступают в комплексе с другими видами познавательных процессов.

Ср.:

(1) – *Подойдите ближе,* – тихо попросила миледи. – *Я **хочу** получше **рассмотреть** ваше лицо, потому что это лицо судьбы. Вы – камешек, встретившийся на моей дороге. Маленький камешек, о который мне суждено было споткнуться* (Б. Акунин, Азазель).

(2) – *Ты что, не хочешь видеть ребенка?* – беззлобно удивилась жена.

– *Ребенка хочу, а тебя – нет* (В. Токарева, Хэппи энд).

В поэтическом контексте установки лирического субъекта могут осложнять ситуацию восприятия; как правило, непосредственное восприятие связано с воображением.

Ср.:

(1) *Дорогая, сядем рядом,
Поглядим в глаза друг другу.*

*Я **хочу** под кротким взглядом
Слушать чувственную вьюгу*

<...> (С. Есенин, Дорогая, сядем рядом...).

(2) <...>

*...Как **хочу** услышать голос
Долгожданный голос твой*

Позвони мне, позвони...

<...> (Р. Рождественский, Позвони мне, позвони).

(3) *Я **увидеть** **хочу***

то, что чувствуешь ты (И. Бродский, Кто к минувшему глух и к грядущему прост...).

(4) ***Хочу кому-нибудь присниться***

**В мундире, в сапогах и в кобуре
Посланцем незапамятной милиции**

И представителем ее серьезных дел (Д. Пригов, Хочу кому-нибудь присниться...)

Ср. также:

...Я хочу видеть горе, хочу видеть несчастных, чтобы сделать их счастливыми, я хочу помогать всем людям, кто нуждается в помощи! – вскричала королева (Л. Чарская, Три слезинки королевы).

Инфинитив СВ в таких конструкциях не эксплицирует видовое различие (хотя словари квалифицируют *видеть/увидеть* как видовую пару). В сочетании с модальным глаголом в форме 1-го лица в предикате происходит сдвиг лексического значения – появляется компонент 'интенсивность действия'.

В нарративных текстах сочетание модального глагола в форме 1-го лица с инфинитивом СВ (*вообразить*), принадлежащего повествователю или рассказчику, приобретает перформативные свойства.

Ср.:

Куда, куда плывут эти щепочки? Очень возможно, что из канавы попадут они в реку, из реки в море, из моря в океан... Я хочу вообразить себе этот длинный, страшный путь, но моя фантазия обрывается, не дойдя до моря (А. Чехов, На страстной неделе).

Весь ход событий излагается, в сущности, дважды: как желаемый рассказчиком или повествователем и как реально предлагаемый читателю.

Воображение неразрывно связано с замыслом, имеющим иногда фантастический характер.

Ср.:

Но видите ли: мне в голову пришла одна фантазия, и я во что бы ни стало ее хочу осуществить. Вот в чем дело (Ф. Достоевский, Записки из подполья).

Связь замысла с реализацией задуманного действия, как общих компонентов деятельности, наглядно показывает следующий пример.

Ср.:

Условная воля есть воплощение наших мыслей и желаний в жизнь. Например, я хочу построить дом – и строю, хочу изобрести какую-либо машину – и изобретаю, хочу осуществить ее – и осуществляю (К. Циолковский, Воля вселенной).

Иногда деятельность, связанная с воображением, описывается даже не одним высказыванием, а макроконтекстом.

Ср.:

Мне теперь хочется рассказать вам, господа, желается или не желается вам это слышать, почему я даже и насекомым не сумел сделаться. Скажу вам торжественно, что я много раз хотел сделаться насекомым (Ф. Достоевский, Записки из подполья).

Форма прошедшего времени ед. ч. глагола *хотеть* указывает на нарративный текст.

На границе действий, связанных с процессом воображения и вербальных действий находятся высказывания с глаголами *сочинить*, *придумать* и т.д. Подразумевается семантический компонент 'обдуманность действия'³⁷.

³⁷ *Сочинить* – '1. Создать какое-либо произведение (литературное или музыкальное); составить текст чего-либо, написать; 2. Придумать' [МАС 1999, т. IV: 215].

Ср.:

Хочу сочинить какую-нибудь историю, чтобы отвлечь ее внимание.

Стремление придумать несуществующие ситуации.

Ср. также:

Стихи чего-то не пишутся. Я хотел сочинить хороший стих про убийцу, который строил дом, чтоб в этом стихе, несмотря на сухой тон, слышался гимн труду, но стишок куцый (С. Довлатов, Армейские письма к отцу).

Стремление близкое к перформативному может передаваться предикатом *хочу загадать желание*.

Ср.:

– *Я жду, когда с неба упадет звезда....*

– *А зачем тебе?*

– *Я хочу загадать желание, неужели не понятно?*

– *Понятно, а какое?*

– *Нет, ты что, говорить нельзя, а то не сбудется....*

– *А я тоже могу загадать желание?*

– *Можешь, наверное... (в голосе мальчика слышалось сомнение, мол, девчонкам это не дано)*

– *Тогда посижу еще...ой, смотри скорее!*

И девочка стала энергично показывать пальчиком на небо (М. Дрозжина, Простая история).

Стремление к формулировке желаемого, того, к чему субъект внутренне устремлен.

5. Высказывания о желаемых вербальных действиях (потенциальные и перформативные действия)

Общая функция перформативных высказываний – обратить внимание воспринимающего текст на намерение говорящего и его слова и действия.

Общая функция неперформативных высказываний – декларировать о возможных потенциальных желаниях (как реализуемых, так и проблематичных) говорящего.

Ср.:

1. *Хочу говорить по-французски* (= умею говорить, выражаю такое желание и реализую его).

2. *Хочу говорить по-французски* (= мечта).

Речевая деятельность, как известно, может быть, с одной стороны, выражением эмоционально-психологического состояния, с другой же – деятельностью, опосредованной разумом и волей, т.е. когда происходит отбор порождаемой информации с целью определенного взаимодействия с адресатом.

Процесс речевой деятельности не имеет однозначного характера, он может зависеть от различных обстоятельств и причин. К предикатам вербального действия относятся такие, в которых говорящий субъект акцентирует стремление выразить что-либо с помощью речевого действия.

Ср.:

(1) *В нашем равнодушном веке любопытных и страстных людей немного; но около 10 лет тому назад случился один такой чудак в Петербурге, и судьба, как нарочно, поставила его перед непонятной женщиной, которой историю я хочу вам рассказать* (М. Лермонтов, Я хочу рассказать вам).

(2) Она быстро повернулась от окна и села в кресла.

– Садитесь и вы, пожалуйста. Нам недолго быть вместе, и я **хочу говорить все, что мне угодно...** Почему бы и вам не говорить все, что вам угодно? (Ф. Достоевский, Бесы).

Хочу говорить (= говорю), *хочу рассказать* (= рассказываю).

Конструкции с такими глаголами всегда подразумевают употребление в диалогической речи.

Ср. также:

(1) **Хочу говорить только о том, что созрело у меня в душе** (из интернета, <www.zavet.ru/obs/ts/003.htm - 27k>).

(2) **Сегодня я хочу поговорить с вами о пиратстве и музыке** (из интернета, <www.rmmusic.ru/showthread.php?t=26079 - 43k>).

Контексты демонстрируют экспликацию намерения субъекта совершить речевое действие. При этом форма НСВ инфинитива (*хочу говорить*) указывает на регулярность вектора речевого действия, *хочу (собираюсь) поговорить* на предельность потенциальной беседы (после того как тема будет для участников беседы исчерпана).

Иногда желаемое действие эксплицируется как мотив для действия другого субъекта. В этом случае модальный смысл дезидеративности сближается с модальным смыслом необходимости, надобности. Модальности необходимости и надобности всегда мотивируются. Этим и обусловлена близость модальных смыслов.

Ср.:

*Позвоните мне, я **хочу поговорить с вами.***

Ср. также:

*Преступник знал, что ученый первым делом кинется к себе в каюту спасать свои бумажки... то есть я **хочу сказать, свои рукописи.*** (Б. Акунин, Левиафан).

Сказать здесь по своему значению тяготеет к глаголу *обмолвиться*, т.е. рассматриваемый нами предикат, служит «мостом» между истинным мнением говорящего и его поправкой в сторону большей деликатности.

Ср. также поэтический контекст:

А смертным власть дана любить и узнавать,

Для них и звук в персты прольется,

*Но я забыл, что я **хочу сказать,***

И мысль бесплотная в чертог теней вернется (О. Мандельштам, Ласточка).

Употребление предиката *хочу доложить* для экспликации намерения сообщить что-либо кому-либо можно проследить на следующих примерах.

Ср.:

(1) – *Видите ли, – объяснился он наконец. – Я, Варвара Алексеевна, балуюсь подчас... то есть я **хочу доложить** вам, что я почти и все балуюсь и всегда балуюсь... Придерживаюсь того, что нехорошо... то есть, знаете, так на дворе такие холода бывают, также иногда неприятности бывают разные, или там как-нибудь грустно сделается, или что-нибудь из нехорошего случится, так я и не удержусь подчас, и забалуюсь, и выпью иногда лишнее* (Ф. Достоевский, Бедные люди).

(2) *Я **хочу доложить** вам, опираясь на официальную статистику, что в годы войны советская автомобильная промышленность выпустила 205 тысяч автомобилей любых типов, из них 150 тысяч поступило в Красную Армию, а по ленд-лизу мы получили 401 тысячу автомобилей от союзников. Машин «ЗИС-5» было сделано 63 тысячи. А армейских пехотных грузовиков повышенной проходимости мы получили 150 тысяч. Так что...* (Эхо Москвы, 7.05.2005).

(3) – **Хочу доложить**, Нонна Викторовна: подъезд ваш проверил, состояние вполне приличное. Можно приглашать президента, не стыдно (из интервью с Н. Мордюковой; Аргументы и факты, № 14, 6.04.2005).

Предикат *хочу поделиться* может указывать на стремление выйти на откровенный разговор.

Ср.:

– Теперь запомни, – сказал он тихо. – Пока ты здесь работаешь, ходишь ты подо мной. По всем понятиям так. Поэтому из калькуляции выходит, что одна тонна грин моя. Или ты на чистый базар выйти хочешь? – Да я... Я с удовольствием, – ошарашенно пролепетал Татарский. – То есть я как раз не хочу... То есть **хочу**. Я сам **поделиться хотел**, только не знал, как разговор завести (В. Пелевин, Generation П).

Выражение намерения осуществить письменное речевое действие можно проследить на следующих примерах.

Ср. конструкцию:

Хочу написать книгу/комментарий/статью и т.д.

Стремление выразить себя в форме зафиксированного речевого акта.

Ср. также:

– У меня есть повесть «Компромисс». **Хочу написать продолжение** (С. Довлатов, Соло на ундервуде).

Синтез ментального и вербального действий отчетливо проявляется при экспликации намерения, передаваемого предикатом *хочу обсудить*³⁸.

Ср. конструкцию:

Хочу обсудить с тобой одну вещь.

Ср. также:

*Все творчество Михаила Наумовича протекает в жанре философского эссе, которое по самой своей природе обязано откликаться на самые болезненные вопросы современности. **Одну из таких работ Михаила Эпштейна я хочу обсудить** в сегодняшней программе* (Радио Свобода, 17.08.99).

Перформативное употребление предиката дезидеративных конструкций можно пронаблюдать на следующих примерах.

Ср.:

(1) *Хочу возразить* (= возражаю).

(2) *...Но я **хочу возразить** Борису и немножко продолжит его мысль* (Радио Свобода, 07.03.2005).

(3) **Предупредить хочу**. Он к вам нынче сам собирался быть, хочет лично допросить (Б. Акунин, Азazelь).

(4) *Кстати, я **хочу** вам пожаловаться на здешние порядки* (Л. Андреев, Мысль).

Как показывают наблюдения, перформативное значение появляется там, где к модальному глаголу в форме 1-го л. ед.ч. примыкает инфинитив СВ глаголов речи, речевого или этикетного поведения (*возразить, предупредить, спросить, попроситься* и т.д.).

Ср. также:

(1) *Я всего лишь **хочу расспросить** вас о Каннингеме* (Б. Акунин, Азazelь).

(2) *И потом, давно **спросить хочу**, что это за халтура?* (В. Пелевин, Generation П).

Здесь *спросить* может тяготеть к лексемам *сказать, прокомментировать*, поскольку в высказывании встречается оценочная лексема *халтура*.

³⁸ *Обсудить* – 'всесторонне рассмотреть, обдумать, делаясь своими мнениями, соображениями' [МАС 1999, т. II: 570].

Ср. также:

Хочу спросить, как ты относишься к самовнушению?

Стремление узнать информацию, мнение у другого лица.

Вербальное действие как яркое проявление дезидеративного значения можно пронаблюдать на следующих примерах.

Ср.:

(1) *Уважаемые депутаты, я **хочу выступить в защиту** двух принципиальных положений, которые стали основой проекта повестки дня, составленного группой московских депутатов в результате длительной работы. Этот проект был поддержан также рядом депутатов страны (А. Сахаров. Горький, Москва, далее везде...).*

(2) ***Хочу выступить с критикой** статьи*

(Из интернета, <www.overclockers.ru/lab/15505.shtml>).

(3) *Я **хочу выступить в поддержку** резолюции 293, призывающей к проведению свободных и справедливых президентских выборов в Республике Казахстан (из интернета, <forumkz.addr.com/2005/news_30_11_1_05.htm>).*

Инфинитивный компонент предиката вместе с указанием объекта деятельности сдвигает высказывание в план активной ментально-вербальной деятельности³⁹. Предикат служит для передачи экспликации намерения (осуществить публичное речевое действие), имеющего целью воздействовать на ход развития событий. В сущности, потенциальный план высказывания стирается, приобретая перформативное значение (*хочу выступить* = *выступаю*).

Конструкции *Хочу выступить в поддержку/в защиту/с критикой* характерны для разных сфер дискурса (политической, научной, научно-популярной, официально-деловой и т.д.; они характерны как для устной коммуникации, так и для письменной (публицистический дискурс)). Подобный способ выражения социальной, профессиональной и др. позиции можно назвать языковым клише.

Стремление выразить свое недовольство, намерение воздействовать на поведение другого лица, реакцию на чье-то действие или на результат деятельности можно пронаблюдать на следующем примере:

***Хочу поругать за массу ошибок**, допущенных в статье (из интернета, shum.msk.afisha.ru/forum/?id=78858&page=2 - 71k).*

Намеренное стремление не излагать реальные факты или не оперировать ими также можно отнести к ментально-вербальным актам.

Ср.:

*А если я **хочу соврать**, тогда что? По крайней мере я не из-под палки вру, не из того, что я обязан врать, а просто хочу (Петербургский театральный журнал, № 29, февраль 2002).*

Часто (если не всегда) в поэтическом тексте семантика модальных предикатов видоизменяется по сравнению с разговорной речью (ср. вышеприведенный пример со стилизацией под разговорную речь и следующий пример).

³⁹ *Выступить*₅ – 'Предстать перед публикой, аудиторией с каким-либо сообщением, заявлением или в качестве исполнителя чего-либо' [МАС 1981–1984, т. I: 284].

Ср.:

Хочу соврать и не совру,

как ни мучительна мне правда.

Боюсь, что он влюблен в сестру

стихи слагающего брата (Б. Ахмадулина, Дачный роман).

Выделяемый тип дезидеративных предикатов находится на периферии интересубъектных и вербальных действий. Такие предикаты часто могут предполагать, наряду с вербальными средствами, еще и жестикуляцию.

Ср. конструкцию:

Хочу поздороваться/попрощаться.

Ср. также:

Я хочу поздороваться с радиослушателями, здравствуйте (из различных радиопрограмм: Эхо Москвы, Радио Свобода, Радио 4 (Эстонское радио на русском языке).

Ср. также:

Я просто заранее хочу с Вами попрощаться и пожелать Вам творческих успехов (Эхо Москвы, из интервью 22.07.2001).

Нейтральное, собственно этикетное употребление. Может выступать как знак окончания беседы.

К этикетным высказываниям можно отнести и такие, в которых встречается предикат *хочу поздравить*⁴⁰.

Ср. также пример из художественного текста со стилизацией под разговорную речь:

– Я тебя все поздравить хочу, – сказал он. Этот твой материал про Березовского с Радуевым – лучший компромат за всю осень. Реально (В. Пелевин, Generation П).

6. Высказывания о планах, намерениях, замыслах модального субъекта заняться определенной деятельностью, комплексной по своему характеру

Комплексная деятельность подразумевает целый ряд разнородных действий – как физических, так и ментальных. Как правило, эти высказывания направлены в отдаленное будущее. Комплексное действие (деятельность) дистанцирована от момента речи. Вид глагола примыкающего инфинитива не релевантен для этого типа высказываний. Следует отметить, что наиболее частотны высказывания о намерениях совершенствовать свою профессиональную деятельность.

Ср.:

(1) *Хочу учить/выучить/подучить английский.*

(2) *Хочу учиться на художника.*

Ср. также с различными локализаторами (в том числе и темпоральными):

(1) *Хочу учиться в США /Франции/России.*

(2) *Хочу учиться еще год/хочу проучиться еще семестр.*

(3) *Хочу поступить в университет.*

Сфера распространения – интервью, ответы на обыденные вопросы и т.д.

⁴⁰ *Поздравлять* - 'Приветствовать кого-либо по случаю чего-нибудь радостного, приятного (дня рождения, юбилея, успеха и т.п.)' [МАС 1999, т. III: 238], [БАС-1, т. 10: 779]. Выделяется и такое значение с пометой *разг.* выражение 'иронического или шутливое сочувствия при неудаче, неприятности и т.п.' [Там же].

Ср.:

Очень хочу выступить с Володей Юровским, которого мне хвалят (из интервью с Н. Гутман, <www.peoples.ru/art/music/classical/gutman/>).

Ср. также:

Я хочу выступить не только с новой программой. Я хочу, чтобы публика меня узнала (Эхо Москвы, 22.04.2000).

Ср. также конструкции, заимствованные из различных спортивных программ на НТВ:

Я хочу выступить лучше, чтобы закрепиться на втором месте в чемпионате.

“Ср. также:

Я хочу выступить в сильной команде.

Интересно также отметить, что, наряду с декларацией замысла или намерения все эти высказывания отражают и стремление говорящего субъекта к идеалу, по его мнению, вполне достижимому.

Как уже было отмечено выше, среда обитания подобных высказываний – публицистический дискурс. Поэтому дальнейшие примеры связаны с отображением будущей деятельности публичных людей (известных музыкантов, певцов, танцоров, артистов, спортсменов, реже – политиков).

Ср.:

Снова хочу вернуться к Россини – хочу спеть «Итальянку в Алжире» (Смена, 23.11.2001, из интервью с О. Бородиной).

Ср. также распространенные в многочисленных интервью конструкции:

(1) *Хочу спеть на «Евровидении»/Хочу петь в Ла-Скала.*

(2) *Давно хочу выучить и сыграть Второй концерт Шнитке, концерт-симфонию Бриттена, его же вторую и третью сюиты для виолончели соло* (из интервью с Н. Гутман, <www.peoples.ru/art/music/classical/gutman/>).

(3) – *Для меня сейчас сборная команда важнее всего. Хочу сыграть на чемпионате мира в Германии, а преградой на этом пути пока является Бельгия* (из интернета, koroman-kc.narod.ru/interviu22november2004.htm).

7. Высказывания, фиксирующие и потенциально «закрепляющие» волю модального субъекта

Семантическим ядром подобного типа высказываний является наличие предиката *хочу завещать*. Интересно отметить, что глагол *завещать* выражает как бы «вечную» волю⁴¹ субъекта: даже после смерти субъекта, его воля продолжает действовать. Сочетание с глаголом *хочу* придает высказыванию двойной смысл. В первом случае – это декларирование потенциальных действий любому адресату (как желание написать завещание), во втором случае – это так называемое перформативное действие (обращение к профессионалу: юристу, нотариусу), которое менее дистанцировано и связано с непосредственными дальнейшими действиями по написанию завещания.

⁴¹ Глагол *завещать*, а также и существительное *завещание*, согласно данным словарей, является «предсмертной волей» [МАС 1999, т. I: 502], [БАС-1, т. 4: 294–295] т.е., можно сказать, что понятие само по себе содержит сему желания. Как представляется автору этих строк, завещание – не только 'предсмертная воля', но и 'воля после смерти', так как подразумевается, что все завещания обязательны к исполнению. В этом их не только дезидеративный модальный смысл, но и императивный для тех, кто будет выполнять завещаемые действия.

Ср.:

(1) *Хочу завещать, чтобы меня кремировали, а прах развеяли* (из интернета, <www.evil.undertaker.ru/archive/index.php?t-176.html>).

(2) *Хочу завещать мой скелет в академию, но с тем, с тем, однако, чтобы на лбу его был наклеен навеки веков ярлык со словами: «раскаявшийся вольнодумец». Вот-с!* (Ф. Достоевский, Бесы).

(3) *В данный момент хочу завещать дом и землю своей дочери, проживающей в городе* (Аргументы и факты, № 18, 19.09. 2002).

(4) – *Я старый человек. Прожил долгую творческую жизнь. У меня сохранились богатейшие архивы. Я хочу завещать их тебе. Там есть уникальные материалы. Переписка с Мейерхольдом, Толубеевым, Шостаковичем* (С. Довлатов, Соло на ундервуде).

8. Высказывания, сигнализирующие о потенциальном желании модального субъекта осуществить движение, перемещение

Глагол *хотеть* избирательно соотносится с разными семантическим группами глаголов движения.

Цель данной рубрики – не скрупулезно демонстрировать различные высказывания с модальным глаголом и инфинитивами различных по типу глаголов движения, а показать наиболее яркие ориентиры, модели, по которым строится подобный тип высказываний.

Желание или намерение говорящего субъекта, выражаемое конструкцией 'хочу + инфинитив глагола движения', могут обозначать совершенно разные фазы деятельности по перемещению в пространстве.

Ср. конструкции:

(1) Ср.:

– *Куда идешь?*

– *Хочу сбегать в магазин.*

(2) *Хочу бежать быстрее, а не могу.*

(3) *Хочу пробежать на лыжах 30 километров.*

(4) *Надоело бегать по утрам. Хочу бегать не по ненастным утрам, а по удобному тренажеру дома* (из интернета, <www.women.ru/s.php/805.htm>).

Как следует из вышеприведенных примеров, подобный тип высказываний обозначает разные стадии перемещения в желаемом пространстве. В примерах (1), (2) говорящий субъект уже приступил к исполнению желаемого или запланированного действия. Нужно сказать, что модальный смысл этих высказываний сдвигается в сторону реализации намерения. В других примерах – (3), (4) – модальный смысл сдвигается к оценочному.

Приставочные дериваты, образованные от глаголов движения в сочетании с *хочу*, могут передавать значение цели перемещения (туда и обратно). Они выступают как начало реализации принятого к исполнению плана. См. вышеприведенные конструкции. (1), (3).

“Ср. также:

Я к ним пришел, мол, хочу по реке Нигер проплыть на пироге, увидеть красоты, побывать в Томбукту... (Вик. Ерофеев, Пять рек жизни).

Стремление осуществить путешествие на определенном виде транспорта, а также по конкретным местам.

Ср. также:

«...*Завтра хочу улететь пораньше, как договорился с вами*». – «Завтра?» – «Завтра» (Н. Хрущев, Воспоминания).

Предикаты желания в сочетании с глаголами движения и их дериватами обозначают бенефактивное стремление субъекта, что также может быть выражено и в поэтическом дискурсе.

Ср.:

Вдоль Бренты счастливой хочу я плыть в гондоле... (Е. Растопчина, Италия).

В поэтическом тексте глаголы движения часто носят индивидуально-авторский метафорический смысл. Дело в том, что они употребляются не в переносном значении, а в сложном переплетении стилистических и семантических составляющих всего текста. При этом сложность текста создает амальгаму дезидеративного и оптативного модальных смыслов. Особенно такая принципиальная спаянность достигается при употреблении с модальным глаголом инфинитива НСВ в значении многократной повторяемости действия.

Ср. также:

<...>

Хочу летать я белой чайкой по утрам.

И не дышать над Вашим чудом, Монферран

<...> (А. Розенбаум, Налетела грусть).

Ср. также:

Я не хочу исчезать. Я хочу перейти в какую-то другую субстанцию, в дерево, или подойдет какая-то косуля, будет есть... Я не хочу, чтобы какая-то точка была поставлена после нашей жизни, хотя мы физически уже исчезнем, но дух – я верю, что он проникает и сто лет, и как-то переходит, может, в лес, может – в угол какого-то дома (из интервью с Э. Некрошюсом, Радио Свобода, 17.02.2004).

В экспрессивных конструкциях потенциальное действие, выраженное глаголом *бежать* с указанием только одной отправной точки, выражает эскапическое значение. Это значение усиливается повтором модального глагола и восклицательной интонацией, распространяющейся на все высказывание.

Ср. пример из художественного текста со стилизацией под разговорную речь:

Я хочу, я хочу бежать из дому! – вскричала она, и опять глаза ее засверкали: – *если вы не согласитесь, так я выйду замуж за Гаврилу Ардалионовича. Я не хочу, чтобы меня дома мерзкою женщиной почитали и обвиняли бог знает в чем* (Ф. Достоевский, Идиот).

Предикат *хочу сбежать* указывает на неудовлетворенность настоящим положением⁴².

Ср.:

Хочу сбежать от всех за высокий забор (из интервью с А. Домогаровым, <www.kultura-portal.ru/tree/culpaper/article.jsp?number=628&rubric_id=210>).

Ср. также:

Я хочу сбежать от жены (Д. Власенко, Жена).

Стремление к занятию определенным родом деятельности, связанным с движением, перемещением может также передаваться конструкцией 'хочу + инфинитив глагола движения'.

⁴² *Сбежать* – 'убегать, уходить тайком' [БАС-1, т. 13: 214–215].

9. Стремление/намерение модального субъекта осуществить социативное действие

Подобный тип высказываний эксплицирует декларацию говорящим социативного желаемого действия. Потенциальное модальное действие планируется в расчете и на другого субъекта. При этом склонность другого субъекта совершать или не совершать действие никак не отмечается. Фактически, это высказывание о склонностях говорящего. Это могут быть разные (по сфере исполнения) семантические типы. Например, целью является межличностный контакт.

Ср. конструкцию:

Я хочу встретиться с тобой завтра.

К этому типу высказываний относятся все дальнейшие модификации этой модели.

Ср. ситуацию знакомства:

– *Я хочу представить тебя своему начальству, – сказал Морковин, запирая машину. – Веди себя естественно. Но не говори лишнего* (В. Пелевин, Generation П).

Дезидеративные высказывания с потенциальным интересубъектным действием чаще всего употребляются в публицистическом дискурсе, где эксплицируется информация о возможных наградах и поощрениях. Семантическое ядро таких ситуаций – сочетание глагола *хотеть* в форме 1-го лица ед.ч. в сочетании с глаголами *вручить/вручать*, *наградить/наградить* и т.п. Чаще всего вручают медали, призы, грамоты, дипломы, подарки и т.д., т.е. любой предмет, который может выступать в качестве объекта поощрения или благодарности.

Ср.:

Михаил Саакашвили: <...>Я хочу объявить, что президент США Джордж Буш стал первым обладателем ордена Святого Георгия за вклад в укрепление независимости и демократии в Грузии, за его особый вклад в борьбу за демократию на всей постсоветской территории и на Ближнем Востоке. Я хочу от вашего имени вручить ему этот орден (Время и мир, Радио Свобода, 10.05.2005).

Интересно отметить, что одна из семантических составляющих глагола *вручить*, т.е. 'передать в другие руки', – в поэтическом тексте актуализуется и служит основанием для усложнения семантики.

Ср.:

*Я, мать божия, ныне с молитвою
Пред твоим образом, ярким сиянием,
Не о спасении, не перед битвою,
Не с благодарностью иль покаянием,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника в свете безродного;
Но я вручить хочу деву невинную*

Теплой заступнице мира холодного (М. Лермонтов, Молитва).

Можно сказать, что, с одной стороны, сочетание модального глагола с инфинитивами этой семантической группы интенсифицирует модальное стремление. С другой стороны, – это всегда высказывания с имплицитной оценкой бенефактивности, что частично тоже интенсифицирует модальное стремление субъекта, но уже с другой мотивацией. Если перевести подобный тип высказываний в план логического суждения, то следует сказать, что эти высказывания обладают дескриптивно оценочной характеристикой. Это положение дел достаточно наглядно прослеживается на целом ряде конструкций.

Ср.:

(1) *Хочу дать тебе почитать интересную книгу.*

(2) *Хочу дать детям хорошее образование.*

(3) *Хочу дать вам полезный совет.*

В дезидеративных высказываниях, где употребляется антонимичный глагол *получить/получать*, такая многослойность модального смысла частично утрачивается: субъект дезидеративного действия является и субъектом бенефактивной оценки.

Ср. конструкции:

Хочу получить деньги/хочу получить свои деньги и т.д.

Глагол *передать* со значением 'отдать в чье-либо распоряжение кого-либо' в сочетании с модальной частью предиката сдвигает высказывание в конкретный физический план. Очень часто в широком контексте ситуация передачи физического лица сочетается с негативной оценкой.

Ср.:

– *Я вижу, что боится чего-то мудрый Анна*, – сказал Иуда, допущенный наконец к первосвященнику. – *Я довольно силен, чтобы ничего не бояться*, – надменно ответил Анна, и Искарriot раболепно поклонился, простирая руки. – *Чего ты хочешь?* – *Я хочу предать вам Назарея.* – *Он нам не нужен* (Л. Андреев, Иуда Искарriot).

Негативная оценка «отсутствие пользы», «отсутствие необходимости» (*Он нам не нужен*) интенсифицирует модальное стремление говорящего субъекта.

По интересубъектным модальным схемам часто строятся конструкции, широко употребляемые в сфере торговых и деловых отношений.

Ср.:

(1) *Так вот, давайте менять квартиру. С чего мы начинаем? Я хочу поменять квартиру. Предположим, у меня есть квартира в одном районе, я хочу поменять квартиру, одну на одну, но мне нужно больше. Значит, я готов доплатить, если это полагается* (Эхо Москвы, 15.11.2001).

(2) – *Я хочу купить вот эту работу. Назовите цену* (С. Довлатов, Соло на IBM).

Ср. также конверсивы:

Хочу продать/купить автомобиль.

Рассмотрим также переносное употребление данного предиката в значении: 'склонить на свою сторону, расположить в свою пользу'. Это переносное значение как раз и актуализирует оценочный компонент в семантике данного типа глаголов.

Ср.:

[Анджело:] *Ну, я подумаю. Придите завтра.*

[Изабелла:] *Постойте, я хочу вас подкупить!*

[Анджело:] *Как? Подкупить меня?*

[Изабелла:] *Дарами, что разделит с вами небо* (У. Шекспир, Мера за меру, пер. Т. Щепкиной-Куперник).

Употребление высказываний с сочетанием модального глагола 1-го л. ед.ч. и инфинитива бенефактивного глагола *благодарить/поблагодарить* обладает перформативным смыслом в полноценной коммуникативной ситуации: когда адресат присутствует. В других случаях высказывание остается в стадии замысла.

Ср.:

Кстати уж хочу поблагодарить мсье русского дипломата, который, сам того не ведая, некоторыми своими замечаниями и вопросами помог мне выйти на правильный путь (Б. Акунин, Левиафан).

В поэтическом контексте перформативная функция может быть направлена на условный предмет, который имеет для лирического субъекта символический, знаковый смысл.

Ср.:

*Как я хочу благодарить свечу,
любимый свет ее предать огласке
и предоставить
неусыпной ласке
эпитетов! Но я опять молчу*
<...> (Б. Ахмадулина, Ночь).

Регулярным способом языкового представления такого дезидеративного смысла является употребление предельных глаголов НСВ и СВ, так как действие обычно подразумевает ситуацию достижения предела.

Экспликацию стремления к перемене взаимоотношений между субъектами можно проиллюстрировать следующим примером:

Ср.:

Я хочу помириться с дочерью.

Стремление говорящего субъекта осуществить социативное действие можно также назвать интерсубъектной психологической схемой. Указание на совместного субъекта действия *с тобой/с ним* хорошо иллюстрируют следующие примеры с инфинитивами СВ (*играть/сыграть, танцевать/станцевать*).

Ср.:

- (1) *Хочу станцевать этот танец с тобой.*
- (2) *Хочу сыграть с тобой в шахматы.*
- (3) *Хочу играть в хорошей спортивной команде.*

Сфера функционирования подобного типа высказываний – игровая или творческая деятельность.

10. Желание модального субъекта осуществить физическое действие, направленное на изменение структуры объекта

Подобный тип высказываний употребляется в обыденной речи, прежде всего в диалогах, когда говорящий пытается объяснить свои действия в момент речи или в ближайшем будущем. Эти обыденные действия являются узуальными. Общий логический смысл подобных высказываний – декларация говорящего о намерении изменить, преобразовать исходное «неудовлетворительное» состояние объекта. Эта деятельность также может быть названа бенефактивной деятельностью, т.е. представляющей выгоду и пользу для субъекта действия, одновременно являющегося и говорящим. Данный тип конструкций сопоставим со способом выражения уверенности: *буду мыть, буду красить* и т.д. По мнению автора этих строк, это не просто аналитическая форма будущего времени, но, прежде всего, модальная форма. Глагол *быть* в таких конструкциях выражает модальный смысл – интенсивного потенциального действия. Кроме того, здесь отчетливо проявляется семантический компонент 'намерение', который также сопоставим с модальным смыслом необходимости. Действие, эксплицированное намерением, может быть направлено на создание нового облика или качества объекта.

Ср. конструкции:

- (1) *Я хочу помыть посуду.*
- (2) *Хочу покрасить стену.*
- (3) *Хочу разрезать кусок мяса пополам.*

Дезидеративные высказывания с глаголом *найти* отображают не конкретные действия, а всю ситуацию поиска.

Ср. конструкцию:

Хочу найти кого/что-либо.

В этом случае состояние действенной воли распространяется на всю ситуацию: намерение осуществить комплексные действия с запланированным результатом.

Намерение, направленное на изменение облика, создание нового объекта может носить характер и инволютивного состояния. В этом случае *хочу* можно сопоставить с *хочется*.

Ср.:

- (1) *Хочу сшить себе модные брюки/Мне хочется сшить себе модные брюки.*
- (2) *Хочу построить дом у моря.*

Глаголы ущербного, «разрушительного» действия сами по себе требуют интенсивности действия, направленного на изменение структуры объекта. Поэтому сочетание с интенциональным глаголом *хотеть* требуют от субъекта мотивированности (эксплицитной или имплицитной) желаемого действия, чтобы ситуация не выглядела аномальной.

Ср.:

- (1) ***Хочу разрушить стену, чтобы перестроить квартиру.***
- (2) ***Хочу сжечь эти бумаги (чтобы был порядок).***
- (3) ***Хочу уничтожить эти ненужные письма.***

Отличие данного типа высказываний (ущерб для артефакта) от высказываний о причинении ущерба для другого субъекта, рассматриваемых в пункте 11, заключается в эксплицировании бенефактивной оценки не только для говорящего, но и для всей ситуации в целом.

В поэтическом контексте подобного рода значения могут выступать как передача динамики внутреннего состояния лирического субъекта.

Ср.:

*Я устал от нежных снов,
От восторгов этих цельных
Гармонических пиров
И напевов колыбельных.
Я хочу порвать лазурь
Успокоенных мечтаний...* (К. Бальмонт, Кинжальные слова)

Ср. также:

Хочу одежды с тебя сорвать! (К. Бальмонт, Хочу!)

Следующий фрагмент текста можно рассматривать как переход к модальности императивности (*Хочу, чтобы он сделал что-либо*).

Ср.:

*[Элегина:] А мне не сделать уж ревнивым своего,
Так я хочу его заставить рассердиться,
Чтоб он хоть раз узнал, как весело мириться* (А. Грибоедов, Притворная неверность).

11. Высказывания о желаниях причинения ущерба другому субъекту

Данный тип высказываний связан с намерениями или желаниями причинения ущерба (вплоть до полного уничтожения) другому субъекту, участвующему в коммуникации, или одушевленному объекту (животному). От предыдущего типа высказываний данный тип отличается сознательно злонамеренными действиями модального субъекта.

Ср.:

(1) *Ты просто неумная женщина. Таких много было. Много есть и сейчас. Просто неумная, ничтожная, даже невинная, как все, кто ничтожен. И если я **хочу убить тебя**, то ты не гордись этим, не думай, что ты особенная, достойная моего гнева. Нет. Просто мне будет немного легче* (Л. Андреев, Савва).

(2) *Я **хочу застрелить ястреба**, сидящего у куста с голубкою в когтях; стреляю – и убиваю спавшего в кусте том человека* (В. Нарезный, Российский Жилблаз).

(3) *[Первая придворная дама:] Эта дама и есть та баронесса, которую вы назвали свиньей и хотите зарезать. [Генрих:] Ничего подобного, вот свинья, которую я назвал Баронессой и **хочу зарезать*** (Е. Шварц, Голый король).

(4) *[Надя:] Куда, куда ты идешь? Простудишься!*

[Ипполит:] Оставьте меня!

[Женя Лукашин:] Не уходите, я прошу вас, не уходите! Оставайтесь!

*[Ипполит:] Уберите руки! Может быть, я **хочу простудиться и умереть** (к/ф Ирония судьбы, или С легким паром).*

(5) *Я послал фирме письмо, сообщая, что **хочу застрелиться**, и предложил снять аппаратом момент самоубийства за двадцать тысяч. Они могут вставить мою смерть в какую-нибудь картину. Почему не так, Бутс? Ведь я все равно убил бы себя; жить, стиснув зубы, мне надоело* (А. Грин, Как я умирал на экране).

12. Высказывания о желании модального субъекта изменить свой эмоциональный мир (оценки, эмоциональные отношения и состояния субъекта)

Сочетание 1-го лица ед.ч. модального предиката *хотеть* и глаголов эскапического действия (*спрятаться, скрыться, таиться/утаиться, уединиться* и др.) в поэтическом тексте часто используются для выражения установок лирического субъекта.

Ср. высказывание о желаемом эмоциональном отношении субъекта с реализацией такого замысла:

(1) – *Норберт, – вспоминала Эля.*

– *Какое замечательное имя. Вы его любите?*

– *Что значит «любите»? – притворно не понимала Эля. – **Хочу любить** и люблю* (В. Токарева, Хэппи энд).

(2) ***Хочу рассердиться** и не могу. А надо, чтобы жить дальше.*

(3) *Я **хочу порадоваться за представителя «Хэндей», за «Хэндэй» тоже, за наших корейских товарищей**, которые помогли нам все-таки поехать на хороших автомобилях, с одной стороны* (Эхо Москвы, 22.01.2005).

(4) *Хочу порадоваться за шахтеров, которые были спасены в Кузбассе* (В. Путин, Российская газета, 20.06.05).

Ср. высказывания с эскапическими настроениями лирического субъекта:

...Когда, людей вблизи увидя

В пустыню скрыться я хочу,

Их слабый глас возненавидя, –

Тогда, забывшись, я лечу

Не в светлый край, где небо блещет

Неизъяснимой синевою,

Где море теплою волной

На пожелтый мрамор плещет,

И лавр и темный кипарис

На воле пышно разрослись...

<...>

...Стремлюсь привычною мечтою

К студеным северным волнам

<...> (А. Пушкин, Когда порой воспоминашь...).

Необходимо отметить, что в таких дезидеративных контекстах к глаголам эмоционального отношения по смыслу примыкают и глаголы эскапического действия.

Так, например, предикат *хочу грустить* может декларировать нежелание вступать во взаимодействие с окружающим миром, внешней средой, другим субъектом и т.д. Таким образом говорящим выражается стремление сосредоточиться на своем внутреннем состоянии. Такое положение дел можно назвать рефлексивным желанием (близким к оптативу): стремление, настрой на состояние, противоположное радости.

Ср.:

(1) <...>

...как призрак я лечу

В далекий край: печали я ищу;

Хочу грустить, но лишь не пред тобой. –

Ты можешь жить, не слыша голос мой;

Из всех блаженств, отнятых у меня,

Осталось мне одно: видать тебя... (М. Лермонтов, Прости, мой друг!).

(2) *Прощай, родная пуща*

Прости, златой родник.

<...>

Сияй ты, день погожий,

А я хочу грустить...

<...> (С. Есенин, Прощай, родная пуща...).

(3) *Деревья прянули от моря,*

Как я хочу бежать от горя –

Хочу бежать, но не могу,

Ведь корни держат на бегу (Д. Самойлов, Пярнуские элегии).

(4) *Хочу просыпаться посреди ночи и думать, вспоминать бывшую жену. Хочу грустить, хочу злиться, хочу не обращать внимания на Марину* (Д. Власенко, Марина).

13. Высказывания с локативными предикатами с общим модальным смыслом 'стремление попасть в определенное пространство'

Сочетание модального и локативного компонентов в предикате характеризует большую группу высказываний с общим модальным смыслом 'желания'/стремления попасть в определенное пространство'. Отсутствие инфинитивного компонента в предикате увеличивает силу экспрессивности высказывания. Экспрессивность создается за счет синтаксического развертывания. Такие конструкции можно отнести к связанным. Как писал Ш. Балли: «Когда эллипсис не ощущается говорящим, то есть когда сознание говорящего не стремится восстановить недостающее слово (или недостающие слова), эллипсис является показателем того, что элементы сочетания уже не воспринимаются по отдельности» [Балли 1961: 107]. Как правило, такие конструкции принадлежат разговорной речи.

Их можно классифицировать до бесконечности. Приведем лишь некоторые примеры:

- 1) Стремление к удобству, комфорту: *хочу на диван/за стол/ковер/на постель;*
- 2) Стремление к отдыху, развлечению: *хочу в клуб/в театр/в ресторан/ на дискотеку/ на выставку/на природу/ на дачу* и т.д.
- 3) Бенефактивные стремления: *хочу в душ/ в ванну/ в баню/в санаторий/в больницу/ к врачу/ на свежий воздух/ к морю* и т.д.
- 4) Стремление к новым впечатлениям: *хочу в Японию/ на остров* и т.д.
- 5) Стремление к самосовершенствованию: *хочу на курсы/в университет/на работу/ на стажировку* и т.д.

В поэтическом тексте часто происходит сдвиг от локативного смысла к оценочному, хотя полностью локативный смысл не исчезает.

Ср.:

Спасите, спасите! Хочу я, как прежде,

В нору, на диван из сухих камышей.

<...> (В. Высоцкий, Песня мыши).

14. Высказывания с общим модальным смыслом 'стремление к обладанию'

Предикаты данного типа высказываний, кроме модального компонента со значением желания/стремления, содержат объект интенции, выраженный прямым объектом. В качестве объекта интенции может выступать практически любой объект, т.е. все, что может представить интерес для субъекта желания. Например, *желать* можно любой предмет, представляющий интерес.

Ср.:

Хочу автомобиль/кухонный комбайн/стол/ручку.

Это может быть как класс одушевленных объектов, так и неодушевленных.

В поэтических текстах такие конструкции непосредственно сообщают об объектах интенции лирического субъекта. Интересно, что довольно часто они встречаются у К. Бальмонта.

Ср.:

(1) *Я хочу горящих зданий,*

Я хочу кричащих бурь!...

Я хочу иных бряцаний

Для моих иных пиров.

Я хочу кинжальных слов

И предсмертных восклицаний! (К. Бальмонт, Кинжальные слова)

(2) *Тебя я хочу, мое счастье,*

Моя неземная краса!.. (К. Бальмонт, Тебя я хочу, мое счастье...)

(3) *Хочу я зноя атласной груди,*

Мы два желанья в одно сольем.

Уйдите, боги! Уйдите, люди!

Мне сладко с нею побыть вдвоем! (К. Бальмонт, Хочу!)

Ср. также у других авторов:

(1) *...Я устал от белил и румян,*

И от вечной трагической маски,

Я хочу хоть немножечко ласки,

Чтоб забыть этот дикий обман (А. Вертинский, Я сегодня смеюсь над собой...).

(2) – *Ой, Вань, гляди-кось – попугайчики!*

Нет, я, ей-богу, закричу!..

А это кто в короткой маечке?

Я, Вань, такую же хочу (В. Высоцкий, Семейный цирк/Диалог у телевизора).

ГЛАВА 5. ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЕДИНИЦЫ С СЕМАНТИЧЕСКИМ КОМПОНЕНТОМ 'ЖЕЛАНИЕ'⁴³ КАК ПЕРИФЕРИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ ЗОНЫ ДЕЗИДЕРАТИВНОСТИ

На основании сплошной выборки данных имеющихся фразеологических словарей⁴⁴ был составлен редуцированный⁴⁵ список устойчивых словосочетаний с семантическим компонентом 'желание'.

I. Устойчивые словосочетания с семантическим компонентом 'желание'⁴⁶

1. Бог в помощь (помочь) – «В речевом этикете: пожелание кому-либо успеха в труде» [Фразеологический 1997, т. 1: 33].
2. Бороться с собой – «Подавлять в себе какие-либо чувства, желания, порывы и т.п.» [Фразеологический 1994: 40]⁴⁷.
3. Брать/взять слово – «По собственному желанию, инициативе выступить на собрании, заседании, митинге и т.п.» [Там же: 45].
4. Вертится в голове – «1. Никак не вспоминается. О тщетном усилии вспомнить что-либо хорошо известное, знакомое, но забытое в данный момент» [Там же: 59]
5. Вертится на языке – «1. Очень хочется сказать, спросить и т.п.»; «2. Никак не вспоминается. О тщетном усилии вспомнить что-либо хорошо известное, знакомое, но забытое в данный момент» [Там же].
6. Взять свое – «Добиваться поставленной цели, желаемого» [Там же: 44].
7. Видеть во сне и наяву – «Постоянно думать о ком-либо или о чем-либо, хотеть, чего-либо» [Фразеологический 1997, т. 1: 80]. См. также *спать и (во сне) видеть*.
8. Вить веревки – «Заставлять кого-либо поступать по своему желанию, подчинять всецело своей воле» [Фразеологический 1994: 67].
9. Вынь да положь – «Сделай непременно, неотложно, во что бы то ни стало» [Там же: 93]. «Категорично требую» [Фразеологический 1997, т. 1: 123].

⁴³ В данном списке вместо глагольного семантического компонента 'хотеть' присутствует именной компонент 'желание' как наиболее наглядный и образный.

⁴⁴ Толкования даются по *Фразеологическому словарю русского языка*/под ред. А. И. Молоткова. Санкт-Петербург, 1994, а также по *Фразеологическому словарю русского литературного языка конца XVIII–XX веков* в 2-х тт./Сост. А. И. Федоров. Москва, 1997.

⁴⁵ Представленный список носит намеренно укороченный характер, поскольку в данной работе он скорее выполняет фоновую функцию. Он составлен по принципу «необходимо и достаточно».

⁴⁶ Во фразеологических единицах не всегда можно разграничить оптативность и дезидеративность. Поэтому цель данного списка – показать, насколько в живой образной речи контаминируются выделенные в исследовательских целях грамматические значения. Далее, векторность семантического компонента хорошо проявляется в различных «пожеланиях», конструктивный принцип которых хотя и далек от Я-высказываний, тем не менее все семантические составляющие сохраняются. В сущности, образные устойчивые выражения наилучшим образом характеризуют все подробные обстоятельства реализации желания – мотивы, мотивацию, цели и последствия. В связи с этим невозможно исключить из списка образное выражение просьбы с ярким имплицитным значением дезидеративности.

⁴⁷ В случаях, когда возможно несколько толкований, приводились цитаты из фразеологических словарей. В случаях, когда устойчивые словосочетания либо отсутствовали во фразеологических словарях, либо же (даже если они и встречались в лексикографических источниках) им не давалось объяснения, приводились толкования автора диссертации на основе анализа текстовых примеров, данных толковых и синонимических словарей.

10. Глаза загорелись/разгорелись – «Кому-либо непреодолимо, страстно захотелось, хочется чего-либо» [Там же: 102]. «Кто-либо страстно хочет иметь, получить что-либо» [Фразеологический 1997, т. 1: 138].
11. Гоняться за двумя зайцами – «Преследовать одновременно две разные цели» [Фразеологический 1994: 114].
12. Гореть желанием – Испытывать сильное желание.
13. Готов (рад, хотел бы) сквозь землю провалиться – «...Острое желание исчезнуть, скрыться куда-либо от стыда, страха и т.п.» [Там же: 116–117].
14. Давать волю сердцу – «Позволять себе расчувствоваться» [Там же: 121]. Не сдерживать желания выразить свои чувства.
15. Давать волю языку – «Позволять себе говорить лишнее» [Там же: 121]. Не сдерживать стремления высказать желаемое.
16. Дай Бог – «Выражение пожелания чего-либо» [Там же: 124].
17. Дай бог память/память (памяти) – «Выражение желания, усилия вспомнить что-либо» [Там же: 124]. «Хочу, стараюсь вспомнить» [Фразеологический 1997, т. 1: 174].
18. Дорого бы дал (заплатил) – «Выражение очень сильного желания, чтобы свершилось, произошло и т.п. что-либо. Обычно о неисполнимом желании» [Фразеологический 1994: 124].
19. Ждать не дожидаться – Оценка очень сильного желания. См. также *считать дни (или часы, минуты)*.
20. Жить своим умом (разумом) – «...быть самостоятельным в своих действиях, поступках» [Там же: 156]. Поступать согласно своим желаниям, намерениям, решениям.
21. Загореться желанием – Оценка очень сильного желания.
22. Задняя мысль – «Скрытое намерение, тайный умысел» [Там же: 254].
23. Зубы разгорелись – «Очень сильно захотелось кому-либо что-либо получить, иметь и т.п.» [Фразеологический 1997, т. 1: 268]. См. также *глаза загорелись/разгорелись*.
24. Идти своей дорогой/своим путем – «Действовать самостоятельно, не поддаваясь чужому влиянию» [Фразеологический 1994: 180]. Ср. также *жить своим умом*.
25. Иметь зуб – «...Желание причинить вред, неприятность кому-либо» [Там же: 182].
26. Как (моя) левая нога захочет – «(Как, что, чего) самому хочется. Обычно о вздорных, безрассудных действиях, поступках, когда считаются только с собственным желанием, прихотью» [Там же: 277].
27. Куда глаза глядят – «2. Куда захочется, куда угодно (идти, ехать, отправляться и т.п.)» [Там же: 103].
28. Лезть из кожи/шкуры вон – «Усердствовать, стараться изо всех сил» [Там же: 220].
29. Лелеять мечту – Мечтать, очень сильно хотеть.
30. Ломать голову – «Усиленно думать, стараясь понять, разрешить что-нибудь трудное» [Там же: 229]. Стараться, стремиться, пытаться понять что-либо.
31. Многая лета – «Устар. Пожелание долголетней жизни, благополучия» [Там же: 222].
32. Моя воля – Согласно желанию Я-говорящего.
33. Не заставляя себя просить – по собственному желанию; согласно самостоятельно принятому решению.
34. Отводить душу – «Находить для себя утешение, успокоение, разрядку в чем-либо, обычно в каком-либо занятии, деле, разговоре и т.п.» [Там же: 297]. Реализовывать свои желания, устремления.
35. Отдал бы правую руку – Очень сильно хотеть чего-либо.
36. Проявлять интерес – Хотеть чего-либо (получить, знать, делать/сделать что-либо).
37. Ради (самого) господа Бога/Христа ради – «Выражение усиленной просьбы, мольбы» [Там же: 506].

38. Руки чешутся – «1. Кто-либо испытывает неодолимое желание подраться с кем-либо, побить кого-либо»; «2. Кто-либо испытывает неодолимое желание сделать что-либо, заняться чем-либо» [Там же: 396].
39. С Богом – «Пожелание успеха в каком-либо деле, начинании и т.п.» [Там же: 39].
40. Сгорать от любопытства – Очень сильно хотеть узнать что-либо.
41. Скатертью дорога – «Пожелание избавиться от кого-либо» [Там же: 141].
42. Сколько душе угодно – «Вволю, вдоволь, без каких-либо ограничений» [Там же: 70]. Столько, сколько захочется; до полного насыщения. См. также *сколько влезет*.
43. Сколько влезет – см. *сколько душе угодно*.
44. Спать и (во сне) видеть – Мечтать, очень сильно хотеть. См. также *видеть во сне и наяву*.
45. Строить планы – Планировать, замышлять, намереваться сделать что-либо.
46. Считать дни (или часы, минуты) – См. *ждать не дожидаться*.
47. Томиться желанием – Сильно хотеть чего-либо.
48. Хлебом не корми – «Ничего не надо кому-либо (только бы иметь возможность получить, осуществить желаемое). Выражение сильного пристрастия, желания, устремления и т.п.» [Там же: 204].
49. Хотеть как/будто/словно/точно манны небесной – «С большим нетерпением, сильным желанием, очень сильно (ждать, ожидать, жаждать и т.п.)» [Там же: 234].
50. Хоть (хоть бы) одним глазком – желание увидеть в том числе и «мельком» (см. также [Там же: 105]).
51. (И) хочется, и колется – «О желании, исполнение которого сулит какой-либо ущерб» [Фразеологический 1997, т. 2: 353].

В этом разделе представлен некоторый круг устойчивых словосочетаний русского языка, которые могут обозначать желание субъекта.

Рассмотрим те ФЕ, которые могут относиться к дезидеративному значению. Хотя часто оказывается невозможным поставить четкую границу между собственно осознанным волевым действием и просто устремленностью к благоприятному для себя.

Приводимые ниже фрагменты текстов не всегда содержат прямую отсылку к Я-говорящему, но часто содержат характеристику наличия состояния возможного намерения посредством оценок повествователя.

В лексикографических источниках при характеристике значений *хотеть*, а также и *хотеться* можно встретить ряд устойчивый выражений и словосочетаний, служащих для передачи разных оттенков значения желания. В частности, встречаются такие: *чего душа хочет* [БАС-1, т. 17: 410], *как хочешь/хотите* [Там же], [СУ, т. IV: 1181], *что хочешь/хошь* [БАС-1, т. 17: 410], *гуляй/ешь/пей – не хочу* [БАС-1, т. 17: 410], [МАС 1981–1984, т. 4: 622], *хочешь не хочешь, хошь не хошь*, [БАС-1, т. 17: 410], [МАС 1981–1984, т. 4: 622], [СУ, т. IV: 1181], *хоти не хоти* [СУ, т. IV: 1181], *плевать я/ты/он хотел* [БАС-1, т. 17: 410], [МАС 1981–1984, т. 4: 622], *если хотите/хочешь* [МАС 1981–1984, т. 4: 622], [СУ, т. IV: 1181], *чего моя левая нога захочет* [МАС 1981–1984, т. 4: 622], *(вот) что ты хочешь* [СУ, т. IV: 1181], *гореть желанием* [НОСС 1999: 463], [Кожевников 2003 т. 1: 213–214], *спать и (во сне) видеть* [НОСС 1999: 463], [Кожевников 2003 т. 1: 213–214], *глаза и зубы загорелись* [НОСС 1999: 463], [НОСС 2000: 394], [Кожевников 2003 т. 1: 213–214], [Александрова 2001: 120], *дорого бы дал/заплатил* [НОСС 1999: 463], [Кожевников 2003 т. 1: 213–214], [Александрова 2001: 120], *не терпится* [Кожевников 2003 т. 1: 213–214], *так и подмышает* [Там же], *руки*

чешутся [НОСС 1999: 463], [НОСС 2000: 394], [Кожевников 2003 т. 1: 213–214], [Александрова 2001: 120], *желаю удачи* [Александрова 2001: 120], *в добрый час, с Богом, дай (помогай) Бог* [Там же], *иметь охоту, лелеять мечту* [НОСС 1999: 463], *отдал бы правую руку* [Там же].

Из приведенных примеров видно, что толковые словари и словари синонимов исходят прежде всего из того, является ли глагол *хотеть* компонентом устойчивого оборота речи. Поэтому это могут быть такие ФЕ, в которых может быть выражено, например, 'безразличие' – *плевать я хотел*, 'указание на необходимость' – *хочешь не хочешь, хошь не хошь* и т.д.

Словари синонимов исходят из целостного значения ФЕ, соответствующего указываемому ряду лексических единиц. Поэтому для словарей данного типа не важно, является ли *хотеть* компонентом ФЕ или же нет. Например, при обозначении «формул» пожелания в словаре З. Е. Александровой только одна устойчивая единица имеет компонент *желать* – *желаю удачи*, остальные же обороты, использующиеся в качестве пожелания, не имеют в своем составе такого компонента (см. выше).

С одной стороны, нельзя было не учесть данные, содержащиеся в словарях. С другой же стороны, – необходимо иметь в виду «среду обитания» ФЕ. Это – те основополагающие моменты, которые учитывались при анализе фразеологического материала.

Высказывание, в котором имеет место ФЕ, характеризуется сильной экспрессивностью, сообщающей об интенсивности потенциального действия.

Как показали приведенные случаи, между намеренным действием и состоянием желания, не обязательно реализующимся действенно, граница довольно зыбкая.

Если брать ситуацию потенциального намерения при наличии констатации факта желания, то ФЕ могут тяготеть еще и к ряду семантических компонентов⁴⁸.

Далее приводим контекстуальные наблюдения над функционированием ФЕ в различных контекстах. Анализ материала показывает, что в образных текстах одна и та же ФЕ в одном высказывании, характеризующим желание субъекта, может передавать значение как активного проявления воли модального субъекта (дезидеративность), так и пассивного состояния модального субъекта (оптативность). Данный факт говорит о том, что в текстах сложной семантики эти модальные смыслы сосуществуют, и их не всегда можно разграничить. Более того, не всегда модальный смысл дезидеративности выражается эксплицитно *Я хочу*. Это могут быть имплицитные конструкции с отсутствием модального глагола. При этом иногда размывается конкретность потенциального действия модального субъекта, оно приобретает черты узуальности, обобщенности.

1. Оценка свободы выбора цели, направленности потенциального намерения модального субъекта

Максимально приближенной к дезидеративному значению может быть такая ФЕ как **моя воля**, поскольку она служит для выражения решения, воли, желания, намерения и т.д. говорящего.

⁴⁸ Приводимые ниже фрагменты текстов не всегда содержат прямую отсылку к Я-говорящему, но часто содержат характеристику наличия состояния возможного намерения посредством оценок повествователя.

Ср.:

*На меня все оглядываться стали, что я их своими подарками ниже себя ставлю; так что им даже совестно после меня класть, а я решительно уже ничего не жалею, потому **моя воля**, сердце выскажу, душу выкажу, и выказал (Н. Лесков, Очарованный странник).*

Моя воля, т.е. согласно желаниям, решениям говорящего (= я хочу/мне хочется).

Как левая нога хочет

Ср.:

*...Мы вообще сомневаемся, можно ли с вами работать, потому что вопрос лишения или дачи лицензии решается, что называется, щелчком пальцев, **как левая нога захочет** (Эхо Москвы, 18.09.2005).*

ФЕ служит для оценки поведения некоторой группы лиц.

Ср. также:

*Все понимают свободу как право действовать так, «**как моя левая нога захочет**» (Радио Свобода, 7.11.2004).*

Возможность поступать согласно прихоти, спонтанно возникшему желанию.

Как и предыдущая, данная ФЕ может употребляться как в отношении к желаниям конкретного лица, так и группы лиц.

Давать волю сердцу

Ср.:

Предвидя вечную разлуку,

*Боюсь я **сердцу волю дать**;*

Боюсь предательскому звуку

Мечту напрасную верить... (М. Лермонтов, Графине Ростопчиной)

С помощью ФЕ в поэтической форме эксплицируется страх выражения истинных чувств. Здесь рассматриваемая ФЕ явно соотносится со значением желания, поскольку поясняется еще и лексемой *мечта*.

Сходной по значению является и ФЕ **дать волю языку**.

Ср. конструкцию:

Я дал волю своему языку, высказав все, что уже долгое время думал о нем.

Т.е. высказал именно, то хотелось.

Оценку свободы выбора цели деятельности можно увидеть и в таких ФЕ, как **идти своей дорогой/своим путем; жить своим умом; идти, куда глаза глядят**. Для иллюстрации рассмотрим некоторые примеры.

Ср.:

*Может быть, никто из живущих в Москве не знает так хорошо окрестностей города сего, как я, потому что никто чаще моего не бывает в поле, никто более моего не бродит пешком, без плана, без цели – **куда глаза глядят** – по лугам и рощам, по холмам и равнинам (Н. Карамзин, Бедная Лиза).*

Ср. также конструкцию:

*Я уже давно **живу свои умом**.*

В обоих примерах эксплицируется указание говорящего на свободу своего выбора, т.е. он поступает согласно собственным желаниям, целям.

Семантический компонент 'желание как личная инициатива с целью действовать в определенном направлении' отчасти может примыкать к предыдущей группе, особенно это может касаться таких ФЕ, как *жить свои умом* и *моя воля*.

По линии значения 'свобода выбора' к этому типу ФЕ могут относиться такие, как *не заставляя себя просить* и т.п.

Ср.:

Итак, не заставляя себя просить вторично, а особенно Ивана, который никогда не просил, я начал в карман укладывать золото, проговорив ему, что я имею домик на родине, а потому надобно обзавестись хозяйством (В. Нарезный, Российский Жилблз).

2. Состояние, квалифицируемое как оценка сильного желания

Сюда могут относиться, в частности, такие ФЕ, как *будто/словно/точно манны небесной, глаза загорелись, глаза и зубы загорелись, гореть желанием, готов/рад/хотел бы сквозь землю провалиться, дорого бы дал, ждать не дожидаться, загореться желанием, лелеять мечту, отдал бы правую руку, ради самого господа Бога/Христа ради, руки чешутся/зачесались, сгорать от любопытства, спать и (во сне) видеть, считать дни/часы/минуты, томиться желанием, хлебом не корми, хоть/хоть бы одним глазком* и т.п.

Среди них можно выделить оценки различного характера, различной природы, с различными основаниями оценок.

Ряд ФЕ обозначает возникновение сильного желания под воздействием какого-либо возбуждающего или раздражающего импульса: *глаза загорелись, глаза и зубы загорелись, гореть/загореться желанием, руки чешутся/зачесались*, Рассмотрим примеры, иллюстрирующие употребление некоторых ФЕ из этого ряда.

Руки чешутся/зачесались

Здесь необходима оговорка, что фаза возникновения состояния зависит от формы глагольного компонента ФЕ. Если эта форма глагола НСВ (*чешутся*), то, соответственно, это длительное, устойчивое состояние. Если же это форма СВ (*зачесались*), то это – момент возникновения состояния и намерения под воздействием какого-либо импульса.

Ср.:

(1) У меня *руки зачесались* бросить в Андрея снежком.

(2) – Дед, ну за что убил? – повторил он, шагая рядом с Пантелеем.

– Глупый человек, *руки чешутся*, оттого и убил, – ответил старик (А. Чехов, Степь).

В приведенных примерах ФЕ употребляется для обозначения сильного желания, как потенциального (1), так и уже реализовавшегося (2).

Такие ФЕ, как *сгорать от любопытства, хоть/хоть бы одним глазком* могут передавать значение ожидания возможности реализации желаемого.

Глаза загорелись

Ср.:

«Этой коллекции позавидовали бы любые мировые геологические музеи <...>. Это настоящие штучные образцы. Когда я их осматривал, у меня просто глаза загорелись, я ведь коллекционер. Тут есть много образцов, которых у меня нет, но зато у меня есть такие, которых нет во многих музеях мира», – улыбнулся Миронов (интервью с С. Мироновым, 30.07.2005, <www.mironov.ru/Events/18632.html>).

В данном случае говорящий характеризует свое состояние как сильное желание иметь то, что входит в круг объектов его интересов.

Гореть/загореться желанием

Ср. конструкцию:

*Я просто **горю желанием** купить новый автомобиль.*

Состояние устойчивого сильного желания представляет собой потенциальное намерение осуществить желаемое, задуманное.

Сгорать от любопытства

Ср. конструкцию:

*Я просто **сгораю от любопытства** узнать, что он рассказал ей обо мне.*

Здесь демонстрируется сильное желание получить информацию, ожидание первой возможности реализации желаемого.

Примечательно, что часто для обозначения сильного желания используется метафора огня, свечения: *загорелись, гореть*. Раздражающий фактор, от которого, видимо, следует избавиться, обозначается глаголом *чесаться* (ФЕ *руки чешутся*).

Рассмотрим далее употребления еще ряда ФЕ, обозначающих устойчивое сильное желание субъекта.

Хоть (хоть бы) одним глазком

Ср.:

*Был соблазн зайти, глянуть **хоть одним глазком**, но мы не пошли – нельзя смотреть музеи Лувра **одним глазком*** (из интернета, <<http://newwoman.ru/xoz20.html>>).

Здесь ФЕ соотносится с именным предикатом *был соблазн*, что также способствует интенсификации желания. В высказывании указывается и на стимул, мотив такой интенсификации (музеи Лувра).

Ожидание возможности реализации желаемого может передаваться еще и такими ФЕ, как *будто/словно/точно манны небесной, ждать не дожидаться, лелеять мечту, спать и (во сне) видеть, считать дни/часы/минуты, томиться желанием*.

Рассмотрим эти ФЕ в контекстах.

Лелеять мечту

Ср.:

*Когда она запела, я услышал интересный тембр – я давно **лелеял мечту** найти незатертый, нетипичный эстрадный тембр и написать к нему музыку* (Эхо Москвы, 10.12.2000).

Компонент 'желание' в рассматриваемой ФЕ, подкрепляется темпоральным локализатором со значением длительности – *давно*.

Спать и видеть

Мечта как ассоциация со сном, а желание как то, что тревожит воображение даже во время сна, поэтому и может квалифицироваться как сильное желание.

Ср.:

*Три года спустя, изъездив тысячи верст дорогами Пугачева, он напишет жене: «**и сплю и вижу** приехать в Болдино и там **запереться**»* (Н. Эйдельман, Болдинская осень).

При помощи ФЕ характеризуется сильное желание модального субъекта переместиться в то место, в котором субъект хочет или стремится быть. Здесь желание соотносится прямо с Я-говорящим.

Томиться желанием

Состояние неудовлетворенного желания выглядит как несколько дискомфортное, мучительное для модального субъекта, поскольку по каким-либо причинам невозможна его (желания) немедленная реализация. Это словосочетание не выделяется лексико-графическими источниками отдельно как ФЕ, так же как и рассмотренное нами устойчивое словосочетание 'гореть желанием', но диссертант считает правомерным рассматривать его в ряду ФЕ⁴⁹.

Ср.:

*Я счастлив, что Литва так чутко слышит мой голос. Не ошибался в моем предчувствии, когда **томился желанием** изучать литовский язык. Но он трудный-трудный, ибо богатейший* (К. Бальмонт, из письма к Л. Гире).

Сильное желание, стремление его осуществить, ожидание какого-либо события эксплицируют следующие ФЕ.

Ср.:

Ждать не дожидаться, считать дни

Ср. конструкцию:

*Жду не дождусь его приезда, **считаю дни**.*

Т.е. 'очень сильно хочу, чтобы он приехал'.

Ждать (как/будто/словно/точно) манны небесной

Ср.:

*Развлечений мне на выходные хватило. **Жду как манны небесной** «Намедни» с Леонидом Парфеновым* (Радио Свобода, 24.11.2003).

Ситуация возможности наличия благоприятных обстоятельств для активного действия бенефактивного свойства может обозначаться ФЕ: *дорого бы дал, отдал бы правую руку* и т.п.

Оценка устойчивого сильного желания может передаваться следующей ФЕ.

Хлебом не корми

«Выражение сильного пристрастия, желания, устремления» [Фразеологический 1994: 204]. Можно также сказать, что так говорится, когда кто-то очень любит что-то делать.

Ср.:

*Да меня **хлебом не корми**, дай поиграть в футбол.*

Здесь - сильное устойчивое желание заниматься определенным видом спорта.

Следующие ФЕ передают значение интенсивности желания. Субъект демонстрирует готовность пожертвовать чем-либо очень ценным для себя, что является характеристикой его внутреннего состояния. Это достигается образными свойствами ФЕ, которую говорящий выбрал для увеличения экспрессивности своего высказывания.

Дорого бы дал (заплатил)

Характерно, что данная ФЕ указывает также на длительность состояния желания. В этой ФЕ также акцентирован компонент интенсивности – 'очень сильное желание сделать, иметь и т.д. что-либо'. Кроме того, сама форма данной ФЕ содержит оптативное средство выражения – *дал бы*, хотя, как кажется, это устойчивое словосочетание целиком может указывать, с той или иной долей вероятности, и на потенциальную действенную волю.

⁴⁹ Следует отметить тот факт, что количество ФЕ колеблется от словаря к словарю. Иногда, указание на устойчивость словосочетания отмечается в некоторых толковых или синонимических словарях. Поэтому вопрос о статусе словосочетания остается открытым.

От 1-го лица рассматриваемая ФЕ может выступать, например, в такого рода высказывании.

Ср.:

Я дорого бы дал за возможность выступить на этих соревнованиях.

С одной стороны, это может быть и обозначение стремления прилагать определенные усилия для осуществления цели, но, с другой, – это может быть и просто состояние, потенциально имеющее инволюнтное свойство.

Сходные свойства имеет и контекстуальное употребление ФЕ **отдал бы правую руку**.

Ср. в нарративном контексте:

*Он был абсолютно лишен музыкального слуха и, когда начинала играть музыка, прежде чем выйти танцевать, просил сказать ему, что именно звучит. Но танцевать любил и говорил, что **отдал бы правую руку** за то, чтоб научиться делать это хорошо* (Независимая газета, №120, 17.06.2005).

Хотя нарративный текст и снижает экспрессивность – силу устремленности модального субъекта и интенсивность желания, тем не менее «цитирование» желания субъекта (или оценка рассказчика) частично восстанавливает силу экспрессивности: из контекста следует, что объект оценки готов прилагать усилия для реализации своего намерения, даже преодолевая значительные трудности.

Ср. также:

*Я **отдал бы правую руку** за то, чтобы впредь этого не повторилось.*

Следующая ФЕ передает сильное стремление исчезнуть под влиянием какого-либо раздражающего фактора.

Готов/рад/хотел бы сквозь землю провалиться

Ср.:

*[Шаблова:] Коли у человека одежды нет, вот и робкий характер; чем бы ему приятный разговор вести, а он должен на себя осматриваться, нет ли где изъяну. Вы возьмите хоть с нас, женщин: отчего хорошая дама в компании развязный разговор имеет? Оттого, что все на ней в порядке: одно к другому пригнато, одно другого ни короче, ни длинней, цвет к цвету подобран, узор под узор подогнат. Вот у ней душа и растет. А нашему брату в высокой компании беда; лучше, кажется, **сквозь землю провалиться!** Там висит, тут коротко, в другом месте мешком, везде пазухи. Как на лешего, на тебя смотрят* (А. Островский, Поздняя любовь).

ФЕ употребляется для характеристики потенциального возникновения внутреннего состояния ущербности. Ощущение неловкости сопоставляется с желанием исчезнуть. Эта характеристика выступает как оценка, обобщающая типичную ситуацию, которая может относиться как к самому говорящему, так и к другим лицам.

Ср. также сохранение подобной оценки в несобственно прямой речи в нарративном тексте:

*Вот ошалевший и притихший Гараська сидит за убранном столом. Ему так совестно, что **хоть сквозь землю провалиться**. Совестно своих отрепий, совестно своих грязных рук, совестно всего себя, оборванного, пьяного, скверного* (Л. Андреев, Баргамот и Гараська).

Следует отметить, что модальные средства прекрасно служат для передачи несобственно прямой речи в русском языке⁵⁰.

⁵⁰ См. об этом подробнее в [Туровская 1997: 98–99].

3. ФЕ, передающие оценку динамики внутреннего усилия для осуществления желаемого

К этому типу контекстуального употребления относятся следующие ФЕ: *бороться с собой, вертится в голове, вертится на языке, дай Бог памяти/память, лезть из кожи вон, ломать голову* и т.п.

Бороться с собой

Значение этих ФЕ в контексте можно расценить и как 'желание подавить в себе другие желания', т.е. они вполне могут эксплицировать конфликт разных желаний.

Ср.:

...Я лег заболевающим, а проснулся больным. Мне вдруг показалось, что осенняя тьма выдавит стекла, вольется в комнату и я захлебнусь в ней, как в чернилах. Я стал человеком, который уже не владеет собой. Я вскрикнул, и у меня явилась мысль бежать к кому-то, хотя бы к моему застройщику наверх. Я боролся с собой как безумный. У меня хватило сил добраться до печки и разжечь в ней дрова... (М. Булгаков, Мастер и Маргарита).

ФЕ передает усилие, связанное со стремлением преодолеть, осмысливаемое субъектом состояние.

Такая ФЕ как *вертится на языке* и близкая ей по значению *вертится в голове*, также может означать намерение осуществить субъектом речевое действие, хотя, с одной стороны, ее значение можно охарактеризовать как 'хочется сказать', с другой же – 'хочу сказать'.

В образных устойчивых выражениях всегда происходит сдвиг в семантике: это не только выражение желания субъекта, но и выражение трудновыполнимости желания, несбыточности желания, выражение интенсивности желания и т.д.

Ср.:

[Руальд:]

Лев? нет, не Лев – какой он лев! Никифор?

И не Никифор, – так вот и вертится

На языке, а нет, не вспомню (Н. Языков, Отрок Вячко)

Ср. также конструкцию:

Вертится в голове, а вспомнить не могу.

В данной конструкции налицо трудновыполнимость задуманного желаемого действия, и даже частичная его реализация. Это же значение заключается и в ФЕ *ломать голову*.

Ломать голову

Ср.:

Мы долго ломали голову, ища женское имя, начинающееся на Ч., пока, наконец, Лиля не вспомнила об одной Брет-Гартовской героине. Она жила на корабле, была возлюбленной многих матросов и носила имя Черубины (М. Волошин, Рассказ о Черубине).

Намерение найти решение.

Ср. еще:

Я давно ломаю голову, пытаюсь понять, как же это им удалось получить эти деньги.

Намерение найти ответ на волнующий вопрос.

Дай бог память/памяти

Ср.:

Вообще, как известно, по свободе информации мы так успешно занимаем в 2002 году, дай бог памяти, 121-ое место из 139, в 2003 – 147-ое из 193, и в 2004 – 147-ое из 167, если верить организации «Репортеры без границ», а других данных у меня просто нет (Радио Свобода, 13.04.2005).

Стремление вспомнить наиболее достоверную информацию.

Лезть из кожи вон

Ср.:

*...Оказывается, чтобы получить ключ, необходимо было насобирать 200 рублей, веселя прохожих. Пришлось **лезть из кожи вон**: садиться на шпагат, громко декламировать стихи... (Московский Комсомолец, 05.10.2006).*

Цель обусловила мотив приложения усилий для получения желаемого. ФЕ здесь может относиться как к самому говорящему, так и группе лиц, к которой он тоже принадлежит. Смежными с этого типа значением ФЕ будут и те, что обозначают характеристику целенаправленного действия. Рассмотрим их далее.

4. ФЕ, обозначающие интенсивную оценку стремления к цели

Взять свое

Ср.:

***Свое возьму на Олимпиаде** (Свое возьму на Олимпиаде, Новые Известия, 14.09.2006).*

Стремление с оттенком намерения добиться желаемого, цели.

Гоняться за двумя зайцами

Ср.:

*Мы тщетно пытались **гоняться за двумя зайцами**: мол, мы и креативные – в части маркетинга и дизайна, и высокотехнологичные – в области информационных технологий. И стали понимать, что лишь запутываем клиентов: стало сложно объяснить им, кто же мы такие (Бизнес-ревью, № 4 (35), апрель 2006).*

Оценка ситуации стремления к осуществлению нескольких целей сразу. Значение интенсивности намерения усиливается сочетанием ФЕ с глаголом, также относящимся к полю дезидеративности – *пытаться*.

Задняя мысль

Ср.:

*У автора есть **задняя мысль**, и герой комедии представляет лишь воплощение этой **задней мысли** (А. И. Герцен, Новая фаза русской литературы).*

Здесь ФЕ служит для оценки намерения другого субъекта. Намерение объекта оценки лишь предполагаемое.

Ср. также:

*Свету тревожила **задняя мысль**: а вдруг тот не придет? (А. Бондарь, Вечерний блюз).*

Нарративный текст, в котором передается внутреннее состояние действующего лица, поясняемое с помощью ФЕ.

Иметь зуб

Ср.:

*Видно, что они уже долго спорят и преж того даже поссорились. У одного в особенности **есть** какой-то давнишний зуб на другого* (Ф. Достоевский, Рождество на каторге).

Оценка интенсивности недоброжелательного состояния объекта наблюдения.

Ср. также конструкцию:

*У меня на них давно **есть** зуб: прошло уже довольно времени, а деньги они мне так и не заплатили.*

В этом случае можно усмотреть наличие намерения предпринять меры с целью отстоять свои интересы.

Проявлять интерес

Ср.:

*– Я всегда **проявляю интерес** к событиям в России. Мой рабочий день начинается с изучения прессы, в том числе и российской* (из интервью с Н. Назарбаевым. Независимая газета, 26.10.1999).

Целью, характеризуемой ФЕ, является экспликация стремления к получению информации.

Строить планы

Ср.:

– Какая у вас мечта?

*– Вы знаете, трудно сказать – у меня их очень много. Я постоянно **строю планы** на будущее и соответственно мечтаю, чтобы все они осуществились. Но все это мечты довольно прозаические, связанные с творчеством* (Из интервью с Н. Басковым. Российская газета, 21.09.2006).

*Я сама все время **строю планы** для себя и не хочу, чтобы мне кто-то сверху указывал. А для себя я все время планирую, да, намечаю. И когда работала, планировала на каждый день, на месяц, на год. А сейчас я пенсионерка – и тоже **строю планы**. Сбываются. Вначале – мысль, слово, а потом уже дело. Обязательно сбудется* (Путешествие в будущее. Радио Свобода, 20.05.05).

Из данных контекстов видно что ФЕ *строить планы* соотносится с лексикой, обозначающей желание, в том числе и с компонентом значения 'действенная воля': *мечта, мечтать, планировать, намечать.*

5. ФЕ, в которых выражается идея желания подчинения своей воле

Это значение может быть выражено, в частности, такой ФЕ, как **вить веревки**.

Ср. конструкцию:

*Он такой покладистый. Я просто из него **веревки вью**.*

Характеристика ситуации, в которой говорящий, пользуясь возможностью, выступает как субъект воли. Т.е. другой субъект подчиняется его желаниям.

Вьнь да положь

Данная ФЕ больше характерна для оценки со стороны.

Ср.:

Хозяйка шипела:

*– Я тебе не гусарская офицерша, мне деньги надобны. Дрова семь целковых, откуда я возьму? Сам себя не прокормишь – заведи платящую воздохторшу. Ты – молодой человек со способностями, и наружность у тебя достаточно восхитительная. Какая ни есть дура найдется. А мне разве возможно? Куда ни вертыхнись, деньги **вынь да положи**. Дунь – руб, плюнь – руб, поколей – полтора (Ф. Сологуб, Голодный блеск).*

ФЕ употребляется для характеристики повторяющейся типичной и прогнозируемой ситуации – категорическое требование.

Ср. также:

*Так ведь вот какой добрый барин-то, дай бог ему доброе здоровье! Другой бы не помилосердствовал, сказал бы: «**вынь да положи сто целковых**», и говорить бы много не стал; а он только десятью целковыми удовольствовался... Добрая душа, правду надо говорить! (П. Мельников-Печерский, На станции)*

Здесь «моделируется» предполагаемая ситуация, когда говорящий выражает свое требование получить желаемое или необходимое.

6. ФЕ, служащие для выражения пожелания

Бог в помощь/помочь

Ср.:

***Бог помочь** вам, друзья мои,
В заботах жизни, царской службы,
И на пирах разгульной дружбы,
И в сладких таинствах любви!*

***Бог помочь** вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли! (А. Пушкин, 19 октября 1827)*

Дай Бог

Ср.:

<...>

*...Я вас любил так искренно, так нежно,
Как **дай** вам **бог** любимой быть другим (А. Пушкин, Я вас любил...).*

Многая лета

Ср.:

(1) *Многая лета, маэстро!* (Сегодняшняя газета, №123, 27.08.2005).

(2) *Так что, дай Бог, чтобы существование отца Глеба Якунина длилось **многая лета**.
Многая лета!* (Радио Свобода, 4.03.2004)

В обоих случаях можно говорить об официально-этикетном контексте употребления рассматриваемой единицы.

С Богом

Ср. конструкцию:

Ну, с Богом! (разг.)

Речевой штамп, часто употребляющийся с оттенком доброжелательности.

Ср. также:

На мызу, милые! Ямщик

вожжсою овода прогонит,

и – с Богом! (В. Набоков, Домой).

В этом фрагменте стихотворного текста рассматриваемая ФЕ употребится в одном из типичных контекстов, – при отправлении в дорогу.

Скатертью дорога

Ср.:

– Вы отправляйтесь... ну, в общем, туда, откуда приехали. Без промедления, нынче же. Еремей! – Да, светлейший? – привстал на цыпочки Метастазео. – Ты ему дай тысячу или там две за утруждение, пускай его посадят в санки и скатертью дорога. (Б. Акунин, Внеклассное чтение).

Здесь указывается на прямое соотношение с дорогой, поездкой. Эксплицируется стремление избавиться от присутствия определенного лица. ФЕ служит для передачи косвенного пожелания.

Ср. также:

То, что он хочет отказаться от американского гражданства, ну, по-русски в таких случаях говорят, особенно в советское время: скатертью дорога (Радио Свобода, 09.08.2004).

ФЕ соотносится с предикатом *хочет*, т.е. таким образом, объекту оценки как бы дается право действовать, согласно своему желанию. Кроме того, ФЕ передает оттенок значения безразличия к потенциальным намерениям объекта оценки.

Таким образом, ФЕ, употребляющиеся в перформативной функции пожелания, либо больше относятся к оптативному значению, либо значения желания/ пожелания и вовсе нейтрализуются. Последнее касается официально-этикетного дискурса.

7. ФЕ с доминирующейемой 'до полного насыщения'.

Отводить душу

Ср.:

Я наконец-то отвел душу, вдоволь накупавшись в южном море.

Удовлетворение, испытываемое при достижении длительного время желаемого.

Сколько душе угодно

Ср. конструкцию:

Я теперь могу заниматься живописью, сколько захочу – сколько моей душе угодно.

Характеристика с помощью ФЕ состояния внутреннего удовлетворения ситуацией, когда есть возможность для реализации желаемого или того, о чем субъект долгое время мечтал.

Сколько влезет

Ср.:

*Уж больно он любит нюхать чужие следы, знать о чем ни попало больше и раньше всех – так на, нюхай, сама подаю кусок, который пахнет жареным-вареным. Верти своим длинным носом **сколько влезет**, скоро еще один кусок поднесу – не боюсь* (В. Распутин, Живи и помни).

Ср. также:

*В мокрой одежде, как и многие другие, стояли братья в середине колонны и смотрели на горы, те, что блистали в высоте. Оказалось, что их отовсюду видно и смотреть на них можно **сколько влезет**. И это не надоедало* (А. Приставкин, Ночевала тучка золотая).

ФЕ синонимична предикату 'сколько хочется/захочется'. ФЕ характеризует внутреннее состояние, чувства объектов оценки.

8. ФЕ, передающие конфликтные модальные смыслы

И хочется, и колется

Ср.:

*Мебель, конечно, красивая, но уж очень дорогая – **и хочется, и колется**. Надо подумать* (разг.)

Ситуация сопоставления говорящим своих возможностей для приобретения желаемого объекта.

Данная ФЕ выходит на периферию обозначения намерения, так как она больше тяготеет к характеристике инволютивного состояния.

II. Наблюдения над взаимодействием фразеологических единиц (ФЕ) с предикатами желания

Сочетание ФЕ с модальным глаголом в форме 1-го лица каузирует сдвиг в сторону оценочности, образности, экспрессивности, поэтому частично стирается дезидеративное значение (но не во всех случаях). На первом плане – экспрессивность, а не собственно действие. Такие сочетания являются своеобразной попыткой разнообразить действие.

Как правило, такая сочетаемость всегда возможна, если в ФЕ имеется глагольный компонент.

Проанализируем лишь некоторый круг примеров.

Ср.:

*Мы **хотели поймать сразу двух зайцев**. Мы хотели проверить школы – и в то же время получить объективную оценку при приёме в вузы* (из доклада министра образования России А. Фурсенко: <www.mon.gov.ru/news/report/ministr/1603/%20-%2039k>). Сочетание с модальным глаголом в форме прошедшего времени потребовало замены компонента *погнаться/гнаться* на *поймать*, поскольку, как уже было отмечено, ситуация желания стремится к достижению цели (если речь идет о действенной воле).

Ср. также:

Хочу поговорить с тобой по душам (из интернета, <www.my-tiens.com>).

ФЕ добавляет экспрессивный оттенок в характеристику стремления осуществить intersubъектное речевое действие. Кроме того, ФЕ усиливает значение оценки побуждения к искренности, откровенности.

Ср. также:

Я всегда хотел пойти по стопам отца – стать инженером в сфере электроники.

ФЕ выступает как описание способа выбора рода деятельности, подражания образцу.

Ср. также:

Хочу отвести душу.

Экспрессивная характеристика стремления модального субъекта удовлетворить потребность, тягу к чему-либо.

Ср. еще:

Хочу хоть одним глазком

Ср. также:

*Почему вход в зал судебного заседания охраняют два десятка спецназовцев, некоторые из которых, как коршуны, готовы меня растерзать и разорвать на куски только за то, что я **хочу хоть одним глазком** увидеть мужа через эту проклятую пуленепробиваемую клетку?* (Московский комсомолец, 28.10.2004)

ФЕ выступает в функции обстоятельства, зависящего от предиката *хочу увидеть*. Устойчивое словосочетание передает значение большей интенсивности желания.

Приведенные ФЕ сочетаются с *хотеть*, так как их стрежневым элементом является глагол. При этом можно наблюдать присоединение ФЕ в значениях:

стремления к достижению цели (*поймать/убить двух зайцев сразу*); более сильной степени проявления признака желания (*все душой, вложить душу*); оценки искренности при экспликации желания (*поговорить по душам*); свободы выбора действий (*идти своим путем*); абстрактного сильного стремления, в частности, в значении 'трудно, тяжело' (*лезть на стенку*); выбора, мотивированного авторитетом (*идти по стопам*); экспрессивного обозначения стремления удалиться, заполнить каким-либо занятием временной промежуток и т.д.

Сочетаемость модального глагола *хотеть* с ФЕ бесконечно многообразна и формально сходна с возможностями присоединения лексических единиц свободного употребления. Итак, анализ данных о контекстуальном функционировании ФЕ с семантическим компонентом 'желание' выявил следующие моменты.

Во-первых, из всех устойчивых словосочетаний наиболее полно сочетанию *я хочу* соответствует ФЕ *моя воля* без привязанности к определенному типу текста (прагматизированному/непрагматизированному). Остальные ФЕ такой константной соотношенности не обнаруживают. Они отражают различные экспрессивные оттенки состояния желания как потенциальной действенной воли модального субъекта. Экспрессивные оттенки чрезвычайно многообразны: степень интенсивности желания, степень потенциальности желания (дистанцированность между моментом декларации желания модальным субъектом и его (т.е. действия) потенциальной реализацией в будущем), континуальность или дискретность⁵¹ между моментом возникновения желаемого

⁵¹ Под континуальностью и дискретностью понимается (в терминологии Г. фон Вригта), соответственно, **отсутствие пробелов** между желанием и намерением (*хочу есть – хочу пойти в магазин – иду в магазин*) и **наличие пробелов** (*хочу что-либо сделать давно – осуществить намерен в неопределенном будущем*).

действия и намерением его осуществить, многообразные обстоятельства, которые способствуют осуществлению желания или затрудняют его и др. Необходимо добавить, что практически всегда модальный субъект будет действовать в собственных интересах. В этом заключается психологический феномен акцептации действия субъекта.

Намерение осуществления модальным субъектом трудновыполнимого действия потенциально прослеживается при употреблении таких ФЕ, как *дорого бы дал (заплатил), отдал бы правую руку, вертится на языке, вынь да положь* и т.д.

Потенциальное намерение можно расценить как инволютивное состояние субъекта: *бери/ешь/пей/трать не хочу; как левая нога захочет; взбрело в голову; глаза загорелись; руки чешутся; спать и видеть; лелеять мечту; гореть желанием; томиться желанием; хлебом не корми; и хочется, и колется*. Образно говоря, желание как бы «сидит» в человеке и «ждет» возможности реализоваться. Реализация желания потенциально зависит от благоприятных обстоятельств, что подразумевает и оценку ситуации.

ФЕ, передающие различные стадии реализации желаемого, также могут содержать в себе инволютивный компонент. Хотя, как показали наблюдения над функционированием ФЕ со значением трудновыполнимости желаемого действия (*ломать голову*), этот компонент не всегда эксплицирован. Реализация желаемого действия модального субъекта либо находится в стадии осуществления, либо уже состоялась. С точки зрения достижения желаемого результата, каждый раз ФЕ обладают интенциональностью, и потому имеют свойство потенциальности. Это касается всех ситуаций конатативного действия.

Как показывает анализируемый контекстуальный материал, фразеологические микроконтексты (т.е. высказывания с ФЕ) по своей образности близки к художественным текстам. Появляется феномен многослойной семантики, когда невозможно до конца интерпретировать комплекс модальных смыслов. Это достигается расширением наблюдательного спектра (всех точек зрения, которые могут быть приписаны повествователю или рассказчику). В этом плане высказывания с употреблением ФЕ близки так называемым прецедентным текстам, но с модифицированной функцией: каждый раз «целостный текст» разбивается в зависимости от конкретной коммуникативной установки модального субъекта. Другими словами, ФЕ – еще один «модальный резерв» для уточнения модального смысла.

Именно благодаря вышеперечисленным обстоятельствам одно и то же модальное высказывание в зависимости от обстоятельств коммуникативной ситуации может выступать как в дезидеративном значении, так и в оптативном. Думается, что этим фактом и обусловлено отсутствие четкой демаркации между оптативным смыслом и дезидеративным, что способствует умножению числа «переходных» модальностей. В то же время это иллюстрирует (и доказывает) то положение, о котором говорил Э. Кенни: рациональное и эмоциональное в концепте желания разграничить невозможно.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе была предпринята попытка представить, по возможности, полный обзор имеющихся точек зрения на семантику желания как с позиций специальных лингвистических исследований, так и с точки зрения лексикографического описания.

В результате анализа этих исследований выяснилось, что в русистике отсутствует целостный взгляд на семантику желания как проявление действенной воли субъекта. В имеющихся работах авторы, как правило, фрагментарно представляют участки семантической зоны дезидеративности, смешивают понятия дезидеративности и оптативности или частично исследуют в сопоставительном плане языковые средства выражения желания и не выявляют типологию высказываний с модальным смыслом дезидеративности, основанную на надежных семантических критериях.

В целях ликвидации существующего пробела в исследовании модального смысла дезидеративности в данной работе было установлено следующее.

В качестве базовой единицы для модальности дезидеративности в русском языке выступает предикат *хотеть*, как наиболее четко указывающий на смысл дезидеративности.

На основе базовой единицы был определен круг толкований *хотеть* и составлен список модальных предикатов с семантическим компонентом 'желание'.

На основе контекстуального употребления предикатов с семантическим компонентом 'желание' был выявлен ряд его релевантных дифференциальных признаков. Выделенные дифференциальные признаки верифицировались результатами анализа содержания тех философских концепций, где анализировался подход «от человека к миру», и где подробно рассматривалось желание как онтологическая категория.

Кроме того, выделенные семантические дифференциальные признаки сопоставлялись с таковыми в авторитетных лингвистических работах, где так или иначе затрагивалось исследование дезидеративного значения.

В результате такой поэтапной работы были выделены семантические дифференциальные признаки, являющиеся отличительной смысловой чертой модальных высказываний дезидеративности: потенциальность желаемого действия; обращенность высказывания в будущее, т.е. наличие телеологической связи; интенциональность; прикрепленность к Я-субъекту; наличие склонности субъекта к действию.

На основе этих признаков, имеющих объективный характер, была предложена семантическая типология высказываний, эксплицирующих разновидности дезидеративного модального смысла. Типология носит открытый характер, поскольку целью было показать основные конструктивные смыслы, на основе которых продуцируются высказывания с дезидеративным модальным смыслом.

Желание становится реализованным при наличии у модального субъекта возможности его (желание) реализовать. Когда желание достигает очень сильной степени интенсивности, особенно если это желание физиологической природы, оно может квалифицироваться как необходимость или потребность. Во всяком случае, и говорящим, и слушающим оно ощущается именно таким образом.

Привлечение к анализу фразеологических единиц и фрагментов других прецедентных текстов позволило выявить свойственные русскому языку образные представления и запечатленные представления о месте желания в обыденной жизни.

Объект исследования очень сложен и многогранен, поэтому его крайне трудно охватить со всех возможных сторон одновременно. Этот феномен изучается рядом научных направлений и областей как гуманитарного, так и естественнонаучного знания.

Задачей диссертанта было дать, по возможности, динамическую языковую картину способов выражения желания, прежде всего, непосредственно исходящего от носителя этого состояния, то есть Я-субъекта.

Все богатство языкового проявления состояния желания невозможно классифицировать, поскольку пришлось бы скрупулезно анализировать практически все многообразие человеческой деятельности.

Были очерчены лишь основные модальные векторы желания (направленность на желаемый объект), которые реально удалось выделить, исходя из контекстов употребления.

На основании различных типов текстов, принадлежащих различным сферам функционирования, были выявлены особенности употребления дезидеративных высказываний.

Так, например, предикаты желания, употребляющиеся в поэтическом тексте, имеют иную смысловую нагрузку, чем те же самые предикаты в обыденной речи. Различные состояния желания могут раскрываться с учетом: а) внутритекстовых семантических связей, б) экстралингвистических параметров. Иными словами, один и тот же предикат в различных дискурсах имеет различную степень и характер реализации смысла (смысловые надстройки).

Значение дезидеративного предиката может расширяться в зависимости от коммуникативных намерений говорящего. Ср.: *Хочу читать* и *Хочу читать при хорошем освещении*.

Как лексикографические источники, так и анализ контекстов показал, что желание субъекта может эксплицироваться как различными лексическими, так и грамматическими средствами. Здесь необходимо отметить, что, в отличие от других внутрисинтаксических модальностей (возможности, необходимости, долженствования, оптативности), имеющих комплексный и лексический, и грамматический характер, данный тип модального значения в основном тяготеет к лексическому выражению. Поэтому в работе грамматические особенности актуализации дезидеративных высказываний отмечались фрагментарно. Синтаксический план выражения этого типа значения в основном покрывается принципами лексической сочетаемости. Разнообразие модальных значений основывается, главным образом, на использовании синонимических средств. Рассмотрение периферийных случаев показало, что в ряде контекстов семантический компонент 'намерение' проявляется сильнее или слабее, например, в таких случаях, когда употребляются предикаты *намереваться – собираться – стараться* и т.д. Это доказывает, что значение дезидеративности имеет скалярный характер, что и является причиной противоречивых словарных толкований.

Так называемые прецедентные тексты, имплицитные фразеологизмы, по-своему передают характеристику состояния желания. На примере этих единиц можно проследить «набор» представлений, квалифицирующих состояние желания, судить об оценках, даваемых этому состоянию в данной культуре. В сущности, анализ употребления фразеологических единиц подчеркивает именно лексический (а не грамматический) характер дезидеративности.

Анализируемый материал в основном относится к современному русскому языку, хотя в тексте работы можно встретить фрагменты речевых фактов различных эпох. Во

многих случаях контекст употребления предикатов можно рассматривать безотносительно к эпохе: формально способ выражения желаний в них не отличается от сегодняшнего речевого факта.

Функционирование прецедентных текстов показывает, что крайне необходимо учитывать оценочный вектор. Момент, связанный с «границей» намерения и устремленности (как тяготения), может быть относительным, т.е. все зависит от более широкого контекста.

Различные оттенки смыслового наполнения предикатов со значением желания часто зависят от типа прагматизации текста, в котором они употребляются. «Граница» предиката в высказывании зависит от оценок субъектом свойств объекта.

Представленная интерпретация позволила глубже понять феномен, ставший центром теоретического изучения данной работы.

Возможно, приходится повторить тот тривиальный факт, что способы формирования желания в жизни субъекта, конечно же, гораздо сложнее, чем имплицированы в высказывании. Но мотивацию желания, выходящую за пределы лингвистики, необходимо учитывать в целях «расшифровки» всего модального смысла или модальных составляющих этого смысла при экспликации желания в высказывании. Как выяснилось в ходе работы над языковым материалом, огромное значение имеет не только семантика высказывания, но и семантика целого текста, что особенно актуально при анализе сложного текста, например, художественного. В противном случае следует проводить более детальный анализ характера дискурса (например, публицистического, разговорного и т.д.), в котором употребляется то или иное высказывание.

Особенно сложно разграничить желания, основанные на реальной/ирреальной возможности. Спорный вопрос о возникновении желания и его мотивах является скорее психологическим, чем лингвистическим. Благодаря яркой динамической, интенциональной природе концепта желания, оно всегда потенциально реализуемо: даже в самых фантастических замыслах субъект всегда реализует желание через самоидентификацию. Здесь, вероятно, и находится дискуссионная точка, которая касается отнесения модальности к фактам реалиса и ирреалиса.

DESIDERATIIVSUS KUI MODAALNE TÄHEND VENE KEELES: SEMANTILINE VÄLI JA LAUSUNGITE SEMANTILINE TÜPOLOOGIA

Kokkuvõte

Väitekirjas vaadeldakse tahtmise semantilise iseärasuse probleemi vene keeles. Tähelepanu pööratakse nn desideratiivsele tähendusele. Russistikas ei ole seda aspekti veel detailselt vaadeldud. Sellest on üksnes kirjas fragmentaarseid märkusi niisugustel keeleteadlastel nagu J. Apresjan, V. Plungjan, J. Kordi, O. Hanina jt. Nemad viitavad maailma keeleteaduses levinud teooriatele, mis leiduvad A. Meillet', J. Vendryesi, J. Kuryłowiczi jt keeleteadlaste töödes. Tahtmise modaalsust on käsitletud ka mitmed teadlased muude modaalsuse tähenduste ning ka erinevate kokkupuutuvate kontseptide uurimise raames.

Desideratiivsuse all mõistetakse tahtmist kui kavatsust midagi teoks viia. Sel juhul on tahtmine opositsioonis vajaduse ja võimaluse tähendustega. Tahtmist võrreldakse ka sooviga püüdluse tähenduses. Viimast nimetatakse tavaliselt optatiiviks.

Sellistes keeltes nagu vene keel ei ole spetsiaalset grammatilist vahendit taoliste tähenduste erinevuste väljendamiseks. Eksisteerib aga keeli, kus on selleks olemas spetsiaalne vorm, kõneviis (sanskrit; na-dene keelerühm; tšuktši-kamtšatka keeled, itelmeeni keel jt).

Väitekirja eesmärgiks on täpsustada ja täiendada tahtmise modaalsuse semantilisi iseärasusi. Uuritud on võimalikke nn desideratiivse tähenduse väljendamise juhtumeid. Töös on käsitletud erinevaid 'ja hochu' vormi kasutamise juhtumeid (see vorm on lähtepunktiks vaatleva tähenduse uurimiseks) ilukirjanduslikes tekstides, ajakirjanduses, argielu keelepruugis (4. osa).

Töö esimestes osades (1.–3. osa) on antud ülevaade erinevate teadussuundade vaatepunktidest tahtmise fenomeni kohta (filosoofia, psühholoogia jt), mis peaks andma sellest nähtusest mitmekülgse pildi ning mis võib olla omane inimese tahtmisele. Ülevaadet tahtmise semantikat (nagu juba varem mainisin) on käsitletud ka keeleteaduses.

Töö viimases, 5. osas on uuritud desideratiivsuse tähendust puutuvat perifeeriat. Lähtusin võimalikust sünonüümiast vormile 'ja hochu' ning tõin välja ka mõned ülemineku või lähisuhtumid (tung : kavatsus; kavatsus : tung). Seda tegin idioomide funktsioneerimise vaatlemise alusel.

Töö tulemused:

- 1) Ühest küljest võib vene keeles kindlaks teha vahe tahtmise ja kavatsuse vahel nt niisugustes lausetes: *Ja hochu otkryt' okno/Ja hochu pomyt posudu* jne. Teisest küljest võib olla piir kavatsuse ja tungi vahel suhteline, nt *Ja hochu sjest' morozhenoje*.
- 2) Perifeeria juhtumite vaatlemine näitas, et mitmetes kontekstides väljendub semantiline komponent 'kavatsus' tugevamini või nõrgemini: 'hochu – sobirajus' – nameren (-a) – mechtaju'.
- 3) Püsiväljendite funktsioneerimise vaatlemine näitas, et nende puhul tuleb arvesse võtta semantiline komponent 'hinnang'. Kas see näitab kavatsust, tungi või jällegi "piiri", on suhteline. Kõik sõltub laiemast kontekstist.
- 4) Tahtmise predikaatide tähenduse komponendid on tihedalt seotud teksti tüübiga. Nt ilukirjanduslikes tekstides võib kohata refleksiivset, sümboolset tahtmist. Igapäeva diskursuse situatsioonides näivad kavatsused selgemad. Tahtmist väljendava predikaadi "piir" tekstides sõltub objekti omadusest ja sellega seotud olukordadest, millele võib olla suunatud inimese tahe (intentsionaalsus).

- 5) Vaatlemine tõi esile ka juhtumid, kus modaalverbi *hochu* ühendamine infinitiivi ja mõnede teiste vormidega, kus ei olnud võimalik moodustada vastavat predikaati (v.a haruldased erandjuhtumid).

Taoline kirjeldamise metoodika tundub üks võimalikest, sest see võimaldas teha järeldusi vene modaalverbi *hotet* semantilisest potentsiaalidest. Nimelt selle verbi 1. pöörde (enamasti ainsuse vormis), s.t kui see tegusõna on Mina-subjekti tahtmise väljendamis vahendiks. Samas oli läbi viidud semantilise komponendi 'tahtma' ehk 'mina tahan' määramine predikaatides, mis puutuvad kokku vaadeldud tähendusega rohketes kontekstides ning mida on nimetatud perifeerseteks.

ЛИТЕРАТУРА, ИСПОЛЬЗОВАННАЯ В РАБОТЕ

- АЛЕКСАНДРОВА З. Е. 2001. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. Москва: Русский язык.
- АПРЕСЯН Ю. Д. 1972. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. Москва: Наука.
- АПРЕСЯН Ю. Д. 1995а. Лексическая семантика. Синонимические средства языка, т. I. Москва: Языки русской культуры.
- АПРЕСЯН Ю. Д. 1995б. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. Т. II. Москва: Языки русской культуры.
- АРИСТОТЕЛЬ 1984. Никомахова этика. Соч. в 4-х тт., т. 4. Москва: Мысль.
- АРУТЮНОВА Н. Д. 1976. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. Москва: Наука.
- АРУТЮНОВА Н. Д. 2000. О стыде и совести. – Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева Москва: Языки русской культуры С. 54–77.
- БАЛЛИ Ш. 1955. Общая лингвистика и вопросы французского языка. Москва: Издательство иностранной литературы.
- БАЛЛИ Ш. 1961. Французская стилистика. Москва: Издательство иностранной литературы.
- БЕЛЯЕВА Е. И. 1985. Функционально-семантические поля модальности в английском и русском языках. Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета.
- БЕНВЕНИСТ Э. 1974. Отношения времени во французском глаголе. – Общая лингвистика. Москва: Прогресс. С. 270–284.
- БОНДАРКО А. В. 1990. Реальность/ирреальность и потенциальность. – Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под общ. ред. А. В. Бондарко. Ленинград: Наука. С. 72–80.
- БУЛЬГИНА Т. В. 1982. К построению типологии предикатов в русском языке. – Семантические типы предикатов. Москва: Наука. С. 7–85.
- ВЕЖБИЦКАЯ А. 1997. Язык. Культура. Познание / Отв. ред. и составитель М. А. Кронгауз. Москва: Русские словари.
- ВИНОГРАДОВ В. В. 1975. О категории модальности и модальных словах. – Исследования по русской грамматике. Москва: Наука. С. 53–87.
- ВИНОГРАДОВ В. В. 1986. Русский язык. Грамматическое учение о слове. Москва: Высшая школа.
- ВОЛЬФ Е. М. 1985. Функциональная семантика оценки. Москва: Наука.
- ВСЕВОЛОДОВА М. В. 2000. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. Москва: Издательство МГУ.
- ГАК В. Г. 1966. Беседы о французском слове. Москва: Международные отношения.
- ГОББС Т. 1989. Человеческая природа. Соч. в 2-х тт., т. 1. Москва: Мысль. С. 507–573.
- ДАЛЬ В. 1998. Толковый словарь живого великорусского языка, тт. I–IV. Санкт-Петербург: Диамант.
- ДЕКАРТ Р. 1989а. Первоначала философии. Соч. в 2-х тт., т. 1. Москва: Мысль. С. 297–422.
- ДЕКАРТ Р. 1989б. Страсти души. Соч. в 2-х тт., т. 1. Москва: Мысль. С. 481–572.
- ЖОЛКОВСКИЙ А. К. 1964. Лексика целесообразной деятельности. – <www.gramota.ru/mag-arch.html?id=146#u1>.
- ЖУК Е. А. 1994. Сопоставительный анализ ядерных предикатов желания в русском и английском языках (прагмасемантические аспекты). – Автореф. дис... канд. филол. наук. Краснодар.

- ЗОЛОТОВА Г. А., ОНИПЕНКО Н. К., СИДОРОВА М. Ю. 2004. Коммуникативная грамматика русского языка. Москва: Издательство МГУ.
- ИВИН А. А. 1970. Основания логики оценок. Москва: Издательство МГУ.
- КАРАУЛОВ Ю. Н. 1999. Активная грамматика и ассоциативная вербальная сеть. Москва: Русский язык.
- КОЖЕВНИКОВ А. Ю. 2003. Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: практический справочник, т. 1–2. Санкт-Петербург: Нева.
- КОКОВА А. В. 1985. Лексико-грамматическое поле средств оптативной модальности в немецком языке – Автореф. дис.... канд. филол. наук. Москва.
- КОРДИ Е. Е. 1990. Оптативность. – Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность / Под общ. ред. А. В. Бондарко. Ленинград: Наука. С. 170–184.
- ЛЕВИН К. 2001. Динамическая теория действия. – Динамическая психология. Москва: Смысл. С. 87–236.
- ЛЕВОНТИНА И. Б. 1999. Homo piger. – Логический анализ языка. Образ человека в культуре и языке / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова Москва: Индрик. С. 105–113.
- ЛЕКСИКО-семантические группы русских глаголов. 1988. Словарь-справочник. Свердловск: Издательство Уральского университета.
- ЛОКК ДЖ. 1985. Опыт о человеческом разумении. Соч. в 3-х тт., т. 1. Москва: Мысль.
- МАСЛОУ А. 1999. Мотивация и личность / Пер. с англ. А. М. Татлыбаевой. Санкт-Петербург: Евразия.
- МАСТЕРСКИХ С. В. 2004. Концепт «желание» в сопоставительном плане (на материале глагольных лексем русского, английского и немецкого языков). – Автореф. дис... канд. филол. наук. Тюмень.
- МЕЙЕ А. 1914. Введение в сравнительную грамматику индоевропейских языков. Юрьев: К. Маттисен.
- МИЛЮТИНА М. Г. 2006. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка – результат» и его выражение в современном русском языке. – Автореф. дис.... докт. филол. наук. Екатеринбург.
- НЕБЫКОВА С. И. 1972. Структура предложений современного русского языка с точки зрения содержания модальности возможности и необходимости – Автореф. дис.... канд. филол. наук. Москва.
- НОВЫЙ объяснительный словарь синонимов русского языка. 1997–2003 / Под ред. Ю. Д. Апресяна, вып. 1 и 2. Москва: Языки русской культуры.
- ПАДУЧЕВА Е. В. 2004. Динамические модели в семантике лексики. Москва: Языки славянской культуры.
- ПАНОВА Л. Г. 2000. *Грех* как религиозный концепт (на примере русского слова «грех» и итальянского “peccato”). – Логический анализ языка. Языки этики / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко, Н. К. Рябцева. Москва: Языки русской культуры. С. 166–177.
- ПЕШКОВСКИЙ А. М. 1956. Русский синтаксис в научном освещении. Москва: Учпедгиз.
- ПЛУНГЯН В. А. 2000. Общая морфология: введение в проблематику. Москва: УРСС.
- ПЛУНГЯН В. А. 2004. Классификация элементарных глагольных значений, используемых в БД “Verbum”. – <www.mccme.ru/ling/verbum.html>
- ПОТЕБНЯ А. А. 1958. Из записок по русской грамматике. т. I – II. Москва: Учпедгиз.
- ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А. Г. 1959. Этимологический словарь русского языка, т. 1–2. Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей.
- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ словарь. 1997. Москва: Педагогика-пресс.

- РАСПОПОВА Т. И. 1982. Оптативные предложения на материале русского и английского языков. – Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ленинград.
- РУССКАЯ ГРАММАТИКА. 1980. / Ред. коллегия Н. Ю. Шведова, Н. Д. Арутюнова, А. В. Бондарко и др. АН СССР, Институт русского языка. Москва: Наука.
- РУССКИЙ семантический словарь. 1983. Опыт автоматического построения тезауруса: от понятия к слову. Москва: Наука.
- РУССКИЙ семантический словарь 2002–2003. / Под общ. ред. Н. Ю. Шведовой. Российская Академия Наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова. Москва: Азбуковник.
- СЕЛИЩЕВ А. М. 1952. Старославянский язык. Ч. 2. Тексты. Словарь. Очерки морфологии. Москва: Издательство МГУ.
- СЕМАНТИЧЕСКИЕ типы предикатов 1982. / Под ред. О. Н. Селиверстовой. Москва: Наука.
- СЛОВАРЬ русского языка XI–XVII вв. 1975–2002, 20 выпусков. Москва: Наука.
- СЛОВАРЬ русского языка 1981–1984, т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык.
- СЛОВАРЬ русского языка XVIII века. 1984–2004, 14 выпусков. РАН, Институт русского языка, Санкт-Петербург: Наука.
- СЛОВАРЬ русского языка 1999, т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. Москва: Русский язык.
- СЛОВАРЬ современного русского литературного языка 1950–1965, т. 1–17. Институт языкознания. Москва – Ленинград: Издательство АН СССР.
- СПИНОЗА Б. 2001. Этика. Минск: Харвест.
- СРЕЗНЕВСКИЙ И. И. 1989. Словарь древнерусского языка т. 1–3. Москва: Книга.
- СТАРОСЛАВЯНСКИЙ словарь (по рукописям X–XI веков) 1999. / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. Москва: Русский язык.
- СТЕПАНОВ Ю. С. 1981. Имена, предикаты, предложения. Москва: Наука
- СТЕПАНОВ Ю. С. 1985. В трехмерном пространстве языка. Москва: Наука.
- ТЕОРИЯ функциональной грамматики. 1990. Темпоральность. Модальность / Отв. ред. А. В. Бондарко Ленинград: Наука.
- ТОЛКОВЫЙ словарь русского языка. 1935–1940, т. 1–4. / Под ред. Д. Н. Ушакова. Москва: Издательство иностранных и национальных словарей.
- ТРУБ В. М. 1993. К проблеме семантического описания желаний. – Wiener Slawistischer Almanach (31). С. 275–298.
- ТУРОВСКАЯ С. Н. 1997. Проблемы изучения модальных смыслов: теоретический аспект (на материале современного русского языка). *Dissertationes Philologiae Slavicae Universitatis Tartuensis*. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus.
- ТУРОВСКАЯ С. Н. 2003. В пространстве долженствования. Таллинн: TRÜ Kirjastus.
- ФАСМЕР М. 1986. Этимологический словарь русского языка т. 1–4. Москва: Прогресс.
- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ словарь русского языка 1994. / Под ред. А. И. Молоткова. Санкт-Петербург: Вариант.
- ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ словарь русского литературного языка конца XVIII–XX веков. 1997, т. 1–2. / Сост. А. И. Федоров. Москва: Цитадель.
- ХАНИНА О. В. 2003. Опыт описания семантической зоны желания и средств ее выражения. – Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 5. Москва: Издательство МГУ. С. 101–116.
- ХАНИНА О. В. 2004. Дезидератив и реальность. – Исследования по теории грамматики, 3. Ирреалис и ирреальность. Москва: Гнозис. С. 414–429.
- ЧЕЙФ У. 1975. Значение и структура языка. Москва: Прогресс.

- ЧЕРНЫХ П. Я. 2002. Историко-этимологический словарь современного русского языка, т. 1–2. Москва: Русский язык.
- ШАТУНОВСКИЙ И. Б. 1989. Пропозициональные установки: воля и желание. – Логический анализ языка. Проблемы интенциональных и прагматических контекстов / Отв. ред. Н. Д. Арутюнова Москва: Наука С. 155–185.
- ШАТУНОВСКИЙ И. Б. 1996. Семантика предложения и нереферентные слова. Значение. Коммуникативная перспектива. Прагматика. Москва: Языки русской культуры.
- ШВЕДОВА Н. Ю. 1974. Синтаксическое желательное наклонение. – Современные проблемы литературоведения и языкознания. Москва: Наука. С. 455–466.
- ШЕЛЯКИН М. А. 2001. Функциональная грамматика русского языка. Москва: Русский язык.
- ЩЕРБА Л. В. 1974. Языковая система и речевая деятельность. Ленинград: Наука.
- ЯЗЫКОЗНАНИЕ. Большой энциклопедический словарь. 1998. / Гл. ред. В. Н. Ярцева. Москва: Научное издательство «Большая Российская энциклопедия».
- ЯКОБСОН Р. 1985. Взгляды Боаса на грамматическое значение. Москва: Прогресс.
- ЯСПЕРС К. 1997. Общая психопатология. Москва: Практика.
- ВУБЕЕ, J., PERKINS, R., PAGLIUCA W. 1994. The evolution of grammar: tense, aspect and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press.
- ВУБЕЕ, J., FLEISCHMANN S. (eds.). 1995. Modality in Grammar and Discourse. Amsterdam: Benjamins.
- CHOMSKY, N. 1957. Syntactic Structures. The Hague: Mouton and Co.
- KENNY, A. 1973, 2003. Action, emotion and will. London, New York: Routledge.
- KURYŁOWICZ, JERZY. 1964. The inflectional categories of Indo-European. Heidelberg: Carl Winter Universitätsverlag.
- WRIGHT G. H. von. 2004. Explanation and understanding. Ithaca, NY; London: Cornell University Press.

ELULOOKIRJELDUS

Nimi: Inna Adamson

Sünniaeg ja -koht: 16.11.1973, Tallinn, Eesti

Kodakondsus: Eesti

Haridus:

- 1981–1991 Tallinna 53. Keskkool
1984–1991 Muusikaline keskharidus
1991–1998 Sankt-Peterburi Riiklik Ülikool, eriala: filoloog-russist, vene keele ja kirjanduse õpetaja.
1999–2002 Tallinna Pedagoogikaülikooli magistratuur. Magistritöö teema “Tahet väljendavate vene keele fraseologismide pragmaatiline kirjeldus”. Juhendas professor S. Turovskaja (PhD)
2002– MA kraad vene filoloogia erialal
2002–2006 Tallinna Pedagoogikaülikooli (alates 2005. aastast Tallinna Ülikooli) doktorantuur

Teenistuskäik:

- 1998–1999 Toimetaja abiline eesti-vene sõnaraamatute koostamise töörühmas Eesti Keele Instituudis
1998–2000 Mustamäe Haigla (Põhja-Eesti Regionaalhaigla) Raviarvelduse- ja statistika osakonna arvepidaja
2000 OÜ BMT juhiabi ja tõlk
2000–2001 TLÜ Slaavi filoloogia osakonna vene keele õppetooli tunnitasele lektor
2000–2003 AS Multilingua tunnitasele vene keele kui võõrkeele õpetaja
2001– TLÜ Slaavi filoloogia osakonna vene keele õppetooli assistent

Teadustegevus:

- 2000– Rahvusvahelise vene keele ja kirjanduse õpetajate assotsiatsiooni (MAPRYAL) liige
2002 TPÜ kogumiku A 21 Humaniora vastutav toimetaja
2002– Vabariikliku vene keele kui võõrkeele olümpiaadi orgkomitee ja žürii liige
2002– TLÜ Filoloogiateaduskonna Teadus- ja arenduskomisjoni liige
2002– TLÜ slaavi filoloogia osakonna magistrinõukogu liige
2002– Eesti Terminoloogiaühingu liige, Eesti Keele Instituudis
2003–2004 Rahvusvahelise seminari “Teksti maailm: aeg, ruum, subject” orgkomitee liige. Korraldaja: TLÜ vene keele õppetool
2006 TLÜ vene keele õppetooli artiklikogumiku “Teksti maailm: aeg, ruum, subjekt” vastutav toimetaja
2006 Lühikese vene-eesti lingvistiliste terminite käsiraamatu-teatmiku koostaja

БИОГРАФИЯ

Имя: Инна Адамсон

Дата и место рождения: 16.11.1973, Таллин, Эстония.

Гражданство: Эстония

Образование:

- 1981–1991 Таллинская 53-я средняя школа
1984–1991 Среднее музыкальное образование
1991–1998 Санкт-Петербургский государственный университет. Специальность: Филолог-русист. Преподаватель русского языка и литературы по специальности «Филология»
1999–2002 Магистратура Таллинского педагогического университета. Тема магистерской диссертации «Прагматическое описание фразеологизмов с волитивным компонентом значения (на материале русского языка)». Научный руководитель: профессор С. Н. Туровская (*PhD*)
2002 Научная степень *Magister Artium (MA)* по русскому языку
2002–2006 Докторантура Таллинского педагогического университета (с 2005 года Таллинский университет)

Трудовая деятельность:

- 1998–1999 Помощник редактора в рабочей группе по составлению эстонско-русского словаря в Институте эстонского языка
1998–2000 Медрегистратор отделения статистики Мустамяэской больницы г. Таллина (Северозэстонская региональная больница)
2000 Секретарь и переводчик в фирме OÜ ВМТ
2000–2001 Преподаватель отделения славянской филологии Таллинского педагогического университета (Таллинского университета) на почасовых основаниях
2000–2003 Преподаватель русского языка как иностранного в AS Multilingua
2001– Ассистент кафедры русского языка отделения славянской филологии Таллинского университета

Научная деятельность:

- 2000– Член Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы МАПРЯЛ
2002– Член оргкомитета и жюри Республиканской олимпиады по русскому языку как иностранному
2002– Член комиссии Филологического факультета Таллинского университета по развитию науки
2002– Член Терминологического общества Эстонии при Институте эстонского языка
2002– Член Магистерского совета отделения славянской филологии Таллинского университета
2002 Ответственный редактор сборника «Ученые записки Таллинского педагогического университета», A 21 *Humaniora*
2003–2004 Член оргкомитета международного научного семинара «Мир текста: время, пространство, субъект». Место: кафедра русского языка Таллинского университета
2006 Ответственный редактор сборника кафедры русского языка Таллинского университета «Мир текста: время, пространство, субъект»
2006 Составитель краткого русско-эстонского словаря-справочника лингвистических терминов

TALLINNA ÜLIKOOL

HUMANITAARTEADUSTE DISSERTATSIOONID

1. СЕРГЕЙ ДОЦЕНКО. *Проблемы поэтики А. М. Ремизова. Автобиографизм как конструктивный принцип творчества*. Таллин: Изд-во ТПУ, 2000. 162 стр. Таллинский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 1. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-135-0.
2. MART KIVIMÄE. *Ajaloomõtlemise kolm strateegiat ja nende dialoogisuhted minevikuga (lisades tõlgitud R. Kose-lleck, J. Rüsen, E. Nolte). Historismi muutumise, arendamise, ületamise probleemid*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2000. 201 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 2. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-164-4.
3. НАТАЛЬЯ НЕЧУНАЕВА. *Минья как тип славяно-греческого средневекового текста*. Таллин: Изд-во ТПУ, 2000. 177 стр. Таллинский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 3. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-125-3.
4. ОЛЕГ КОСТАНДИ. *Раннее творчество В. Каверина как литературный и культурный феномен*. Таллин: Изд-во ТПУ, 2001. 142 стр. Таллинский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 4. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-180-6.
5. LAURI LINDSTRÖM. *Album Academicum Universitatis Tartuensis 1918–1944. Rahvus, sugu, sünnikoht ja kesk-hariduse omandamise koht üliõpilaskonna kujunemist ja kõrghariduse omandamist mõjutavate teguritena*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2001. 92 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 5. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-190-3.
6. АУРИКА МЕЙМРЕ. *Русские литераторы-эмигранты в Эстонии 1918–1940. На материале периодической печати*. Таллин: Изд-во ТПУ, 2001. 165 стр. Таллинский педагогический университет. Диссертации по гуманитарным наукам, 6. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-205-5.
7. AIVAR JÜRGENSON. *Siberi eestlaste territoriaalsus ja identiteet*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2002. 312 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 7. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-239-X.
8. DAVID VSEVIOV. *Kirde-Eesti urbaanse anomaalia kujunemine ning struktuur pärast Teist maailmasõda*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2002. 104 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 8. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-242-X.
9. ROMAN KALLAS. *Eesti kirjanduse õpetamise traditsioon XX sajandi vene õppekeele koolis*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2003. 68 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 9. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-256-X.
10. KRISTA KERGE. *Keele variatiivsus ja mine-tuletus allkeelte süntaktilise keerukuse tegurina*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2003. 246 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 10. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-265-9.
11. АННА ГУБЕРГРИЦ. *Русская драматургия для детей как элемент субкультуры: 1920–1930-е годы*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2004. 168 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 11. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-302-7.
12. VAHUR MÄGI. *Inseneriühendused Eesti riigi ülesehituses ja kultuuriprotsessis (1918–1940)*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2004. 146 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 12. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-344-2.
13. HEIKKI OLAVI KALLIO. *Suomen ja Viron tiedesuhteet erityisesti Viron miehitysaikana vuosina 1940–1991*. Tallinn: TPÜ kirjastus, 2004. 243 lk. Tallinna Pedagoogikaülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 13. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-350-7.
14. ÜLLE RANNUT. *Keelekeskkonna mõju vene õpilaste eesti keele omandamisele ja integratsioonile Eestis*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2005. 215 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 14. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-394-9.
15. MERLE JUNG. *Sprachspielerische Texte als Impulse für schriftliche Textproduktion im Bereich Deutsch als Fremdsprache*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2006. 186 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 15. ISSN 1406-4391. ISBN 9985-58-409-0.
16. ANDRES ADAMSON. *Hertsog Magnus von Holmsteini roll Läänemere-ruumis Liivi sõja perioodil*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2005. 156 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 16. ISSN 1736-3624. ISBN 9985-58-427-9.
17. АИДА ХАЧАТУРЯН. *Роман В.С. Маканина «Андеграунд, или Герой нашего времени»: Ното urbanis в поле «усреднения»*. Tallinn: TLÜ kirjastus, 2006. 146 lk. Tallinna Ülikool. Humanitaarteaduste dissertatsioonid, 17. ISSN 1736-3624. ISBN-10 9985-58-435-X. ISBN-13 987-9985-58-435-4.